К60
125
Т1в2

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СБОРНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ

ТОМ I ВЫПУСК 2

К60—125

Л. Л. ВАСИЛЬЕВ

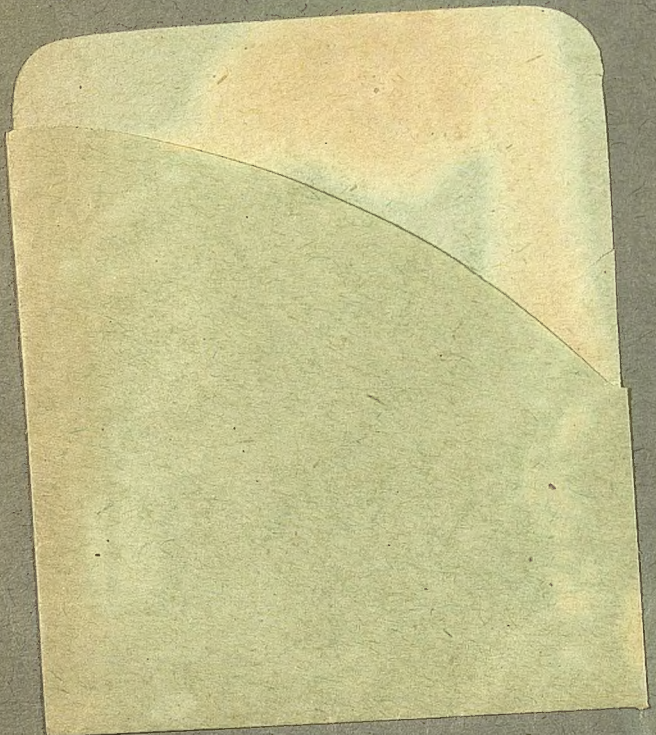
О ЗНАЧЕНИИ КАМОРЫ В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА *О* В ВЕЛИКОРУССКОМ НАРЕЧИИ

4284

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

84653/8



К60
125
491.7 И-1
В19

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СБОРНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ

ТОМ I ВЫПУСК 2

Л. Л. ВАСИЛЬЕВ

О ЗНАЧЕНИИ КАМОРЫ В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА *О* В ВЕЛИКОРУССКОМ НАРЕЧИИ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 34653
80

4254

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Январь 1929 г.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор выпуска акад. *Е. Ф. Карский*

Начато набором в апреле 1928 г. — Окончено печатанием в январе 1929 г.

Тит. л. + X + 164 стр.

Ленинградский Областлит № 15112. — 11 2/16 печ. л. — Тираж 650
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12

ОТ РЕДАКТОРА.

Приват-доцент Петербургского Университета Леонид Лазаревич Васильев 16 августа 1913 г. обратился ко мне, издававшему тогда «Русский Филологический Вестник», с письмом, в котором между прочим писал: «Я окончил довольно большое исследование о значении каморы (ˆ) в некоторых древнерусских памятниках XVI в.; камора эта стоит над *о*, которое может быть сближено с напряженным *о* русских говоров (великорусских), с одной стороны, и с *ǫ* (по Плетершнику) словинского языка. Вот я очень бы просил Вас не отказать поместить это исследование на страницах Вашего глубокоуважаемого журнала... Возможно, что это исследование представлю на соискание степени магистра русского языка». Я ответил согласием напечатать названную работу. Однако рукопись Л. Л. Васильева ко мне не поступала. Из приписки его в письме ко мне я узнал, что он в то время находился в больнице по нервным болезням.[1] Из «Отчета о деятельности ОРЯС АН за 1916 г.» (стр. 11) я узнал, что названная работа Л. Л. Васильева (в рукописи), согласно отзыва А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, удостоена большой премии имени М. Н. Ахматова. После этого в 1917 г. рукопись, наконец, поступила ко мне, с написанной карандашем на одной из страниц ее рукой Васильева просьбой напечатать работу в РФВ. Приступлено было немедленно к печати, и часть ее появилась в 78 томе журнала (см. ниже вын. на стр. 1). Но за недостатком средств издание РФВ прекратилось. Пробывши около десяти лет

[1] История писания работы о значении каморы рассказана Н. Н. Дурново в некрологе Васильева, напечатанном в Slavia, IV, 1926, № 4, стр. 858—860.

в психическом расстройстве, умер и автор сочинения. Между тем от разных лиц, занимающихся славянской акцентологией, поступали неоднократные запросы о судьбе ценного труда Л. Л. Васильева. Принимая во внимание, что названная диссертация не утратила своего значения до сих пор, хотя одновременно с нею и после явилось по вопросу об ударении в славянских языках несколько статей за границей и у нас, II Отделение АН СССР признало необходимым напечатать ее в Сборнике по русскому языку.

Так как тем же предметом и отчасти по тому же материалу одновременно с Л. Л. Васильевым занимался и А. А. Шахматов, то является желательным здесь же напечатать и отзыв о ней последнего, сохранившийся в бумагах незабвенного академика, глубокого знатока русского языка.

Е. Карский.

ОТЗЫВ А. А. ШАХМАТОВА О ТРУДЕ Л. Л. ВАСИЛЬЕВА.

Этот труд представлен на Соискание премии М. Н. Ахматова не самим автором, а согласно его желанию его родными. Сам автор тяжко болен. Болезнь помешала ему довести труд до конца и сдать его в печать. Но из приписки, сделанной 22 октября 1913 г. на листке, содержащем предисловие, видно, что автор, чуствовавший приближение тяжкой болезни, считал свой труд оконченным и надеялся увидеть его напечатанным. Впрочем, труд автора прервался еще в марте 1913 года.

Задачей своего труда автор в Предисловии ставит определение значения каморы (знака ˆ) в некоторых древне-русских памятниках XVI века. Автор остановился на следующих двух памятниках: Псалтыри XVI в. И. П. Б. F I, № 7 и Сборнике Софийской Библиотеки XVI в. № 1460. Оба эти памятника остановили на себе давно внимание автора своими ударениями; он «увидел в них однородную систему употребления каморы и догадывался, что камора стоит в них над буквой *о*, означая звук *о* из древнего *о* (не ъ) в таких словах, которые имеют неподвижное ударение» (ср. *вôля*, но *гóру*, *пóлно*). Но далее этого он итти не мог до того момента, как познакомился с трудом Олафа Брока «Описание говоров Тотемского уезда». «Я сразу понял, — продолжает автор, — что нашел ключ к интересовавшей меня загадке: случаи *ô* с каморою вполне соответствовали случаям с напряженным *ô* из Вологодск. говора, тогда как *ó* без каморы соответствовало обыкновенному *о*. В это же время я определил точные условия, при которых является первое и второе: *ô* из древнего *о* было обусловлено старым восходящим ударением *(вôля)*, а открытое *о* из древнего *о* нисходящим ударением *(гóру)*». Повторным толчком к обработке сделанных наблюдений было знакомство автора с описанием О. М. Тоньшина говора с. Ново-

сёлки Ряз. уезда, помещенным в Трудах Моск. Диалектологической Комиссии (РФВ, 1912, № 3), где различены те же два *о* при тех же условиях. Дальнейшие разыскания дали возможность автору привлечь однородные наблюдения и из других русских говоров, как-то: Даля для Задесенья Черниговского края, М. Разумовской для Нолинск. уезда Вятской губ., В. Лебедева для Грязов. уезда Волог. губ., анонимного автора для Кологрив. уезда Костр. губ., П. Н. Виноградова для Шунгенск. вол. Костр. уезда, В. Мансикки для Грязов. уезда Волог. губ. Кроме того: *ǒ* было указано еще в следующих доступных автору материалах: в наблюдениях А. А. Шахматова в Ельнинских и Мосальских говорах, в описании говора с. Рудинки Скопинского у. Рязанск. губ., помещенном в Трудах Диалектологической Комиссии, в описании говора с. Починки Егорьевского у. Рязанск. губ., в описании говора с. Васютина Петровск. вол. Рязанск. губ., в наблюдениях Ев. Ф. Будде по говорам Белевск. и Крапив. у., в его же наблюдениях по Касим. говорам. Установив таким образом свои материалы и справедливо отводя главное место между ними наблюдениям О. Брока в О. М. Тоньшина (последний дополнил напечатанное им в РФВ многочисленными ценными сообщениями, адресованными Л. Л. Васильеву), автор указывает затем на параллельные явления других славянских языков, при чем отмечает совпадение условий появления, напр., *о* в русском и словинском языке. Впрочем, такого совпадения на самом деле нет, а есть определенная параллель между наличностью в русских говорах *ǒ* напряженного под ударением не в корне слова и словинским *ó* (т. е. *o* под восходящим ударением). Вот смысл вводных замечаний автора, изложенных на стр. 1—15 рукописи.[1]

Дальнейшее содержание представляет уже самое исследование, разбитое на главы и параграфы. Я кратко изложу содержание каждой главы. В I главе автор замечает, что камора в Псалтыри и Сборнике употребляется почти исключительно над *о;* отметив затем в обеих рукописях замену *о* через ѡ, автор дает краткие указания на употребление каморы в других случаях, вообще редких и в Псалтыри, вызванных, быть может, влиянием ее оригинала. Во II главе автор отмечает и объясняет те редкие случаи, где *ǒ* стоит на месте древнего ъ. В III главе рассматри-

[1] 5—17 печати. Ниже страницы везде поправлены мною применительно к печатному тексту. *Е. К.*

ваются случаи, где звук *о* стоит в абсолютном начале слова. В IV главе (23—24) случаи, где *ó* стоит на месте древних *е, ъ*. В V главе (24—58) говорится о случаях с открытым *о* (в памятниках *ó*): «открытое *о*, — замечает автор, — обусловлено, как выше сказано, старым нисходящим ударением, которое устанавливается отчасти путем сравнения с сербским и словинским языками, а отчасти перенесением ударения на предлоги и приставки в русском языке». Гл. VI (58—88) рассматривает напряженное *ó* в срединном открытом слоге. Глава VII (88—109) приводит случаи с *ó* в закрытом срединном слоге. Глава VIII (109—125) приводит случаи напряженного *ó* в закрытом конечном слоге. Глава IX (125—133) приводит случаи с *ó* в конечном открытом слоге. Глава X (133—139) рассматривает случаи, где *ó* является в окончании членных имен прилагательных, а также местоимений и в творительном падеже единств. числа имен существительных женск. рода и местоимений. Глава XI (139—141) рассматривает звук *о* в глаголах на *-ова́ть*. Глава XII (141—143) исследует звук *о* в именах собственных и книжных заимствованных словах. Глава XIII, дополнительная (стр. 143—145), содержит некоторые общие выводы из наблюдений над русским ударением. К исследованию присоединено приложение, в котором под № 1 дается краткая характеристика письма Псалтыри F I № 7 и отражение в нем звуковых и формальных особенностей писца этой Псалтыри; под № 2 краткая характеристика письма Сборника Соф. № 1460 и отражение в этом письме звуковых и формальных особенностей писца этого памятника. Под № 3 (151—152) говорится об употреблении каморы над напряженным *ó* не в связи с системой обозначения ударений, подобною современной системе ударения: дело идет о рукописи XVI—XVII в. Архива св. синода № 3874. В приложении № 4 (153—159) говорится об употреблении в Сборн. Соф. № 1460 надстрочных значков: значка ᾽, значка ᾽, значка ˘. В приложении № 5 (160—161) говорится о возможном заносе употребления каморы над напряженным *ó* с юга славянства. В приложении № 6 (162) дан образец говора с. Новосёлки Рязанск. губ. по записи Ф. М. Тоньшина (сказка). В приложении № 7 (221—230 рук.) дан образец письма Сборн. Соф. № 1460.[1]

[1] В книге не напечатано. *Е. К.*

Таким образом, автор весь свой объемистый труд посвятил доказательству выставленного им положения, по которому звук *о* в русском языке диалектически различался и продолжает различаться до сих пор в зависимости от стоявшего на нем исконного ударения: под исконным нисходящим ударением *о* было и остается до сих пор открытым, под исконным восходящим ударением *о* было и остается до сих пор закрытым напряженным; эта диалектическая особенность сказалась в рассматриваемых автором двух памятниках, которые ударенное *о* открытое изображают через б, а ударенное *о* напряженное через б. В основу работы положены явления указанных памятников; они согласованы с явлениями современных говоров; и вместе с последними объяснены соответствующими явлениями древнего ударения, насколько последние обнаруживаются из текстов русского, сербского и словинского языков. Мне кажется, что автор справился со своей сложной задачей и действительно доказал те главные положения, которые легли в основание его исследования. В этом заслуга автора. Он обогатил науку русского языка ценнейшими соображениями. Правда одновременно с Л. Л. Васильевым пишущий эти строки пришел к тем же выводам, что автор названного исследования, по вопросу именно об отношении современных *о* и *ô* ударенных в некоторых великорусских говорах к двоякой природе стоявших над *о* ударений (нисходящего и восходящего); о моих выводах знал Л. Л. Васильев, как он сам об этом говорит на стр. 12 и 15. Но я не мог даже помыслить о том, что в рукописи XVI в. можно отыскать различение *о* и *ô*, столь поразившее меня, также как и Л. Л. Васильева, впервые в описании Тотемского говора, данном проф. О. Броком. И вот в этом привлечении рукописных данных является новая и существенная заслуга Л. Л. Васильева. Можно с уверенностью сказать, что без его труда не скоро бы дошли исследователи до отождествления графических явлений рукописи XVI в. в отношении к двум видам ударяемого *о* с фактами современного великорусского областного языка. Приходится удивляться наблюдательности и научному таланту автора и вместе с тем самым искренним образом пожалеть о том, что его нет среди нас, что он не продолжает своих работ, и что уже нет надежды увидеть в его будущих произведениях такие выдающиеся вклады, каков настоящий труд и какова одна из известных его работ, напечатанная в Известиях

Отделения Русского Языка и Словесности под заглавием: «Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в Обоянском говоре» (т. IX, кн. 1).

Свои критические замечания я ограничу лишь немногими возражениями; излагая их, я руководствуюсь прежде всего надеждой, что автор прочтет их и быть может воспользуется некоторыми из них, в случае если болезнь позволит ему приняться вновь за работу.

Во-первых, в отношении использованных автором материалов мы замечаем странный, непонятный пропуск. Л. Л. Васильев не догадался связать блестящего открытия, сделанного им в только-что названном исследовании об Обоянском говоре, с тем, что он говорил о двух *о* в современных и др.-русских говорах. Исследование Л. Л. Васильева доказало наличность в древнейшую эпоху жизни Обоянского говора *ô* под ударением, восходящего к исконному *о,* и *о* открытого под ударением, восходящего к исконному *ъ;* из колебаний, как *сяло* — *силом* ясно следует, что в *сяло о* было некогда *ô* напряженным; а *о* в *силом* открытое. Понятно, как важно было бы для автора привлечь к своему исследованию факты, хорошо известные ему по записям Н. Машкина Обоянского говора. Ведь в § 75 по вопросу о напряженном и ненапр. *-го* в род. находим у Л. Л. Васильева ссылку на Обоянский говор. Также на стр. 123 по поводу твор. пад. В отношении материала замечу еще, что автор с недостаточной критикой отнесся к некоторым из них, напр. к наблюдениям точной Н. Н. Виноградова.

Во-вторых, мне кажется, что автор упустил из вида следующее основное и вместе с тем простое положение. Открытое *о* в русских говорах, различающих *о* и *ô,* может находиться только в начале слова, ибо нисходящее ударение в общеславянском праязыке, так же как позже в отдельных славянских языках (срвн. современный сербский и энклизу в русском), могло сохраняться только на начальном слоге, переносясь с других слогов на начальный. В виду этого Л. Л. Васильеву с самого начала исследования надлежало уяснить, что колебание между *о* и *ô* возможно только на начальном слоге, в середине же на слогах закрытых и открытых возможно только напряженное *ô*. Исходя из этого положения автор значительно сократил бы свое исследование, не разбил бы все имевшиеся в его распоряжении случаи на грамма-

тические категории, а рассмотрел бы, во-первых, напряженное ли или нет *о* в начальном слогѐ того или другого слова, во-вторых, все случаи, где в неначальном слоге явится *о* ненапряженное. Кроме того уяснение указанных главных оснований предостерегло бы Л. Л. Васильева от ряда ошибочных заключений и предположений: так он на стр. 137 и след. рассматривает колебание между тв. ед. *-бю* исследуемых им памятников, *-бй* в Рязанск. говоре и *-ой* в Тотемск. говоре по Броку и приходит к следующему заключению (на стр. 138): «Я присоединяюсь к мысли О. Брока, имевшего, правда, данные лишь одного говора, что открытое *о* для этой формы древнее, ибо стать из напряженного открытым для него не было особых данных в этой форме, между тем как оно могло легко приобрести напряженность по аналогии от членных имен прилагательных, где оно было законно». Ниже увидим дальнейшее развитие приведенного заключения, а пока утверждаем, что в таком заключении методологическая ошибка: *руко́ю* было невозможно с нисходящим ударением на *о*, ибо нисходящее ударение перенеслось бы на предшествующий слог; следовательно, исконное произношение было *руко̀ю;* произношение же *руко́й* с открытым *о* скорее всего объясняется влиянием прилагательных, где рядом с *-бй* из *-бю* и *бй* (дат. п.) было известно и *-ой* (из *-оть* в род. п.), при чем *-ой* вытеснило *-бй* по аналогии (ср. вытеснение в некоторых говорах исконного *-бй* через *-эй* в случаях как *хромэй,* дат. и местн., *хромэй, женэй, мнэй,* твор.). Равным образом наличность *о́* в дат. мн. в случаях как *дело́м, зубо́м, облако́м, сыно́м, врагю́м,* дат. дв. *крыло́ма, вько́ма* (стр. 123) требовали бы настойчивого признания *о́* вм. ожидаемого *о̀;* Л. Л. Васильев понимал, что *о́* здесь новое, но обнаруживает все-таки такое колебание, которому не может быть места, если иметь в виду основное положение о неисконности *о́* в неначальном слоге.

В-третьих, автору, несмотря на его блестящее открытие на основании различения значков ´ и ˆ в исследованных им двух памятниках, можно всетаки поставить в вину его слишком большое доверие к графике. Между прочим, как мне кажется, он не уясняет себе в достаточной степени, что знак ` нельзя признавать знаком ударения; это какой-то графический прием, применявшийся во многих рукописях для обозначения конечной гласной. Между тем в двух местах своего исследования Л. Л. Ва-

сильев придает знаку ` и значкам ᷃ на конце слова значение знаков ударения и впадает вследствие этого в досадную ошибку. На стр. 133 читаем: «Но самое интересное в этой Псалтыри заключается в знаке ударения над *о* при основном ударении: о̀би́дящаго̂, изгѡна́щаго̂, пра́веднаго̂, вы́шнаго̂ и однажды при отсутствии основного ударения: въстаю̀щаго̀. Последнее явление, если только здесь не случайный пропуск главного ударения на *-ста,* следует сравнивать с великорусскими фамилиями на *-во: Дурново́, Благово́, Сухово́.* Следовательно, хотя *о* у имен прилагательных в окончании на *-го* в общей массе и не имело на слоге ударения, но оно могло притягивать на себя таковое, если имя прилагательное выходило из категории имен прилагательных, которые своей акцентовкой других падежей препятствовали перенесению ударения на окончание (срвн. сербск. диалектические staregȁ, staremȕ, starimȉ)». Решительно возражаю Л. Л. Васильеву и нахожу, что ᷃ в Псалтыри, как и во многих рукописях XVI—XVII в., имеет значение простого надстрочного значка, а не ударения. На стр. 138 видим сходное утверждение; на основании написаний, как *оузджю̀, гроубою̀, землею̀, со мнѡю̀,* к которым присоединяются очень не много случаев с ´ вм. ` *(роукою́, пред тобою́, со мнѡю́, предо мнѡю́),* делается вывод об исконности наконечной акцентовки твор. падежа.

Напротив, в заслугу автору ставлю его всестороннее освещение ударения отдельных слов и грамматических категорий; он дал нам ряд ценных экскурсов в область ударения русского и других славянских языков, обогатив их вместе с тем и исключительными сообщениями, касающимися звуковых явлений русского языка. Как указано в предисловии, автор задумал составить «грамматику древне-русского ударения по великорусским памятникам XVI—XVII и начала XVIII в.»; в настоящем исследовании помещены содержательные отрывки из этого неоконченного автором труда.

Несмотря на указанные недостатки исследования Л. Л. Васильева, я еще раз выскажу свое восхищение по поводу сделанного им блестящего открытия; заслуга автора, однако, не только в его остроумной догадке, явившейся в результате правильно поставленных наблюдений; он подтвердил ее научными доказательствами, свидетельствующими о глубоком понимании и фонетики и акцентологии славянских языков. В предложенных

научных доказательствах находим вдумчивые и важные исследования как о природе русских звуков, так и о месте ударения в целом ряде грамматических и лексических категорий.

Приняв во внимание все вышесказанное, я прихожу к заключению, что автор своим трудом существенно обогатил науку о русском языке: широко поставив вопрос о соответствии великор. областного напряженного *о* и ненапряженного *о* древнему характеру двух ударений над звуком *о*, автор первый из исследователей решился проследить характер *о* напряженного и ненапряженного в рукописях и доказал исчерпывающим и блестящим образом, что такое различие проведено в двух рукописях XVI в.

Признавая труд Л. Л. Васильева весьма выдающимся явлением в области русского и славянских языков, выражая надежду увидеть его напечатанным, я высказываюсь за присуждение большой премии имени М. Н. Ахматова.

О ЗНАЧЕНИИ КАМОРЫ В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ.

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА *О* В ВЕЛИКОРУССКОМ НАРЕЧИИ.

Предисловие.[1]

Хотя предлагаемая работа и касается одного вполне определенного вопроса о значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI века, но в виду того, что этот вопрос предполагалось поместить, как особый отдел, в давно задуманную мною грамматику древнерусского ударения по великорусским памятникам XVI—XVII и начала XVIII в., из которой было бы вполне ясно, почему то или другое слово относится мною к тому или другому типу ударения, в виду этого обстоятельства мне пришлось в настоящую работу ввести, как необходимое освещение, некоторые главы или части их из помянутой грамматики, которые являются для этой работы как бы балластом и отклонением в сторону, а между тем без них мне было бы трудно убедить читателя в том или другом своем положении. Кроме того, боязнь, что означенная грамматика когда-либо будет окончена, заставила меня вводить некоторые ее обобщения и без особенно тесной связи с изложением; между тем я считаю таковые обобщения важными и нелишними для русской науки по уда-

[1] Начало работы (предисловие, введение и главы I — IV) являются перепечаткой из «Русск. Филолог. Вестника», т. LXXVIII (Казань, 1918 г.), погибшей в большинстве экземпляров во время пересылки по железной дороге в Петроград.

рению при недостатке каких-либо серьезных работ по этому отделу русской грамматики: это — те вехи, по которым можно будет легче другому исследователю строить обобщения фактов по ударению из древнерусских памятников: я знаю по горькому опыту, что таковые обобщения даются нелегко, а потому умолчать об них было бы с моей стороны грешно, не надеясь окончить свой труд (грамматику) в полном объеме.

Объяснение сокращений.

Рукописи:

Алф. — Алфавит, XVII в., А. Н. 33. 9. 1.
Арифм. (А. Н.) — Арифметика, XVII в., А. Н. 17. 8. 32.
Арифм. (Г. П. Б.) — » » Г. П. Б., Q. IX. № 43.
Журн. Шерем. — Журнал Б. П. Шереметева, нач. XVIII в., Погод. № 1743.
Злат. — Златоуст, XVII в., А. Н. 33. 16. 10.
Кн. Степ. — Книга Степенная, до 1672 г., А. Н. 32. 8. 4.
Косм. — Космография XVII в., Г. П. Б., Q. IV. 270.
Лет. — Летопись XVII в., Погод. № 1406.
Новг. Лет. — Новгородская Летопись, XVI — XVII в., А. Н. 34. 4. 32 (с 384 л.).
Нов. Зав. XIV в. — Перевод Нового Завета, сделанный, по преданию, митр. Алексием (по фототипическому изд. митр. Моск. Леонтия).
Обих. К.-Б. — Обиход Кирилло-Белозерского монастыря, 1628—1629 гг., Тверской Музей, № 81.
Пал. XVI в. — Палея, XVI в., Соф. № 1464 (до 200 л.).
Пат. Скитск. — Патерик Скитский, XVII в., А. Н.
Подл. — Подлинник, XVII в., Погод. № 1928.
Псалт. — Псалтырь, XVI в., Г. П. Б., F. I. № 7.
Пс. Брюн. — Псалтырь Брюнона Вюрцембергского, А. Н. 16. 12. 7.
Сборн. — Софийский Сборник, XVI в., № 1460.
Сим. Лет. — Симеоновская Летопись, XVI в., А. Н.
Сказ. о срачице Госп. — Сказание о срачице Господней, XVII в., Погод. № 1590.
Торж. XVI в. — Торжественник, XVI в., Г. П. Б., приобретения 1907 г., № 96.
Триф. Кор. — Путешествие Трифона Коробейникова, XVII в., Погод. № 1590.
Хрон. — Хронограф XVI—XVII в., А. Н. 34. 4. 32. (до 384 л.).
Hort. Am. — Перевод книги Hortus Amoenus, сделанный в 1672 году земского приказа подъячим Андреем Никифоровым, рук. XVII—XVIII в., Погод. № 1683.

Старопечатные московские книги:[1]

Ап. 1564 г. — Апостол, 1564 г.[2]
Тр. П. 1589 г. — Триодь Постная, 1589 г.
Охт. 1594 г. — Охтаик, 1594 г.

---

[1] Мы пользовались экземплярами означенных старинных книг, принадлежащими Госуд. Публичной Библиотеке и Академии Наук.

[2] Римская цифра перед арабскою означает, в какой пагинации следует искать отмеченную форму: I — в первой, II — во второй.

Час. 1598 г. — Часовник, 1598 г.
Служ. 1602 г. — Служебник, 1602 г.
Ев. 1606 г. — Евангелие, 1606 г.
Мин. 1608 г. — Минея, октябрь, 1608 г.
Тр. 1623 г. — Требник, 1623 г.
Ратн. — Книга о ратном строении, 1647 г.
Сб. 1647 г. — Сборник, 1647 г.
Гр. Смотр. 1648 г. — Грамматика Мелетия Смотрицкого, 1648 г.
Улож. — Уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г.
Кормч. 1650 г. — Кормчая, 1649—1653 гг.

Введение.

Обыкновенно в древнерусских рукописях и старопечатных книгах XVI—XVII веков *камо́ра* или *каму́ра* (греч. καμάρα) наблюдается над односложными словами вроде м҃а, с҃е, т҃о, мнѣ҃ и т. п. Такое ее употребление подтверждается и примерами старых грамматических рассуждений.[1]

Однако, кроме этого обычного употребления каморы, в рукописях и старопечатных книгах можно усмотреть и другие. Она отожествляется иногда со знаком ′ и указывает место ударения в слове.[2] Как на образцы, я укажу на старопечатные: московскую Кормчую 1649—1653 г. (ѿ е҆ретѝкъ 17, дѣ́ло 77 об., пи́ра р. п. 83, моли́те 608) и киевский Анфологион 1619 г. (конц҃ 546, пожи́лъ 741, моли́бсѧ 63); иногда при этом замечается тенденция обозначать каморой последний *закрытый* ударенный слог (Евангелие 1616 г., напечатанное «въ Евю»: гостѧ̂тъ 28, принесе̂тъ 32, на стѣна̂хъ 40 об., кожа̑хъ 156 и т. п.; реже; ѕтова̀ришми 28). Из других употреблений каморы обращает на себя внимание, когда ею обозначается последний *открытый* ударенный слог: к этому типу относится, напр., Сборник Софийской Библиотеки XVI в. № 1464 (жена̂ 4, ко мнѣ̂ 7 об., теплоу̑ 36 об., съ ѡ҆́трокы̑ 33), а также памятник XIV века — Чудовский Новый Завет, писанный, по преданию,

---

[1] И. В. Ягич. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке (= Исследования по русскому языку, т. I), СПб., см. по «Указателю предметов» под словом «камора» соответствующие страницы.

[2] См. стр. 731 и 744 op. cit., где камора древними книжниками причисляется к просодиям, но ее употребление, однако, и здесь ограничивается односложными словами.

митрополитом Алексием (лоуна̑ 59 об., до|жда̑ 144 об., бѣды̑ 93 об., рожени̑ 59 об., насоудѣ̑ 81 об., могоу̑ 64, хро|мцю̑ 60, числ̑ 104, изведе̑ 20 об.; все эти, вернее, подобные им, формы возможны с ̀: трава̀ 8 об. и т. д.). Впрочем, в последнем памятнике камора нередка, особенно на первых 54 листах (более 150 случаев), и на срединных слогах (напр.: нѣводꙋ 8 об., лю҃ди 146, ѿ кра̑ѧ до кра̑ѧ 23 об.; чаще других букв, над *о:* го̑ре 7 об., в со̑нмище 16 об., хо̑дите 109).[1] Иногда камора употребляется совместно со знаком ́ (напр., в Торжественнике XVI в. Гос. П. Б. приобретения 1907 г. № 96: тѣ́же 198 об., вне̑́ погреба 565 об., ї тꙋ̑ мно̑́|ги 273), но редко; в других случаях камора на односложных словах: что̑ 219, ма̑ 274, и въ сволсе̑ 388 об. и др.[2]

Однако не вышеприведенные употребления каморы в древнерусских памятниках составят предмет настоящей работы; она

---

[1] В этом памятнике нередко замечается при обычной акцентовке параллельная ей, не совсем обычная наконечная, напр., пра́ведно 84 об. и праведно̀ 100 об; и́стинви 157 и истиннѝ 155 об.; вре́мѧ 62 об. и времѧ̀ 66 об., до́времени 121 об. и довременѝ 142 об.; во́имѧ 49 об. и воимѧ̀ 49, во́лю 156 и волю̀ 18, ѿ зако́на 121 об. и ѿ закона̀ ib., подобно каменѝ драгомꙋ̀ ꙗко ка́мени і аспидоу 158 и нек. др. (срвн. двойные ударения: пра́веднѝ 13, би́|серъмѝ 156 об., хи́трьцѝ 72 об., оꙋ̑готовитѐ 76, обличаю́щѧ̀ 124 об.); рядом с этим в параллельных формах с наконечною акцентовкою ударение обозначается через ̂: ѿ се̑́мени 67 об. и не ѿ се̑́|менѝ 84; и́скрьно 128 об. и и̂скрено̀ 121 об.; потре́бни 130 и потре|бно̀ 131 об., бра́шно 106 об. и брашно̀ 44, по́чиноꙋ̑ 144 и починоꙋ̑ ib., сі̑мѡна 65 об. и сі̑мѡна̀ 65 и нек. др. (срвн.: по дѣ́ствоꙋ̑ 134, проповѣ́даноꙋ̑ 130 об.). В виду сего и принимая во внимание вышеизложенное, можно допустить, что открытый последний слог в говоре писца Нового Завета обладал какою-то особенностью притягивать на себя ударение, и эта особенность, повидимому, и обозначалась через камору.

[2] Из других употреблений каморы укажу на особенное, не поддающееся прямому определению, в Прологе XVI в. (А. Н. 21. 3. 1), орфография которого, в частности и по отношению к ударению, в отличие от всех вышеуказанных памятников, находится под *очень сильным* южно-славянским влиянием. Повидимому, здесь она не отожествляется с местом ударения и не является заместительницей знака ударения, напр.: на̑ селѡ̀ 115 об., вѣ̂кро́вь 90 об., на̑ ѿпѣ́стилъ 99, во̑врещѝ 24 об., на̑ча́ло 102 (часто на неударенных предлогах, приставках и отрицании *не*); кроме того: ска̑за̀ 91, кѡ́ли́ко 25 об., нѡ́ша́ше 123, хѡ́да́щемѫ 204, рѡ́ди́сѧ 102 об. Часто соединяется со знаком ′ и тогда, повидимому, стоит на ударенном слоге: кѡ́′рми 37, не́′тїи 153, на̑′ тѫ 159, на̑′ земли 110.

имеет целью выяснить особое употребление этого значка, а именно — постановку его то одного, то в соединении с ´ и `, над буквою *о*. Такая постановка ˆ в связи с расстановкою значков, которые можно без особых затруднений счесть за обозначение ударений, известна мне из двух памятников XVI века: 1) Псалтыри F. I. № 7 и 2) Сборника Софийской Библиотеки № 1460[1] (краткие характеристики письма этих памятников см. в приложениях № 1 и № 2); кроме того, мне известен один памятник, в котором употребление каморы на напряженном *о* находится не в связи с системою обозначения ударений (см. приложение № 3); об интересном употреблении иных значков в *Сборнике* см. приложение № 4.

Считая расстановку ударений означенных Псалтыри и Сборника[2] русскою, спешу оговориться, что настоящая работа отнюдь не имеет исчерпывающим образом рассмотреть расстановку ударений в этих памятниках, а потому к ней нельзя предъявлять этих или подобных требований. Я тем не менее не отрицаю, что среди русских акцентов могли проскочить южнославянские; особенно я склонен заподозревать в этом отношении Псалтырь и вижу, напр., южнославянские акцентовки в следующих случаях: вб̀ главу 164 при главѣ̀ 114, 49 об., вб̀ врата 135 об., вб̀ вратѣхъ 11 об., 181 об., возвра́тятсѧ 7 об., 10 об., 43, 53 об., но и возврати́тсѧ 44, 101 об., в мерзѡ́стехъ 208 об., пре-

---

[1] В последнем памятнике камора употребляется не во всех почерках, а лишь в почерке, обнимающем листы с 4 по 49 об., с 69 об. по 76 об. и с 100 по 328 об. этим же почерком вписаны киноварные надписи на листах 50 по 69 и 77 по 99 об. Данные из этого почерка введены полностью в исследование. Кроме того, камора встречается на листах 50 по 69 и 77 по 99 об. В виду того, что писец этих листов был мало искусен, на них замечено порядочно отступлений в употреблении каморы, а потому данные последнего почерка нами выделены в приложение № 4 (читать приложение рекомендуется по прочтении самого исследования), в котором также приведены соображения о проникновении такого употребления каморы над *о* с юга славянства.

[2] Следует отметить, что в *Сборник* вошли многие русские статьи; напр.: Просветитель Иосифа Волоцкого (см. Абрамович. Рукописи Софийской библиотеки. Сборники).

моудрώ|сти 158, ꙗ̀рбстїю 213,[1] не го́спωдь ли 52 и др.; но энклизу при союзе *и*, ныне неизвестную в русском языке:[2] и́ в вѣки 223, не́бо и́ землю 199 об. (впрочем, в случае ко́нь йменъ 39, где перед и́ вставлено второе и, я допускаю переписку из оригинала), я склонен считать за русскую, срвн. в русских частях Сборника и́ да не ѡста́виши 244 об. (см. еще 187), кроме того: и́ да неоу́сю́|мни́шисѧ 103 об., да́ тѧ оу́корѧютъ 43 об.; особенно обычна такая энклиза в Нов. Зав. XIV в.: роу́цѣ́ и́ нозѣ́ 41, съ страхомъ и́ трепето́ 128 об., и́ оуча 132 и много других. В Сбор. встретилась однажды еще энклиза при частице ω: ѡ́ гωре 71 об. (срвн. обычно: ѡ́ чловѣ́ 262 об., ѡ́ мни́ше 187 об., ѡ́ бра́те 158 об., ѡ́ бл҃же́ннаѧ 108); подобная энклиза мне известна из Нов. Зав. XIV в.: ѡ́ роде невѣ́рныи 10, 31 об., и из Олон. губ.: о́горе начать, не знаешь как кончить (Георгиевский).

Оба эти памятника остановили мое внимание очень давно (лет 10 тому назад, если не более); я видел в них однородную систему употребления каморы, догадывался, что камора стоит над *о* из древнего *о* (не *ъ*) и притом в таких словах, которые имеют неподвижное ударение (во́ля, но: го́ру, срвн. на́ гору, по́лна), но далее этого идти я не мог.

Весной 1910 года я ознакомился с трудом Олафа Брока: «Описание одного говора из югозападной части Тотемского уезда» (в дальнейшем делаются ссылки на эту работу под сокращением: «Тотемск.» с указанием страницы описания) и я сразу понял, что нашел ключ к интересовавшей меня загадке: случаи *ô* с каморою вполне соответствовали случаям с напряженным *ó* из Вологодского говора, тогда как *ó* без каморы соответствовало

---

[1] Впрочем подобная акцентовка возможна и для русского языка: в белорусском наречии встречается: «молодо́сць = буйно́сць». Носович, Посл. 79; от тепло́сци не боля́ць косци ib.,123.

[2] Остатки подобного явления наблюдаются в современном сербском языке: да̑н ꙗ̑ но̑h (название цветка) — Т. Маретић, Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, 1899, стр. 129; ꙗ̑ гла̑ву ꙗ̑ ногу Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung, I, 1900 г., стр. 210.

открытому *о*. В это же время я определил точнее условия, при которых являлось первое и второе: *ô* из др. *о* было обусловлено старым восходящим ударением (вôля),[1] а открытое *о* из др. *о* — нисходящим ударением (гбру).

Весной того же 1910 года я вторично прочел Псалтырь и Сборник[2] и приступил было к писанию работы, но магистерские экзамены прервали мою работу, а затем житейские волнения заставили надолго отложить ее окончание.

Новым толчком к возбуждению интереса к заброшенной работе было появление в «Трудах Московской Диалектологической Комиссии» (Р. Ф. В. 1912 г., №№ 3, 9—12) описания говора Рязанской губ. и у., Новосельской вол., с. Новосёлки, сделанное Ф. М. Тонышиным.

До этого описания я ограничивал употребление напряженного *ô* и дальнейших его заместителей *ӱо, уо, у,* наблюдающихся в определенных категориях слов, северновеликорусским наречием: кроме описания Тотемского говора, сделанного О. Броком, мне были известны: 1) драгоценное наблюдение незабвенного Даля (О наречиях и пр. 27), что вятское *о* произносится местами *уо* или *уы,* почти как в задеснинском черниговском крае: *ничевуо, спруос, собуолья;*[3] эти примеры, как и при-

---

[1] Как здесь, так и далее во «Введении» я не привожу данных, подтверждающих восходящее ударение; таковые приведены в самом исследовании, к которому я и отсылаю читателя.

[2] Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность проф. Н. Глубоковскому, при содействии которого было получено разрешение доставить означенный Сборник из библиотеки С.-Петербургской Духовной Академии в архив М. Н. Пр., о чем ходатайствовал начальник Архива К. А. Воинский, которому считаю своим долгом также изъявить искреннюю благодарность за живое участие в деле доставления рукописи.

[3] Покойный Колосов не нашел дифтонгов в Вятской губ. на месте *о* (Заметки, 218—219). Также и проф. Е. Будде, специально ездившему разыскивать дифтонги в Вятском крае, таковых слыхать не удалось (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. Унив., т. XIV_2, 194). Наблюдения Н. Васнецова (Материалы для объяснительного словаря Вятского говора., 1907 г., стр. 6) и Д. Зеленина (Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию, стр. 7) хотя и подтвердили существование дифтонгов на месте *о* в Вятской губернии, однако характер дифтонгов (*оу* у Васнецова вместо *уо*) и пределы их распространения

водимые ниже, целиком подходят под рубрики с напряженным *ô*, т. е. наблюдаются под старым восходящим ударением; 2) ответ № 52 на программу Академии Наук для собирания особенностей великорусских говоров М. Разумовской из Вятской губ., Нолинск. у., села Колобова, где отмечено: «В некоторых словах звук *о* несколько походит на *у*. Такие слова: *воля, его, Господь, Христос*. Но так говорят некоторые. Вообще, такое произношение встречается редко»; 3) ответ № 36 на ту же программу В. Лебедева из Вологодск. губ., Грязовецкого уезда, где указано: «В Спащине и в Спасо-Нуромском приходе Ростиловской волости Грязовецкого уезда вм. *о* слышится *уо, оу,* в словах как *поп, хорошо»;*[1] 4) ответ № 61 на ту же программу из села Халбуж, Кологривского у., Костромск. губ., где отмечено, что, помимо перехода неударенного *о* в *у (пуйду, вузьму, схужу),*

в словах (*поулё* у Васнецова) заставляют быть осторожными в отнесении описываемых говоров к типу говоров, имеющих дифтонги и напряженное *ô* в слоге под древним восходящим ударением: Н. Васнецов в качестве примеров на дифтонг приводит следующие слова: *поулё, поупъ, оноу, поуйдёмъ* (кроме того, в слоге без ударения *хоуроушо,* может быть, сюда следует отнести и *поуйдёмъ*) и с переходом в *у: нужикъ, уй* (в слоге без ударения *худулы*). Д. Зеленин по поводу *о* говорит: «Что до природы местного *о*, то очень закрытый, переходящий в *у* звук слышится сравнительно не часто». Опуская случаи, приводимые Д. Зелениным в слоге без ударения, отметим лишь: *госпудь* (=господь), *широки раздулья* (=раздолья), где мы ожидали бы действительно *ô* или его заместителей. «На почве протяжения (что здесь нередко) этого закрытого звука является *ȳô*: *кȳôнь* (=конь), *хȳдрошô*». Случаи, отмечаемые Д. Зелениным, дают бо́льшее право на отнесение говора к типу говоров, имѣющих *ô* в слоге под старым восходящим ударением. Что касается до дифтонгов в Яранском уезде (Д. Зеленин. Отчет о поездке в Яранский уезд... Уч. Зап. Юрьевского Унив., 1902 г., стр. 11), то здесь удлинение разных гласных и в слоге под ударением, и в слоге без ударения наблюдается *в последнем слоге,* где иногда долгое *о* переходит в *ȳô: ȳбой, вȳтъ* (в полосе ц.-санчурского говора) и *оȳ: батюшкоȳ* (зват. пад. в говоре кукарском); срвн. еще ответ № 2 на программу Академии Наук, в котором указано в Кукарке: *Мироунъ.*

[1] Дифтонги, слышанные Колосовым в Тотемск. и Кадник. уездах Вологодской губ. («Заметки»... 318), труось, спруосить, не позволяют отнести говоры, в которых слышал их Колосов, к типу говоров, имеющих *ô* под древним восходящим ударением. Также к этому типу затруднительно отнести говор Кадниковского уезда, описанный в Жив. Стар. 1895 г. III—IV, где при *туолько пуомню, куони* имеются *куорóва, дуома.*

встречающегося, впрочем, нечасто, «точно также и в таких словах, как *воля, смотрит* и др., в произношении некоторых крестьян звук *о* похож на *у;* но это исключение; у большинства он выходит чисто», и 5) наконец, работа Н. Виноградова: «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда», 1904 г. В этой работе следует различать две части: материалы, собранные и записанные до поездки Н. Виноградова в 1904 г. в Шунгенскую волость, и материалы, собранные во время этой поездки и помещенные в особом, в виду отпечатания бо́льшей части работы, прибавлении (стр. 81—97). В материалах, собранных до поездки, Н. Виноградов отметил более сотни раз дифтонг *у͡о* в слоге под ударением на месте *о* и удивительным образом только в 5 случаях этот дифтонг отмечен не там, где его мы ожидали бы (*дуо́лгой* 21, где *уо* на месте др. *ъ*, затем *буог* 78, *слава буо́гу* 77, *коло дуо́ма, два куо́на* 7; о последних 4 случаях см. § 5, где указана причина появления этого неожиданного *уо*), между тем в материалах, собранных во время поездки, *уо* отмечено нередко и очень часто не там, где его следовало бы ожидать (напр.: *слу͡о́во* 82, *золу͡о́у͡ка* 82 и др.). Объясняется это обстоятельство тем, что наблюдателем ранее отмечалось только вполне ясное *у* при *о*. («В тексте работы чуть слышное *у* не всегда указано», 100). Не желая подвергать сомнению сделанное наблюдателем post factum наблюдение, что «подъударное *о* всегда слышится, как дифтонг *у͡о,* хотя часто *у* чуть слышно» ib. 100 (срвн. категорическое утверждение на стр. 7, что «со́вы, угбдник, камбд — выговариваются, как пишутся»), мы призна́ем, что в говоре Шунгенской волости вполне ясно слышимый дифтонг *у͡о* наблюдается в слоге под древним восходящим ударением (данные из первой части работы введены в исследование; после них стоит сокращение Шунг. с указанием страницы). К вышеперечисленным описаниям говоров должно присоединить появившееся в прошлом году описание «Говора Грязовецкого уезда Вологодской губернии», сделанное В. Мансиккою (Р. Ф. В. 1912 г., № 4), где на стр. 274 приведен ряд примеров на за-

крытое *o* (= *o* с призвуком перед ним *y:* ^{y}o); это *ô* слышится в восточной половине уезда, в местностях, граничащих с Тотемским уездом. Из 84 примеров на *ô* только 2 *(рукомôйник, нутрôм)* противоречат общему правилу. Все примеры введены в исследование с отметкою: Грязов.

Вышеупомянутое обстоятельное описание Ф. М. Тоньшина[1] с противопоставлением примерам с закрытым *ô* примеров с открытым *o* заставило меня переменить взгляд на район распространения *ô,* обусловленного древним восходящим ударением, и искать таковое *ô* также и в южновеликорусских говорах. В результате поисков оказалось, что *o* с закрытым оттенком слышится в южной части Мосальского уезда, соседящей с Жиздринским уездом, и отчасти в восточных окраинах уезда, граничащих с Мещовским уездом (А. А. Шахматов. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров, стр. 60—61); приведем здесь примеры из этого говора: *слôпал,*[2] *мнôгa, шôкак, ширôк, карôшa, нездарôшa, бисталкôшая, мужикôй,* а также: *мужикô, далôйки, далôй, Праскôйя, дубрôй* (= дуброву), *тарôля, прôч', варôч'аешься, харôш, нôсит', вôдит',* кроме того: *любôй;* противоречат общему наблюдению случаи: *плôх* и *jôс'* (= есть); к сожалению, акад. А. А. Шахматов, в противоположность Ф. М. Тоньшину, не привел случаев с открытым *o.* Далее, нам удалось отметить ряд южновеликорусских говоров, примеры из коих на *ô* и его заместителей как раз подходят под категории слов, где этому *ô* подобает быть: 1) Курск. губ., Старооск. у., дер. Курскáя и село Лапышно: *кŏуот, нŏувый* («у некоторых»),

---

[1] Весною прошлого года я вступил с Ф. М. Тоньшиным в переписку, результатом коей явился значительный материал на употребление *ô* и *o* в новосельском говоре Рязанской губ. Весь этот материал введен в исследование с отметкою: Ряз. Кроме того, в приложении № 5 напечатана сказка, записанная Ф. М. Тоньшиным на новосельском говоре. Пользуюсь случаем принести глубочайшую благодарность Федору Мироновичу за его любезное и внимательное отношение к моим, а также научным, интересам.

[2] Заменяем обозначение, примененное в этой работе для закрытого *o* (o^{i}), обозначением *ô.*

Труды Московской Диалектологич. Комиссии, вып. 1, 1908, стр. 81; 2) Ряз. губ., Скопинск. у., с. Рудинка: *мнуого куонь*, впрочем, со знаком вопроса (?), ib. 113; 3) Рязанск. губ., Егорьевск. у., село Починки, в 50 верстах к югу от села Васютина: *харуо́ший, шируо́кий, старуо́жка*, Р. Ф. В. 1911 г., № 3 и 4, стр. 193; 4) Рязанск. губ., Петровской вол., село Васютино и соседние деревни: *пирўог, сорўока, котўорый, корўова, хорўоший*, из письменного ответа на программу Акад. Наук С. Орлина № 133; 5) проф. Е. Будде в своем отчете о поездке в Тульскую и Калужскую губернии (Изв. III, 1898 г., 823—904 и 1273—1330) в говоре села Манае́нки, Белевского уезда, Тульской губ., отметил «дифтонг *уо* с очень малым растяжением, так что в говоре некоторых лиц этого села (в особенности у молодых девушек) я уже не мог подметить в этих словах дифтонга, хотя и слышалась какая-то особенность произношения. (Местный священник при этом сказал: «виш, как вывара́чивают»! Но уже это не был чистый дифтонг, а какая-то долгота звука скорее)», стр. 827. Из приведенных здесь примеров и почерпнутых из сделанных проф. Е. Будде записей бо́льшая часть безусловно подтверждает выводы нашей работы: *дэвить слабуо́д, сьвирабуо́й* (= зверобой, лечебная трава), *с табуо́ю* 840, *хуо́дим, -ть* 840, из других один: *басуо́й* 827, за необозначением падежа, должен быть отстранен из исследования и только два противоречат нашему наблюдению: *бальнуо́й* 836 им. п. ед. ч. м. р. и *суо́ли* р. п. 839. Примеры из других мест подходят под наши категории: *куоныкъ* 844; *пашуть сахуо́ю* — с. Драгуны, Крапив. у., *схуо́диш туда́* — дер. Даниловка, Кратев. у., стр. 1281.

Что касается дифтонгов на месте *о*, слышанных проф. Е. Будде в Парахинской и Китовской волостях Касимовского у., Рязанской губ., а также в селе Ярыгине (Уч. Зап. Каз. Ун. 1896 г., май, 220—221), то эти случаи не дают возможности причислить говоры означенных мест к типу разбираемых в настоящей работе (*гуо́ут* им. п. ед. ч., *хтаруо́й* (пад.?), *дамуо́й*,

руб͡ы им. п. ед. ч. и род. п. мн. ч., *за табу͡ой, зиму͡ой, со͡уорāк, у͡оба, хамину͡о, дълякуо͡, адну͡о, ницау͡о,* м. б. = ницавб). Характерные для типа наших говоров примеры, сообщенные профессору Е. Будде старожилами из прежнего говора («лет 30 тому назад») деревни Забелина, Погостинской волости: *ку͡онь, Ахуо͡ня̀в* 207.

Повидимому, рядом с говорами, в которых *о̂* и его заместители слышатся в слогах, произносившихся в древности с восходящим ударением, существуют говоры, в которых таким *о* вытесняется открытое *о*. Может быть, этим и объясняется, что старожилы Ряз. губ. приводили примеры *о̂* в словах со старым восходящим ударением, а проф. Е. Будде уже слышал дифтонги и в словах со старым нисходящим ударением. Срвн. отмеченный акад. А. А. Шахматовым (Исследования в области русской фонетики, Варш., 1893 г., 296—297) переход ударенного *о* в *о,* склонное к *у,* в говорах южной и средней части Петрозаводского уезда; не только в *комната, пожня* и т. п., но и *золовка, ночь, соцкий* и др. (диалектически иногда появляется *у:* не только *вулю, куни* и т. п., но и: *двух сут, к нучи, груб* и т. п.); кроме того Лужск. *мо̄с* вм. мост.

Возможно, что некоторые говоры, как северновеликорусские, так равно и южнорусские, признаны нами имеющими *о̂* лишь в слогах, произносившихся в древности с восходящим ударением, ошибочно, ибо те немногочисленные примеры (часто три — четыре), на которых основано это признание, могли случайно относиться к словам с древним восходящим ударением и в этих говорах *о̂* слышится и в словах с древним нисходящим ударением. В виду сего, мы и ввели в свое дальнейшее исследование главным образом говоры, в которых слова с *о̂* противополагаются словам с открытым *о* (Тотемск. и Ряз.); Шунгенский говор, описанный Н. Виноградовым, введен нами в исследование, ибо интересующая нас особенность отмечалась в записях, в которых рядом встречались слова с нисходящим ударением, не отмеченные этою особенностью; грязовецкий же говор, описан-

ный В. Мансикkою, мы не игнорировали в виду большого количества приведенных примеров.

Осенью прошлого года (в ноябре 1912 г.) я получил письмо от Ф. М. Тоньшина с известием, что новосельским говором интересуется также и акад. А. А. Шахматов, с которым я тотчас же переговорил и узнал, что интерес его также сосредоточен на звуке *о* и его заместителях. Когда я сообщил ему результат своих наблюдений (что открытость и закрытость *о* из др. *о* обусловлена разного рода древними ударениями), то он, к величайшей моей радости, разделил мой взгляд, и хотя он уже сдал свое исследование об этом явлении в набор, но по моей просьбе согласился обождать с печатанием своего труда до появления в свет моей работы.[1] В разговоре со мною он, между прочим, упомянул, что диалектологическое явление русского языка (об отражении его в памятниках он не знал) у него сравнено с аналогичным явлением других славянских языков. Может быть, мне не следовало из уважения к чужому труду разыскивать этой параллели славянских языков, но бес исследования мне не давал покою, и я без особенного труда уже вскоре после разговора с акад. А. А. Шахматовым знал, в каком славянском языке наблюдается аналогичное явление).[2] Это — словинский язык, в котором, по замечательному наблюдению М. Валявца (M. Valjavec. Glavne točke o naglasu kńiževne slovenštine, Rad CXXXII, 120), гласный *о* под старым восходящим ударением в неконечном слоге суживается в ǫ[3] (ǫ — знак, введенный М. Плетершником для обозначения узкого *о* с призвуком перед ним слабого *u*: Sloven-

[1] Пользуюсь случаем принести акад. А. А. Шахматову свою искреннюю благодарность как за это, так и за многое другое.

[2] Прошу извинения у акад. А. А. Шахматова за этот почти против воли совершившийся поступок.

[3] Что касается конечного слога, то он произносится в большинстве случаев (но не всегда) с кратким ударением, под которым ǫ не наблюдается. Трудно сказать, имеем ли мы в этом случае остаток старины или новое явление (т. е., что и здесь было также о, перешедшее в открытое *о*). Валявец, повидимому, склонен к последнему мнению, я же в виду фактов русского языка более склоняюсь к первому.

sko-nemški slovar izdan na troške rajnega knezoškofa ljubljanskega A. A. Wolfa, uredil M. Pleteršnik, 1894, I—II). Для своего исследования мы пользуемся, по преимуществу, данными словаря Плетершника; данные из работы М. Валявца, а также из «Словинско-русского словаря и грамматики словинского языка, составленных М. М. Хостником, 1900—1901 гг.» нами обыкновенно оговариваются.[1]

Из других славянских языков *ů* чешского и *ô* словацкого наиболее подходят под условия появления их под древним восходящим ударением, и мы, несмотря на порядочное число уклонений, данные этих языков ввели в исследование, памятуя, что такие уклонения могли быть вызваны позднейшею аналогией, как равно и уклонения в противоположную сторону, т. е. отсутствие ожидаемых *ů* и *ô*.

Мало того, появление *ó* в польском языке в открытом слоге часто падает на слова, в которых *o* было под старым восходящим ударением (диал. и лит. próba, rózga, róza, skóra, wóla, który, но: góra, gróza); примеры заимствованы у проф. С. М. Кульбакина: К истории и диалектологии польского языка, 1903, 149—150).

Интересно, что одним из исключений из общего правила в верхнелужицком языке появления узкого *ó* является глагол móžu, móžë, móhl, móhli (открытый слог, в котором *ó* обыкновенно не наблюдается), который и в нижнелужицком языке также уклоняется от общих правил: mógu, mógl, mógli (следует за *o* заднеязычный, перед которым *ó* не бывает). К. Мукке (Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. 1891, 100),

[1] При определении старого восходящего ударения имеют часто решающее значение показания сербского языка. Мы пользовались в своей работе, кроме данных словаря В. Караджича, главным образом еще данными из прекрасной грамматики сербского языка Т. Маретича (T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, 1899), а для чакавского наречия данными из статьи А. И. Белича: «Заметки по чакавским говорам», Изв. XIV_2; другие источники для сербского ударения оговорены в тексте работы полностью.

у которого мы заимствуем эти данные, объясняет появление *ó* аналогией. Мы же напомним, что в древности в этом глаголе *о*, если на него падало ударение, имело восходящее ударение.

В виду совпадения условий появления напряженного *ó* в русском и словинском языках, а, при известном желании, возможности видеть следы однородного явления и в других славянских языках (чешском, польском и лужицких), зачатки этого явления следует относить к обще-славянскому языку.

Прежде чем перейти к обозрению собранного нами материала, отметим, что для Тотемского говора О. Броком указан, правда с оговорками, еще тон в сочетаниях *ôo* и *uo*, заместителях *ô*. По Броку (стр. 48), в Паньковском говоре обыкновенный тип этих сочетаний с восходящим тоном: k̄ṵôo̱t. Объясняется это Броком тем, что хотя голосовые связки выдерживают один и тот же тон с начала до конца, но для слушающего в виду того, что у *о* выше «собственный тон», чем *ô*, а у последней выше, чем *у*, получается впечатление восходящего тона. Возможно, что в этом сохранились остатки древнего восходящего ударения. Впрочем, Брок тут же замечает, что Ихалицкая старушка чаще пользовалась обратным движением тона, нисходящим. В виду сего необходимы еще наблюдения над этим явлением и при том незамедлительные, ибо старина вымирает быстро и через некоторое время, может быть, не придется уже услыхать чего-нибудь подобного.

ГЛАВА I.

§ 1. Камора ˆ и в Псалтыри, и в Сборнике употребляется почти исключительно над *о;* над заместителем *о* — буквою ѡ, которая в этих памятниках встречается часто, камора стоит в виде исключения; вот все замеченные мною случаи: во|спѡ́йте Псалт. 227 (где ѡ исправлено, впрочем, из другой буквы); — поклѡ́новъ Сборн. 19 об. — 2, долъжнѡ̀є 205 об., бгѡ̄слѡ́ва 54 об. (последний случай в киновари).

Весьма интересно, что употребление *о* и ѡ во всех остальных случаях, т. е. там, где над *о* не стоит каморы, может быть под-

ведено под следующее правило: после одной согласной пишется *о*, а после двух и более согласных ѡ; напр.: хожѳ̀ Псалт. 56 об., но: вхѡжа́ше ib. 54 об.; бо́гоу ib. 188 об., но: к бѡго̀ ib. 35 об.; — живото́мъ тв. п. Сборн. 8 об., но: добро́мъ тв. п. ib. 46 и т. п. Однако нередки исключения: предомнок̀ Псалт. 17, премоу́дрости ib. 48 (срвн. премоу́дрѡсть 63 об., — ѡсти 67 об.), сквозѣ́ ib. 84 об. и др., словеса Сборн. 4, ѻ оу̀трошнѣ́ ib. 27 об.[1] и др., и обратно: ѵ̀рѡсть Псалт. 108 об., 120 об., (при ѵ̀рость 116 об., не а̀ростїю 7). В виду того, что после предлога ѿ обычно пишется *о*, хотя оно следует после двух согласных *звуков:* ѿ рова Псалт. 52 об., ѿ рода ib. 12 об., ѿ сонма́ ib. 53 об., ѿ горы̀ ib. 4 об., ѿ мора ib. 95 (срвн. еще твою́ ib. 45, 111), съ̀тво|ри́ти 53, а в словах под титлом, где группа согласных является лишь на письме, ставится ѡ: нб̄ѡ Сборн. 5 об., хв̄ѡ ib. 6 об., дх̄ѡ́вно ib. 16, я думаю, что для писцов наших памятников означенный прием письма был не отражением каких-либо звуковых особенностей их говоров, а лишь внешним графическим приемом, усвоенным из других рукописей, в которых, может быть, он и отражал какую-нибудь особенность произношения, ибо, кроме положения после нескольких согласных, ѡ пишется и после одной согласной, но тогда, когда перед нею стоит неударенная гласная, долженствующая *одна* составлять слог: ѝсѡ́та Псалт. 24, ѝрѡ́дъ ib. 125, 139, 200; — оу̀гѡто̀ваннѡс Сборн. 25 об., ѝдѡ́лѳ̀ ib. 72 и т. п., но часто превращающаяся в неслоговую в силу своего положения в начале слова, а потому приближающаяся к согласной; последнее обстоятельство и заставляет заподозревать, что означенный прием вызывался не чисто внешним признаком двух и более согласных букв, а чем то лежащим в произношении тех писцов, которые стали различать *о* и ѡ на письме. Более подробного рассмотрения употребления букв *о* и ѡ я сделать не мог; впрочем для характеристики говора наших писцов это и не необходимо.

[1] Чаще всего это наблюдается в конце строк: к бо̀|гѣ̀ псалт. 55, 88 об.; тво|ѝгѳ̀ ib. 59, ѿ пло|да ib. 184, твоѝю|ib. 198.

Что касается употребления каморы в других случаях, то в Сборнике она употреблена несколько раз над местоимениями *се* и *си:* сі́ре́чь 4 об., оу҃тверди́ ср҃це сі́ 49 (см. еще 39 об., 40), вре́ма се́ 29, се́ твѡра̀ 47 (см. еще 32 об., 33 об., 76 об.); кроме того: ко мне́ 69 об., злѣ̂ нар. ib., ю҃нъ бе́ 70 об.; затем: шесто|ѱа̂лъ|ма̀ 31, въ҆зе́ксаѱа̂|лмѣ̀хъ 31; в случае хле́ба 242 об. камора сомнительна; в Псалтыри же камора, кроме слов односложных (во мне́ 18, мне́ 206, тме́ 142 об., тоу҃ 205 об., не́ 183 об.), обычна на первых 20 страницах на конечном открытом ударенном слоге: ѿ горы́ 4 об., лоуне́ 9, волы́ в. п. 9 об., соудбы́ в. п. 11 об., им. п. 12 об., роука́ 13, вода́ 20 об., слѡвеса́ 14 об., ни даси́ 17 об., приклѡни́ п. н. 18, в средине рукописи редко: земла́ р. п. 81; кроме того, как второе ударение: пра́вотьі в. п. 17 об., пра́во|то́ю 85 об. (правлено). Возможно, что в данном случае сказалось влияние оригинала, который был подобен вышеупомянутым Новому Завету митрополита Алексия XIV в. и Сборнику Соф. № 1464; писец Псалтыри копировал этот оригинал точнее в начале рукописи, а затем, заметив, что камора на последнем слоге излишня, перестал ее ставить в этом положении.

ГЛАВА II.

Напряженное *о* на месте древнего ъ.

§ 2. Как указано уже во введении, камора над *о* из древнего ъ в памятниках, в согласии с русскими говорами, является исключением. Исключения такого рода, в которых можно усмотреть описки или новообразования по аналогии при древних формах с *о* открытым, будут оговорены нами в дальнейших частях работы; здесь же мы остановимся на двух случаях напряженного *о́* из древнего ъ, для которых недопустимо вышеприведенное объяснение.

I. Такое напряженное *о́* наблюдается в слове *плоть* (←*плъть*). Сборн.: пло́ть 285 об., 299, 303 об., пло́ти д. п. 299 об., неплоть́ска 297 об., пло́ть 29 об., 72 об., 116, 158, 175, 276.

плôти р. п. 206, д. п. 9 об., м. п. 76; Псалт.: плôть 34 об., 73 об., 80, 108, 115, 136; плôти д. п. 107, 110, 188 об., 226 об., м. п. 138, в плôти 49 об., 50, плôть 17 об., 82 об., 98 об., 199, плôтїю 222, плôтеи 32 об., плôти в. п. 173 об. Мало того, что здесь *о* из *ъ*, но и ударение на нем было нисходящее (слов. pôlt, -ĵ; do pôlti mǫkar; в древнерусских памятниках энклиза его при предлогах очень обычна: дóплоти Тр. П. 1589 г. 236 об., йсплоти Кормч. 1650 г. 621, óтпло^{тн} Новг. Лет. 427, пóплѡти Сборн. 297 об., вóплоти Новг. Лет. 449 об., ǒплоти Тр. П. 1589 г. 446 об.; отметим, что в вин. пад. ед. ч. энклизы этого слова мы не встретили: на плóть Торж. XVI в. 366, Сборн. 1647 г. 190, 198, во плóть Злат. 48, за плóть Сборн. 1647 г. 662; встречающееся в говорах: *пó плоти,* а не *пó духу* Терск. Греб. (Караулов), вероятно, книжное. Надо думать, это слово было книжным и в старое время и приобрело *ô* под влиянием слова *плôтъ,* которое в одном из наших памятников как раз имеет напряженное *ô* (см. § 64).

II. Особенного внимания заслуживает колебание открытого *о* с напряженным *ô* в слове *любовь* с производными. Уже в Сборнике колеблется в этом слове обозначение *о:* любôвь 108 об. bis, 111, 193, 201 об., 249 об., *в* — 45 об., любôвїю 34 об., 73 об., 144, 168, 249, с лю|бôвїю 139 об., но чаще с *ó:* любóвь 8 об., 21, 106 об., 107 об., 108 об., 218, 234, 236 об., 248, 249 об., 320 об., 324, 326, *в* — 46 об., за лю|бóвь 128 об., с любóвїю 318, 326 об. bis, 327; кроме того: лю|бôвныи 248, лю|бôвнаго 108, любôвнаѧ ib., но чаще с *о:* любóвнѡ ср. р. 22 об., (225), -о|внаѧ 107 об.; -óвныѧ 129, -óвнѡмѫ 34 об.; Псалтырь дает лишь один случай: в любóвь 97. Напряженность *ô* поддерживается данными из Тотемск.: l'ubôf, l'ubôvi (35); но в Ряз. имеем открытое *о* в связи с таковым *о* и в суффиксе *-ов-* (см. § 56).

Сравнение с южнославянскими языками ясно указывает, что здесь мы имеем параллельные формы: одне с рефлексом древнего *ъ*, а другие с рефлексом древнего *о:* серб. љýбов при обычном љýбав, љȕбóван, љȕбóвнйк, -йца, љȕбóвца; словинск.

ljubâv, но: ljubǫvαn и ljubâvαn, ljubǫ̂vnik, -ica, ljubǫ̂vca при ljubâvac. Происхождение в них *o* обязано безусловно влиянию подобных образований, в которые входил суффикс *-ov-* (для сербского языка такого мнения держится T. Maretić, Gramm. i stil. hrv. ili srpskoga književnog jezika, 1899, стр. 88); на это указывает, во первых, напряженное *ô*, которое обычно в образованиях с суффиксом *ov-*, а во вторых означенное влияние не ограничивается одним словом *любовь*, а распространяется и на другие слова с основною на *-ū:* сербск. цр̀кồвни̂, цр̀ковина; бу̏ков; смо̀ков; — словинск. cerkǫ̂vαn, -ǫ̂vnik, -ǫ̂vnica, -ǫ̂vščina при cę́rkαv, -kve; — smǫ́kov, smokǫ̂vαn, -ôvnik, -ǫ̂vnica,[1] smǫ́kovac, -ovje, smokovnják, smokovína при smǫ́kαv, -αvca; — sǫ́krovica; при sǫ̂krvica; — redkovnják при rédkαv; — jȩ̂trovca (срвн. jȩ̂trva) болг. — любовь. Русский язык ограничивает означенное влияние только словом *любовь*, в остальных подобных словах указывает рефлекс древнего *ъ;* в Сборн.; цр̃кồвнѡмꙋ 139, -ồвни̋ 6, 118, цр̃кѡ́вно̃ 131 об., Тотемск. ćerkóvnoj 148, krof, mǫrkóf, svókróf 35, Ряз. церкóвный, свекрóвь.

О напряженном *ô* в случаях *vônь (← вънь), vôimя (← вѣмя), vôпль (← вѣпль)* см. в следующей главе.

ГЛАВА III.

Звук *o* в абсолютном начале слов.

§ 3. Ни в Сборнике, ни в Псалтыри над начальным ударенным *o* не ставится каморы[2] (примеры из первого: и̏зъо̀ка 11,

[1] Отметим, что *o* в этом слове вместо ожидаемого сохранения *ъ* встречается уже в древнейших, не знающих перехода *ъ* в *o*, церковно-славянских памятниках, каковы Савв. и Остр. Евангелия (В. Н. Щепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги, 96—98); впрочем проф. В. Н. Щепкин объясняет означенное явление в данных памятниках влиянием глаголических оригиналов, где *o* вм. *ъ* могло являться фонетически.

[2] Отличить стоящее над начальным *o* придыхание от каморы не трудно: первое представляет дужку, обращенную своими концами влево, при чем нижний конец часто бывает заостренный, вторая — дужку, обращенную своими концами вниз, при чем оба конца имеют как бы нажимы и заострений не представляют.

ѻ̆вцы 119 об., ѿстрыи 16, ѻ̆бще 167, ѻ̆пщагѻ̆ 168 об., с̃ндѣ̆ 313 об., ѿ|вїи 146, ѿного 266, ѻ̆ноу 25 об., ѻ̆хт̃ 14, ѻ̆кр̃тъ 115 об., ѻ̆ вещеˣ 130 об., ѻ̆ йме|ни 169, ѿ мори 250 об. и др.); из второй: до ѻ̆блак 45 об., ѻ̆стрѡви 96, ѿлово 204 об., ѻ̆ко 37, ѻ̆гнь 141 об., ѻ̆гнено 20 об., ѻ̆вчїй 160, и̇ѻ̆вни̇̆ 209, на ѿдр 183 об., и̇ ѻ́ б̃сѣ̆ 21 об., ѻ̆крест 180 об. и др.[1]

В согласии с памятниками ни в Тотемск., ни в Ряз. начальное ударенное никогда не бывает напряжённым. Примеры для первого наречия приведены О. Броком в подстрочном примечании на стр. 38 (ǒsy, ǒs, ǒśeń, ǒćeń, on, ǒkuń, ǒźǒro, Ǒśip, ǒkarak, ǒbruć, ǒvći, Ǒl'ja = Ольга, ǒśḿero; срвн. еще ǒko, ǒći 122, ǒkna, ǒkon ib., ǒrasno 128, ǒ-sta 130, ǒba, ǒbe 129); для Ряз.: ǒзеро, ǒсенью, он. За то всегда, если перед начальным ударенным *о* развилось приставочное *в,* и в том, и в другом говоре *о* является напряженным; эту особенность подчеркивает О. Брок в вышепомянутом подстрочном примечании: «но vô- в трех найденных случаях с ô, а именно vôl'xa, vôśem (род. ośḿí) vôstroi̯»; для Ряз. вôстрый, вôсемь, вôтъ, вôспа, вôспенный, вôтчим, вôспища; может быть, сюда относится вôн (= там).

Напряженность *о* после приставочного *в* вполне понятна, ибо такое *о* развивало призвук *у,* из которого и мог легко образоваться звук *в;* закрытость, или напряженность, этого *о* акад. А. Шахматовым относится к общерусской эпохе (Русское и словенское аканье, стр. 63, срвн. еще Изв. XIII_3, 218—219).

Из Костр. Шунг. можно привести лишь: вуǒт 81 (но: вǒстрой, вǒспа; впрочем, последние примеры могут представлять и неточность записи).

В словинском языке начальное *о* довольно часто бывает напряженным и во многих случаях наблюдается совпадение с русским. o̯dɑr, o̯sɑm, o̯cɑt, o̯bɑr, o̯stɑr, o̯bči, o̯v, o̯spica, o̯lša, o̯ja, o̯čim, o̯bedva.

---

[1] Точно также ее не бывает над начинающим слог *о*: сїѡнь 180 об., сїѡна 184, ѥфиѻ́плане 95 об., ѥфї|ѻ́пьскимъ 100 (примеры из Псалт.); семїѡ́нъ 157 об., феѡ́дотъ 221 об. (примеры из Сборника).

Повидимому, применительно к этой особенности книжное *вонъ (← вънъ)* приобрело в произношении древнерусских книжников напряженное *о̂:* Сборн.: во̑нь[т] ча̑ 12 об., во̑ньже 303, во̑нь[т] 304 об., во̑ньже 144 об., 170, во̑нже 237 об., во̑нь[т] 312 bis, 212 об.; Псалт.: во̑′нже 25, 131 об., 137 об. bis, во̑′ньже 39, во̑нь|же 108, во̑нже 19 об., 73 об., во̑н′же день 190.

Таким же книжным словом было выражение *во̑имя* для писца Псалтыри: во̑′и̑ма 180, 182 об., во̑′има 24 об. bis, 39, 41, 70, 162 об., во̑′има 144, во̑и̑ма 164;[1] но писец Сборника правильно отметил его трижды открытым во̑и̑ма 115, 116 об., 127 об.

Точно также последний писец отметил открытое *о* в во̑пльми 142, но писец Псалтыри трижды написал его с напряженным *о:* во̑′пль 137 об., во̑пль 20, 215; может быть, для него живою формою была *вопъ* (в Улож.: слы̑шачи кри̑къ и во̑пъ роз′би̑тыхъ людей 310 об. и несколько ниже: накрикъ и̑ навоп̑ъ; в правой грамоте от 15 января 1552 г. игумену Никольского Дудина монастыря на Арбузовых и их людей по иску в сорока рублях с полтиною: Крикъ вопъ великой (Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб. 1895 г., стр. 229).

ГЛАВА IV.

Напряженное *о̂* на месте древних *е, ъ*.

§ 4. На месте древних *е, ъ* напряженное *о̂* встречается редко, и почти все случаи, как в памятниках, так и в говорах, могут быть объяснены, как явившиеся по аналогии.

Напр.: болшо̑мъ Сборн. 35; *хорошо̑, свежо̑, вонючо̑* Ряз. (но: *кольцо́, яйцо́, плечо́* ib.); *кряжо̑вник, жо̑н:* в Тотемск. «*о̑* не могло развиваться из *о̑*, явившегося на место старшего *е* в известных положениях; следовательно, не встречается «законного» *о̑* после

---

[1] Срвн. превращение этого срощения в новое имя существительное *во̑имя* Ярославск. и др.—образ (Даль Слов., срвн. еще Жив. Стар. 1895 г., III—IV, 42), что является не совсем обычным для языка и этим указывается на неправильно усвоенное книжное слово.

палатальной согласной» 34; такое «незаконное» *ô* по аналогии можно отметить в следующих случаях: fśôi̯ 125, fśôm 34, moi̯ôi̯ ib., vorob'i̯ôf 40; и b'er'ežôk 39 — *ô* непонятно, ибо в однородных образованиях имеется открытое *o*. Другие случаи напряженного *ô* в этом положении приведены в разных местах дальнейшего исследования; здесь же мы отметим только случаи открытого *o* из Тотемск.: ćóły (= пчелы) — ćoł, śóła — śoł, o ćóm 34, ńeužóli 103, žon 118, užó 144, kupćóf 120, lićó, i̯ei̯ćó 121, pl'ećó 122, fśo 125, кроме того: pošóu̯ 107, šórćeš 139 и из Ряз.: пчóлы, щóтка, чечóтка, трещóтка, решóтка, ночóвка, счóт, счóты, наперечóт, ожóг, почóтный, иштó, бережóк, пятачóк, чóрный, жóлтый, нашóл, шóлковый.

ГЛАВА V.

Открытое *o*.

§ 5. Открытое *o* обусловлено, как выше сказано, старым нисходящим ударением, которое устанавливается отчасти путем сравнения с сербским и словинским языками и отчасти перенесением ударения на предлоги и приставки в русском языке.

Оно наблюдается в следующих категориях слов.

В именах существительных мужеского рода, односложных (или ставших двухсложными через полногласие) в им. пад. ед. ч., удерживающих ударение на корне (а с полногласием на первом слоге полногласия). Сюда относятся следующие слова:

Сборн.: бώгъ[1] 207 об.; гнώи 291 об.; гóдъ 112, 113 об., 117 об.; гώды в. п. 110 об., тв. п. 258 об.; гóстю 149; грώбъ 73; грώмъ 112 об., грώ|ми 283; дóмъ 203, -ы в. п. 126 об.; кóштемъ тв. п. 163 об. bis.; крώвъ 176 об.; мóрꙋ д. п. 227 об.; мóстꙋ р. п. 221 об.; мꙋжьскíи пóлъ 126 об.; впώлъ дни 37 об.; пώ|ты в. п. 236 об.; рóвъ 200, врώвъ 239; рóдъ 120 об., врώдъ 261 (25 об.), рώдъ ѿсвоегó рóда 124, рóдꙋ д. п.

[1] Как здесь, так и далее, без обозначения приводятся формы им. или вин. пад. ед. ч.

111 об., ро́до^{м} тв. п. 231 об.; ро́ды тв. п. 314; сбкъ 44 об.; сти́ро|жѫ д. п. 212 об.; кроме того из *ъ*: во́лкъ 158 об., 203; дѫ́лгъ 103 об.; сѫ́та р. п. 139, 328 [хѫ́лми 301]. Псалт.: бо́гъ 153 об., 160, 164 об., 192 об., 195 об., 200, вбѫ̀гъ 36 об., бо́га 148, 148 об., бо́гоу д. п. 188 об. (225 об.), а̊небо́гѫ 208 об., кбѫ́гѫ 35 об., 56 об., бо́гови 88 об., збѫ́гомъ 62 об., бо́же 115 об., 150, 153, 153 об., 154 bis., 156, 191 об., бо́зи 114, надовсѣ́ми бо́ги 132, вбѫ́sѣхъ 118 об., 205 об.; во́скъ 27, 75 об.; гнѫ́и 114 об.; грѫ́бъ 6 об., грѫ́би 64; грѫ́здъ 209 об. bis.; грѫма 104, 141 об.; до́мъ 160 об., 187 неск. раз, 225, вдѫ́мъ 179, вдѫ̀мъ 159 об.; знѫ̀и 219, знѫ́а р. п. 208; закрѫ́въ 20 об., крѫ́ва р. п. 32 об., 55 об., вькрѫ́вѣ 18, 38, 45 об. (79), крѫ́вы в. п. 212 об.; по́лъ 214 об.; ро́въ в. п. 9, врѫ̀въ 33 об., 120, 195 об.; ро́гъ 19 об., 122 об., 159, 184 об., 201, 211, 212, ро́га р. п. 101, ро́зи 212 об.; ро́дъ и̯ро́дъ 198, врѫ́дъ и̯ро́дъ 149, врѫ̀дъ и̯рѫ̀дъ 171 об., врѫ́дъ 12 об., 155, 187, врѫ̀дъ 116 об., ро́да р. п. 207 об., 213 об., ро́доу д. п. 94 об., вру́дѣ 16, вьвса́комъ ро́дѣ и̯рѫ̀дѣ 198 об. Кромѣ того из *ъ*: со́тъ 163 об. [хо́лми 160]. Тотемск.: Box, 25, 101, bóγu, bóγom 111, boi̯, bok, bor, brot, vosk, gvoś,[1] got 37, gódy 126, goś, grom 37, 142, dom 37, dómu, dómom, dóḿe 119, Их. ł̊oi̯ 37, mosk (mozgí), mor, nos, roų̯ (с колебанием, не имеется ли здесь rôų̯) 37, rof[2] 34, Их. roi̯ 36, rok róga, rot ródu 37, xot 34; с полногласием: vółos, gółot, górot, kórop, stóroš, xvóros 43, кроме того: sórok 43; *o* из *ъ*: rot, iz rótu, ł̊op, ot ł̊óba, mox, iz móxu 34, 146.

Среди примеров на *ô*, собранных В. Мансиккою, не отмечено ни одного из слов, принадлежащих этому типу.

Н. Н. Виноградов в своих записях обычно в словах этого типа также не отмечает *уо* (*бо́га* 64, *бо́г* 68, *з бо́гом* 66,

[1] В северновеликорусских говорах встречается накоренная акцентовка этого слова: гво́здя (Н. Виноградов. О нар. говоре Шунгенской вол. Костромской губ., 68).

[2] Здесь имеется рефлекс древнего *o*, а не *ъ*, как думает О. Брок; срвн. малорусск. рів, сербск. рȇв — рȇва, слов. rȍv, чешск. rov, польск. rów.

бро́ды 70, *во́ры* 43, *го́сти* 61, *гво́здя* 68, *до́мы* 71, *в до́ме* 64, *но́сом* 79, *рог* 21, 22, *с ро́ду* 63, *ход* 58, *во́лосы* 70, *во́рон* 72, *го́род* 61, *по го́роду* 71, *в го́роде* 65, *ко́лобы* 73 и т. п.), а на стр. 7 утверждает, что «в односложных словах *о* как *уо* по большей части не произносится — *дом*, *кон*» и далее делает оговорку с весьма интересными примерами: «но стоит им (т. е. односложным словам) при склонении обратиться в двухсложные, и сейчас же появляется уоканье: *коло дуо́ма, два куо́на*». И только всего, стоит стать двусложным и *уо* на лицо? Я подозреваю, что этого недостаточно, ибо если бы этого было достаточно, то зачем наблюдатель привел для примера не просто двухсложные формы падежей этих слов, а прибавил в начале этих слов другие слова, являющиеся проклитиками по отношению к данным; я думаю, это произошло оттого, что выражения *коло дуо́ма*, *два куо́на*, приближаясь по своему строению к словам сложным *(богослов)*, в которых *уо* обычно (см. § 61), развили это *уо* на том же основании. Что касается до случаев: *буог* 78, *слава буо́гу* 77, то и они характерны тем, что первый приведен в выражении, где перед *буо́гу* стоит слово, тесно к нему примыкающее (слава), а во втором (на следующей странице) *уо* отмечено наблюдателем не как результат действительного наблюдения, а под влиянием только что напечатанного *уо* в *буогу* на предыдущей странице.

Ряз.: *бог, бор, с бро́ду, на воз, вор — во́ру* д. п., *воск, гво́зди* мн. ч., *гной, год, гость, гром, грош, дом, да до́ма, звон, кон — ко́на, лом, нос, пол, пот, ров, рог, род, рост, сор, стог, сто́га, ток, ход; во́рон, во́рот, го́лос, в го́роде, ко́локол, мо́лот, по́рох* (срв. еще *о* из *ъ*: *вопль, корм, лоб, мох, рот*).

Производные от них имена существительные с суффиксом на *-ик* также имеют открытое *о; гво́здик, гро́шик, до́мик, мо́стик, но́сик* Ряз., срв. напряженное *ô* в подобных именах, образованных от имен существительных с *ô* (§ 64). Теоретически на основании полногласной формы *волôсик* Ряз. мы здесь ожидали бы напряженное *ô*.

Для большинства из вышеприведенных слов нисходящее

ударение может быть доказано энклизою их при предлогах, распространенною в древнерусских памятниках и нередкою в современном языке: «до́ бога высоко, до царя́ далёко; *у́ бага дня* (= ежедневно) Курск. (Машкин), *за́ багам* молитва, а за царём служба ни прападая ibidem.; на́бога Псалт. 73 об., пре́дбогомъ ib. 86, бб҃зе҃ Новг. лет. 407; на́богы Торж. XVI в. 256 об.; ѡ҃бose[x] ib. 91; прббой Улож. 14 об., на́бои Сим. лет. 203 об., Ратн. 7; и вырвал *из́ боку* кусок он, как из теста (Вас. Майков); по́ боку, *бок о́ бок* трется со смертью злой (Крылов); а нынче барин *по́д боком* (Некрасов); ѡ҃бока Кормч. 1650 г. 416 об., на́бокъ Плув. 95 об.; *до́ бору* Вятск. Яранск., Ж. Ст. 1903, III, 406, *по́ бору* Даль, Посл. 790, *на́ бор* Вятск. Котельн., Мат. № 46; на́боре Новг. лет. 511 об.; ѕбродѕ ib. 603 об., на́броде ib. 513 об., на́броды Кн. Степ. 519; который *у́ воза* хозяйского лежал (Крылов); *по́ возу* Терск. Греб. (Караулов); стал *на́ воз*; видим: крестится (Некрасов); привыкла собака *за́ возам* ходить Курск. (Машкин); на́возы Сим. лет. 2; у нас, в деревне народ *вор на́ воре* Тверск. Кал. (дер. Курапово); оу҃вора Лет. 280; за́воромъ Улож. 34 об.; на́воскъ Кормч. 1650 г. 317 об.; прбгвозди Сказ. о срачицѣ Госп. 82 об. (срвн. твор. пад. гвбздемъ Ратн. 198 об.); ѡ҃гноѧ Тр. П. 1589 г. 243; *бе́з году неделя, и́з году в год*; к нам земская полиция не попадала *по́ году* (Некрасов); *за́ годом, что за́ веком* Даль, Посл.; *на́ годы* Моск. (Чернышев); бтгода дбгода Новг. лет. 446; *бе́згода* Сборн. 202; за́годъ 208; гости *на́ гости* хозяевам радости, ѕгостѧ Новг. лет. 634 об., посла҃ пб҃гости ib. 416, за́гость Алф. 169 об.; *во́ гроб* Вологодск. Кадн., Ж. Ст. 1903, I—II, 201, йзогроба Хрон. 247 об., сбгроба Кн. Степ. 175 об., кбгробу Злат. 146; над҃гробом Новг. лет. 575, при́гробе Сборн. 1647 г. 249, вбгробѣхъ Псалт. 86 об., бт҃грому Новг. лет. 467 об., бгроме[x] ib. 582 об.; *от́ долу* Даль, Слов.; ѡ҃долѕ Сборн. 1647 г. 233 об., дбдолѕ Нов. Зав. XIV в. 15 об., Торж. XVI в. 30 об.; *у́ дому* ждут ломовые извозчики (Некрасов); пожаловал к вам кто-то *на́ дом* (Грибоедов); *о́ доме* Костр. Кологр., Мат. № 250; йздомѕ

Торж. XVI в. 285; бе́здомъ Сборн. 1647 г. 595; на́домѣ ib. 737, на́домы ib. 683 об.; дозвонъ Обиход К.-Б. 92; ѿзноа Тр. П. 1589 г. 182 об., Сборн. 1647 г. 240; *и́з кону в кон* (Чернышев), *на́ кон*; рок на кону бьет, неурочье *за́ коном*; деньги *на́ кон*; вокровѣ Кн. степ. 328 об.; *на́крове* Ев. 1606 г. II, 90, *во́кровех* Час. 1598 г. 19; ѿлова Тр. П. 1589 г. 392 об., на́лов Псалт. 18 об., на́ловы Косм. 56; ѿмозгъ Пс. Брюн. 162; *до́ мору* РФВ 1898 г. № 1 и 2, 163; о́тмора Хрон. 262 об.; на́моръ Новг. лет. 624, ѿморе ib. 562; Что делала? Жила-с *у́ моста* Тючкова (Измайлов); Чем *на́ мост* нам идти, поищем лучше броду (Крылов), *за́ мостом, по́д мостом;* ъмосту Новг. лет. 508; по́мостъ ib. 459, ѿмостъ Кн. Степ. 152; что волосы *и́з носу* шибко росли (Некрасов); и, поводив Европу *за́* нос (Минаев); а в клетке *на́д носом* твоим висит щеглёнок (Крылов); йзноса Hort. Am. 94 об.; до́носа Плув. 207 об.; за́нос Улож. 324 об.; *бе́з палу* Моск. (Чернышев), *по́ полу, на́ пол*; *по́д полом поло́м* ходит барыня с колом (крыса); йсполъ мертвы Торж. XVI в. 416, до́полъ Кормч. 1650 г. 402, на́полы Хрон. 248 об.; ночь храпят, наевшись *до́ поту* (Некрасов); ѿпотъ Ратн. 22 об., Кормч. 1650 г. 507 об.; *и́з рова* Тотемск.; йзрова Хрон. 223 об.; ѿрова Псалт. 52 об., Сборн. 239; да *по́ рогу* еще для случая в запас (Дмитриев); *за́ роги* Терск.-Греб. (Караулов); дорога Пс. Брюн. 255; *и́з роду* в род; *о́т роду;* дорода Псалт. 65, отрода Новг. лет. 401, по́родъ Тр. П. 1589 г. 81 об.; за́родъ нашъ Охт. 1594 г. 8; ѳродѣ Ап. 1564 г. 13 об.; по|родѣ Сборн. 1647 г. 338 об.; бе́зростъ Улож. 21, 148 об., за́ростъ ib. 47 об.; *на́ стог* Новг. (Соловьев) — редко; пашол *на́ ток* малатить Курск. Об. (Машкин); *по́ току* Терск. Гребк. (Караулов); йсходъ Улож. 101; хотя слова с полногласием говорят сами за себя о нисходящем ударении, тем не менее приведем энклизу их при предлогах: а проку *на́ волос* нет в них (Крылов); схватить *за́ волосы;* сказал и *за́ ворот* советника схватил (Измайлов); ум *за́ морем*, а смерть *за́ воротом* (Даль, Посл.); оўворота Подл. 8 об., 13; отглада Новг. лет. 445; песни *на́ голос* заводит (Кольцов); ѿгласа Псалт.

58, 71; со́гласомъ ib. 215 об., во́гласѣ ib. 62; во́гласѣхъ Охт. 1594 г. 157 об.; *и́з городу* Костр. Шунг. (Виноградов); скачут *за́ город;* будет дуэль (Некрасов); *за́ городом;* до́города Алф. 131, по́городу Новг. лет. 485; по́дгородо́м ib. 487 об.; на́городе ib. 592; во́грады Хрон. 384; во́градехъ Сборн. 1647 г. 135 об.; ни *и́з короба,* ни в короб (Даль, Посл. 206); на́поро^{x} Hort. Am. 104, до́порохъ Ратн. 51, 58 об.; ѯсторожа ib. 212.;[1] челавек *до́ сараку* Моск. Клинск. (Чернышев); *по́ сороку* Новг., Ж. Ст. 1893 г., III, 384; *за́ сорок* верст в Кострому прямиком (Некрасов); за́сорокъ лѣтъ Улож. 225 об.

В сербском и словинском языках нисходящее ударение большинства этих слов сохраняется доныне. Сербск. бо̑г — бо̀га, бо̑j — бо̀ja, бо̑к — бо̀ка, бо̑р — бо̀ра, бро̑д — бро̀да, во̑з — во̀за Мажуранич (так и у Белича, у Караджича: во̑з — во̀за), во̑сак (под влиянием других падежей) — во̀ска, гно̑j — гно̀ja, го̑д — го̀да, го̑ст — го̀ста, гро̑м — гро̀ма (у Караджича гро̑м — гро̀ма), до̑ — до̀ла, до̑м — до̀ма, чак. zvȏn — zvòna (А. Белич), зно̑j — зно̀ja, кро̑в — кро̀ва, ло̑в — ло̀ва, ло̑j — ло̀ja, мо̑зак (или мо̀зак) — мо̀зга, мо̑ст — мо̀ста, но̑с — но̀са, по̑, по̑т — по̀та, ра̑ст — ра̑ста, ро̑в — ро̀ва, ро̑г — ро̀га, ро̑д — ро̀да, ро̑j — ро̀ja, со̑к — со̀ка, сто̑г — сто̀га Маж. (у Караджича сто̑г — сто̀га), бе̑лӣ то̑к, хо̑д — хо̀да; вла̑с, вра̑н, вра̑т, гла̑д, гла̑с, гра̑д, пра̑х (пра̑ха Маж., а Караджич пра̑ха);[2] однако возможны и уклонения от этого типа акцентовки: у Мажуранича отмечены бо̀ja, бо̀ра, ро̀ja; ро̏в — ро̀ва, чак. krȍv — krovà (А. Белич), срвн. Ряз. *ро̑й,* Тотемск. го̑j при гоj 36, также Ряз. *бо̑й — бо̑я,* а некоторые слова известны только с иной акцентовкой: гро̏б — гро̀ба,

[1] Было бы ошибкой думать, что все эти слова и им подобные встречаются в памятниках при предлогах всегда в виде энклитик; правда, реже, но возможны ударения на управляемом слове: от|до́му Новг. лет. 430, задо́мъ ib. 476 об.; бескро́ва Торж. XVI в. 387 об.; закро́въ Сборн. 1647 г. 640 об.; нало́въ Хрон. 308 об.; ѯмо́стѣ Кн. Степ. 509 об.; заро́дъ Торж. XVI в. 353; погла́сѣ ib. 658; пого́родѯ Сим. лет. 114; безѯпо́роха Кормч. 1650 г. 613 об. и т. п. Наконечная акцентовка этих слов в формах ед. ч., за исключением местн. пад. на *-у* редка: ѿдомо᷄ Нов. Зав. XIV в. 72, 85 об., ѿдомѯ᷄ Сборн. 1647 г. 590; ѿполѯ᷄ Алф. 432.

[2] Энклиза этих слов обычна в сербском языке: до̑ бога, у̑ год, по̑ рогу и т. д.

grǫ̑zd — grǫ̀zda, kǫ̑n; чак. grǫ̑b — grobȁ, grǫ̑zd — grozdȁ (А. Белич). Слов. bǫ̑g — bogâ, bǫ̑r, brǫ̑d, vǫ̑z — vǫ̑za — vozâ, vǫ̑sk, gnǫ̑j — gnojâ, gǫ̑d — gǫ̑da — godû, gǫ̑st — gostû — gósta, grǫ̑m, dǫ̑l, dǫ̑m, zvǫ̑n — zvǫ̑na — zvonâ, lǫ̑j, mǫ̑zg, mǫ̑st — mǫ̑sta — mostû и -â, nǫ̑s — nǫ̑sa — nosâ и -û, pǫ̑l, pǫ̑t — pǫ̑ta — potû, rǫ̑g — rǫ̑ga — rogâ, rǫ̑d — rǫ̑da — rodû, râst, sǫ̑k — sǫ̑ka — sokâ; в словинском языке слов, имеющих иную акцентовку, нежели в русском, более, чем в сербском: bȍj — bója, bȍk — bóka, krȍv — króva, kȍšt — kóšta,[1] lȍv — lóva, rȍv — róva, rȍj — rója, stȍg — stóga (этим словам в русском языке соответствовали бы слова с наконечной акцентовкой), mȍr — mǫ́ra; tȍk — tǫ́ka.[2] Появленіе в двух последних словах напряженного ǫ загадочно; однако следует отметить, что три слова: lǫ̑v, hǫ̑d, znǫ̑j в словинском же языке могут иметь акцентовку, выводимую из более древней наконечной: lȍv — lóva, hȍd — hóda — hodâ, znȍj — znója, другие три: drǫ̑zd, hvǫ̑st, plǫ̑d — plǫ̑da — plodû указывают таковую в сербском и русском языках: дрозда̀, сербск. дрǫ̑зд — дрǫ̀зда, плода̀ (по-сербск. плȍд — плȍда, возможно и для русского изредка, скорее диалектически, плóда), хвоста̀; в виду этого, нельзя ли предположить, что принадлежность этих слов к типу слов с нисходящим ударением явилась после того, как выработалось ǫ под прежним восходящим ударением в им. п. ед. ч., но до его сокращения (znȍj при králj, trǫ́d)? Из других слов нам известны: bǫ̑d (сербск. бȏд), kǫ̑v (сербск. кȏв — кȏва), lǫ̑šč, lǫ̑ž и strǫ̑j.

§ 6. В уменьшительном имени существительном рóжки Ряз. открытое *о* подтверждается словинским языком, в котором при ударении не на окончании имеется ненапряженное *о* с нисходящим ударением на корне: brǫ̑dȁk, dǫ̑mȁk, drǫ̑bȁk, mǫ̑stȁk, nǫ̑sȁk,

---

[1] Впрочем, для русск. *кошта* не имеется явных указаний на нисходящее ударение.

[2] Этому типу в сербском языке соответствует чак. krȏp — krǫ́pa, т. е. с кратким восходящим ударением во всех падежах (срвн. еще: gȍn — gǫ́na, lȍm — lǫ́ma, rȍk — rǫ́ka, skȍk — skǫ́ka, skȍt — skǫ́ta, vȍd — vǫ́da).

sộčak, vộzak; само же rć̑žak с оттянутым ударением соответствует русск. *рожо́к*, срвн. stóžak, stółak, mółak, kózak и т. п.; plộdak, prộstki имеют ộ по аналогии к plộd, prộst. Сербск. рȍжак может подтверждать Ряз. *ро́жки*.

§ 7. В двухсложных именах сущ. муж. рода, принадлежавших в древности к разным основам *(-o, -i, -n)*, при ударении на *о*, находящемся в первом слоге, таковое *о* является обыкновенно открытым. Сборн.: безгѡ́вора 21, ро́гозъ в. п. 190 об., го́лѹбь 157; Псалт.: го́|спода р. п. 158 об., го́лоть свои 201 bis, го́луби д. п. 71, йко́рень 69, го́споди зв. п. 155 об. bis, ѿ̀ 161 об., го́спѡдеви 157 (143 об.), предъ го́спѡдемь 137 об. (162); Тотемск.: kókťi 111, kóŕeń 121, nókoť 34, 121, с полногласием: gółoŕeń 43; Костр. Шунг.: *с ко́хтём* 23, *но́хти* ib.; Ряз.: *го́вор, го́спода, ко́чет, то́пот* (если здесь *о* не из *ъ*), *хло́поты, гро́хот; го́споди* зв. п., *го́лупь, ко́рень, ко́гти, но́готь*.

Для большинства приведенных слов нисходящее ударение, обуславливавшее открытое *о*, доказывается энклизою этих слов при предлогах: ѿ̀ господа Псалт. 164, Кормч. 1650 г. 230 об., ко́госпѡдѹ Псалт. 102 об., пре́дъгоспѡдемъ ib. 155, ѹ̆госпѡдѣ ib. 143 об., ѡ́тъгa̅ Новг. лет. 524, ко́г͡дѹ ib. 384, со́гдеᵐ ib. 387 об., на́|г͡да Улож. 66, на́г͡да возваˣ Тр. П. 1589 г. 1; йскорню Моск. (Чернышев), *корень за́ корень, око за́ око* Даль, Слов.; *по́д корень* довольно обычно, и что ее (= молодежь) когда-нибудь подточит под самый *по́д корень* практическая ложь (Полонский, В дурную погоду); косить *по́д корень* рожь высокую (Кольцов); йскорене Сборн. 304 об., ѿ̀ корени Охт. 1594 г. 51, прикорени Торж. XVI в. 186; пускай же-б он с досады отрубил мне руки *по́ локоть* (Пушкин), под нос не *по́д локоть* Даль, Посл. 702; но́гти е̑го по́лактю Пал. XVI в. 20; по́д'нохтемъ Новг. лет. 458 об.; для слов на *-от* срвн. бе́зтрепета Пс. Брюн. 266 об., на́трѡскоть Псалт. 207 об., Тр. П. 1589 г. 47 об., для слова головень срвн. и́з Город'нA Новг. лет. 647 об.; срвн. сербск. и̑з говора, до̑ лâкта; golộb, korę̑n, nộhat (и рядом nộhat), gộvor (kokột); слова на -oz и -ot в словинском языке обычно:

первые придерживаются насуффиксной акцентовки rógoz, -ǫ́za, gramòz, -ǫ́za, а вторые наконечной topòt, -óta, klopòt, -óta, ropòt, -óta и т. д., trepèt, -ę́ta и не могут быть сравниваемы с русскими.

Особого внимания заслуживает им. пад. ед. ч. слова *господь*. Однажды в Псалт. встретилось в этой форме ударение на первом слоге: негóспѡдьли 52 в согласии со слов. gospǫ̑d и сербск. гȍспо̑д (если только последние формы не следует сравнивать с **господъ*); но обычно акцентовкой этой формы в Псалт. является *господо́дь* с напряженным *ô:* госпо̑дь 9 (87), 132 об., 182 об. (на 161 л. 1 вычеркнуто) и в друг. местах, госпо̑дь 28, госпо̑дь 4, 143, 149, 157, 159 об. bis, 163 об., 164, 181 в согласии с Тотемск. γospô̑ 37 и Ряз. *господъ*. На форму гóсподь я склонен смотреть, как на южнославянское влияние; однажды писец, поставив ударение на первом *о*, не ограничился этим и над вторым *о* написал камору: гóспо̑дь 203.

§ 8. В именах существительных женск. рода с подвижным ударением открытое *ó* обычно; такое *о* появляется в формах вин. пад. ед., дв. и мн. чисел, а в памятниках иногда и в других падежах. Сюда относятся следующие слова: Сборн.: вóдꙋ в. п. 14 об., 179 об., вóды мн. ч. 15 об., 142 об.; гóрꙋ в. п. 236, востѣ̑и гóрѣ 236 bis, гóры в. п. 108 (сюда же, может быть, следует отнести наречие гóрѣ 21, -е 22 об.), нóгꙋ в. п. 183, нóги мн. ч. 23, нóсѣ дв. ч. 9 об., 39 об., 139 об., нóгꙋ | моёю 295, кроме того: дѡ́ски мн. ч. 176 об. Псалт.: вóдꙋ в. п. 205 об., вóды мн. ч. 61, 141 bis, 145 об., 146, 201, 218 об.; гóр(оу) в. п. 16, вгѡ́роу 56 об., 205, вгѡ́рѣ 62 об., 135 об., гóры мн. ч. 61, 141 об., 142, 142 об., 160, 180 об., нóсѣ дв. ч. 52 об., 74, 144 об., 160 об., 169 об., 184, 213 об., нó|ги мн. ч. 221, нóздри мн. ч. 160 об., рóсы мн. ч. 219. Тотемск.: vóždžy 118, góru 117, góry 33, 126, dróždžy 146, kózy, kósy 33, nógu 117, nógi 33, nózri 42, с полногласием: bórodu, gółowy, półosy, skóvorody 43, k stóroṅe 118, stórony 43. Костр. Шунг.: *вóжжы* 37, *дрóжжы* 29, *кóсу* 74, *нóги* 79, *нóру* 80,

к сто́роне 67. Ряз.: *во́ду, во́ды, во́жьжи, го́ру, го́ры, дро́жьжи, ко́зы, ко́сы, по́лу, по́лы, ро́сы, со́вы, бо́роды;* кроме того: *ко́зну, ско́мьи,* где *о* из *а* по аналогии, и *бло́ху, бло́хи, со́хи,* где *о* из *ъ*, загадочным исключением является: *но́гу, но́ги* и *со́сну* при *сосна́*.

Нисходящее ударение на звуке *о* этих форм доказывается энклизою их при предлогах: *за́ бороду, на́ бороду, по́д бороду* обычно; *за́ воду; на́ воду*; повадился кувшин *по́ воду* ходить, там ему и голову сломить; *по́д воду;* ехать лечиться *на́ воды;* за́водъ Лет. 272 об., на́водъ Новг. лет. 621, по́воду Алф. 89, на́воды Мин. 1608 г. 150; *за́ возжу* нар., *за́ вожы* Терск. Греб. (Караулов); *на́ голову, по́д голову*; положить подушку *по́д головы* народн.; поби́ша на́головъ Лет. 269; *за́ гору;* а то и *по́д гору* и днем Крылов, леший *за́ горы* уйдет Кольцов; *на́ горы;*[1] на́гору Псалт. 29, Сборн. 6 об., за́горы Косм. 49, на́горы Нов. Зав. XIV в. 23, Псалт. 185; *на́ золу* Ряз.; на́козы Тр. П. 1589 г. 399 об.; *за́ косу* ловко схватил он рукой Лермонтов, *на́ косу* народн., *за́ косы* тоже; за́косу Римск. Деян. (изд. Общ. Люб. Др. Письм. 37); *за́ ногу, по́д ногу;* он потопленное тело в воду *за́ ноги* тащит, Пушкин; тихо не лихо: бреди нога *по́ ногу* Даль, Посл.; *на́ ноги;* он *по́д ноги* не стлал ковров персидских, Крылов; за́ногу Кн. Степ. 338 об., на́ногу Требн. 1623 г. 246, за́ноги Сборн. 183 об., по́дноги Псалт. 62, за́нозѣ Новг. лет. 474 об., на́нозѣ Нов. Зав. XIV в. 30 об., Сборн. 39, по́нозѣ і҃совѣ а҃ти Сборн. 1647 г. 597 об., по́днозѣ Ап. 1564 г. 160, до́ногѫ Пал. XVI в. 25, на́ногу своею Ап. 1597 г. 53, ѿ′ногъ Тр. П. 1589 г. 356, при́ногъ Ап. 1564 г. 41 об.; за́ноздри Пат. Скитск. 139; *за́ полу;* махнули пола *об полу,* ударили рука *об руку* Даль,

[1] Я могу даже указать энклизу этого слова в местн. пад., но, к сожалению, в заговоре и песне: *на́ горе* Олон. (Колосов, Заметки 182), ой *на́ гаря* калина Курск., РФВ II, 76; кроме этого слова, в местн. пад. подвергается энклизе *земля:* на́земли Нов. Зав. XIV в. 104, 127, Псалт. 13, 32, Сборн. 243, Ап. 1564 г. 245; энклиза возможна и в род. пад. ѿземлѧ Псалт. 112 (гнул колосья твои *до́ земли,* А. Толстой; а Путятин молвит, *до́ земли* Василисе поклонясь, Суриков; в загадке: не *до́ неба,* не *до́ земли?* Даль, падающие звезды, срвн. еще *от́ ночи* Арх. Холм., Мат. № 50).

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ №

Посл. 236; и я, безумная, его пустила! я *за́ полы* его не уцепилась, Пушкин; *на́ полосу* Костр. Кологр., Мат. № 250; сват свату *на́ пору* друг Даль, Посл.; *о́ пору* и помощь друга Даль, Слов.; скот выгонять *на́ росу* Кал. Мещ. (Чернышев); на́рос҃ Новг. лет. 386, Тр. П. 1589 г. 53; *на́ сковороду* обычно, кроме того Моск. Рузск. (Н. Н. Дурново), Костр. (Виноградов); *за́ соху* Вологодск. Никольск., Мат. № 266, Тверск. Каш. (Смирнов), Курск. Об. (Машкин); *по́д соху* наверно клад и попадется, Суриков; *на́ сторону,* на́сторон҃ Новг. лет. 599, по́сторон҃ Ратн. 61, на́стороны Плув. (Погод.) 56 об.

Из всех вышеприведенных слов я не уверен в древнем нисходящем ударении слова: «сова» (совр. *сова̀ — сову̀*): в памятниках им. вин. пад. этого слова имеют наконечную акцентовку: *совы̀* Алф. 173 (2), последняя же указывает на принадлежность слова к категории слов с выраженною наконечною акцентовкою: бѣды̀ Нов. Зав. XIV в. 120 об., вдовы̀ Улож. 29, вины̀ Ап. 1564 г. 46 об., дугѝ Кн. Степ. 543, жены̀ Новг. лет. 460 об., и́гры̀ Лет. 115 об., казны̀ ib. 115, помурзы̀ ib. 188 об., пилы̀ Торж. XVI в. 154 об., рѣкѝ Псалт. 100, 134 об., сестры̀ Нов. Зав. XIV в. 21 об., слуги́ ib. 45, снохѝ Кн. Степ. 25, судьи́ Новг. лет. 596, толпы̀ Подл. 3 об., травы́ Нов. Зав. XIV в. 152 об., трубы̀ Новг. лет. 426, тюрмы̀ Улож. 58, у҃зды̀ Косм. 208, хвалы́ Псалт. 105, хулы̀ Ап. 1564 г. 195 об., нащепы̀ Косм. 79.[1] Такая акцентовка обычна у писателей XVIII в. и начала XIX в.: у Сумарокова (ч. VII, изд. 1787 г.): *сестры́* 46, *кумы́* 17, *судьи́* 141, *игры́* 376; у Княжнина (Соч. 1848 г.): взять можно мне в *жены́* I, 631; у Державина (На преодоление врага): и посылал на нас *войны́;* у Богдановича (Соч. 1816 г.): *свечи́* 94; у Вас. Майкова (изд. Глазунова): *мысы́* 202, *сестры́* 196, *вдовы́* 172, *игры́* 216, *трубы́* 252,

[1] Наторенная акцентовка является значительно реже: слоу́ги Нов. Зав. XIV в. 51, рѣ́ки Улож. 91 (в этом слове чаще, чем в других), жѣ́ны Триф. Кор. 51. Лишь для одного слова такая акцентовка обычна: *пчѣ́лы* Торж. XVI в. 126 об., Сборн. 153, Лет. 7 об., Косм. 128 об., Улож. 19; *за пчѣ́лы* Улож. 170.

совы́ 234, *змей* 236, *слуги́* 407; у Ф. И. Тютчева (Наполеон): но о подводный веры камень в *щепы́* разбился утлый челн; у А. С. Пушкина: *семы́, скалы́* (Е. Будде. Оп. грамм. яз. Пушкина. I, 81, 107) и т. д.; народное в загадке: лодка плывет, мертвец поет, ладоном дышет, *свечи́* горят (= пароход), Календарь Вятск. Губ. за 1892 г., 188; *сестры́* мн. ч. Уф. Белеб., Изв. X_2, 99.

Что касается *со̑сну* Ряз. при *сосна̀*, то возможно, что наконечная акцентовка *сосна̀* развилась из накоренной, ибо в великорусских говорах и старом языке обычна акцентовка накоренная: *со́сна* Олон. Петроз., Мат. № 30, Вологодск. Кадн., Мат. № 25, Новг. Устюж., Мат. № 28, Арх. Холм., Мат. № 50, Костр. Мак., Мат. № 56, Вятск. Яранск., Мат. № 59, Псковск. Остр., Мат. № 33 и др.; со́сна Алф. 389 об., со́сну Новг. лет. 499 об., о̑ со́сне Hort. Am. 19, 167 об.; у Сумарокова (изд. 1787 г., VII): *со́сна* 215, *под со́сною* 216; так что *о̑* в *со̑сну* можно рассматривать, как результат прежней акцентовки с восходящим ударением.

Сербский язык обычною энклизою этих слов при предлогах (по̏ воду, у̏ гору, за̀ косу, на̀ ноге, ме̏ђу ноге и т. п.; но в форме дв. ч. энклиза утеряна: на̀ ногу̑, испрѐд ногу̑) указывает также на нисходящее ударение.

В словинском языке большинство слов имеет в им. пад. ед. ч. акцентовку, свидетельствующую о древней наконечной: góra, kósa, kóza, nóga, póla, rósa, sóha, sóva, vóda, а в вин. пад. наконечную, свидетельствующую о древнем нисходящем ударении коренной гласной: gorǫ̑, kosǫ̑, vodǫ̑ и т. д., а с предлогом же za gǫ̑ro, na vǫ̑do; русск. *дро́жжи* соответствует вполне слов. drožjȇ. Что касается слов. nǫ̑zdra при сербск. но̏здра, то это слово иного образования, нежели русское ноздря̀ (< nozdrja): срвн. параллельные формы слов. nǫ̑zdrva, сербск. но̏здрва, а в словах на -va (см. несколько выше) обычно восходящее ударение корня.

§ 9. В именах существительных среднего рода на *-о, -е* обыкновенно в корне бывает открытое *о*. Сборн.: го́ре|ми 14,

гóре 75 об., 76; лóжа р. п. 124; мώре 113, вмώ|ри 283, пóле 301, слώво 4, вслώвѣ 327; Псалт.: кóло 115, лóже 7 об., 54 об., мóре 142 об., 159 об., -а р. п. 150 об., 191, мн. ч. 219, вмώре 152, 204, 226 и в друг. местах, -и 148 об., -ѣ 212 об., -ѣхъ 224 об. (186 об.), впώлѣхъ 183 об., слώво 54 об., 141, 144, 144 об., 146, 151 об., 168 bis, 169, 170, 183, въ- 171 bis; Тотемск.: рóĺö, -ä, -ü, öm 120, мóĺö, sĺóvo 33 и с полногласием kółokoło 43; Костр. Шуиг.: *в пóле* 61; Ряз.: *гóре, лóже, мóре, пóле, прóсо, с прóсом* (приведено наблюдателем в противоположность твор. пад. *спрóсом*), *слóво*, кроме того, *зóлото*.

О древнем нисходящем ударении коренной гласной свидетельствует слов. язык своим переносом ударения на окончание: gorjȇ, morjȇ, poljȇ (возможно и сохранение нисходящего ударения на корне: mȏrje, pȏlje); kolȏ, prosȏ, slovȏ, -ésa (но в новообразовании slóvo — slóva), zlatȏ, а также сербский и русский язык развитой энклизой этих слов при предлогах: сербск. шток. ȕ поље, нà пољи, ȍkolo; чак. nà more, dȍ mora; русск. гóре нáгоре Сборн. 1647 г. 133 об.; *ý горя* и догадки; не *пó горю* плачут, а *óт горя;* Пятрок спиць сабе *бéз горя* Могил. Чер., Ром. IV, 132; йзмóра Торж. XVI в. 215 об., дóмора Новг. лет. 398, ѿмора Псалт. 95 об., пóморю Нов. Зав. XIV в. 9, прúмори Ап. 1564 г. 39, нáмори Сборн. 106, нáдморе Новг. лет. 391 об., нáморѣхъ Псалт. 29; *ý моря* погоды ждать; с ними *úз моря* выходит... (Пушкин) и т. п.; дóпола Новг. лет. 526, нáполе Псалт. 212 об., нáполехъ Новг. лет. 630 об.; худая трава *úз поля* вон; *вó поле* пóле затóпали кони, заревел медведь на ярмарке (песты и жернова на мельнице), Даль; *óколо*, народн. *óкали* Моск. (Чернышев); бéзслова Ап. 1564 г. 65 об., нáдъслово Охт. 1594 г. 179, нáсловѣ Лет. 292, сбсловом Тр. П. 1589 г. 51 об.; и слово *зá слово* знакомятся они (Крылов); *зá словом* в карман не полезет; я *óт слова* до слова его бы затвердил (Лермонтов); красно мое *нá золоте* — ласка (Куликовский), *пóд золотом* (о кинжалах Терск. Греб., Караулов). Одно

лишь слово *ло́же* вызывает у меня сомнение в принадлежности к предыдущей категории слов не только в виду слов. lǫ́že и чешск. lůže, но также и потому, что как я ни старался, но не мог определить, к какой категории слов принадлежит означенное слово в тех памятниках, откуда я привожу обыкновенно примеры. Дело в том, что все вышеприведенные слова чуждаются наконечной акцентовки, слово же *ло́же,* а также и другое *ло́но* (чешск. lůno) нередко имеют последнюю: наложи́ едино^{ж} Нов. Зав. XIV в. 36 об., наложи́ свѡе́мъ Псалт. 45 об.; ѿложа̀ Торж. XVI в. 648 (654), Злат. 238 (срвн. доло́жа Торж. XVI в. 5, нало́же Хрон. 193, Лет. 53, нало́жи Сборн. 1647 г. 511, раз даже с энклизой на́ложе свое Пал. XVI в. 22); налоно́ Нов. Зав. XIV в. 36, Новг. лет. 386, лоно́ Злат. 194 об., ло|на́ свѡего́ Псалт. 182 об., налонѣ̀ Нов. Зав. XIV в. 48 об., Сборн. 75 об., Новг. лет. 448 (срвн. вло́нѣ Hort. Am. 87, ѳло́на ib. 255, нало́нѣ Сб. 1647 г. 101 об. и раз даже: на́лонѣ Тр. П. 1589 г. 405 об.) и также в дубликате его: налони́ о̑чи Кн. Степ. 573 об., налонѣ̀ в. п. Злат. 275 (срвн. вло́ни Торж. XVI в. 105 об., ло́не мое Хрон. 298 об.). В виду сего вопрос об исконности открытого *о* в слове *ло́же* (а также и *ло́но,* если таковое встретилось бы с открытым *о* в говорах или памятниках, знающих *ô*) я оставляю открытым.

В противоположность слову *зо́лото* с открытым *о* имеют правильно напряженное *о:* bolôto, molôka Тотемск. 43, *болôто* Грязов., *воруóта* Костр. Шунг. 71, неск. раз, *-ам* ib., *-ах* ib., *болôто* Ряз.

Слово *го́рло* Ряз., górlo Тотемск. 39 имеет *о* из *ъ*.

§ 10. В трехсложном со́чивъ Сборн. 38 об. открытость *ô* обусловлена нисходящим ударением, засвидетельствованным слов. языком: sočîvǫ, срвн. tvorîvǫ, vozîvǫ, kolîvǫ, kurîvǫ и т. п. (русск. ме́сиво, ме́ливо, кру́живо, сѣ́чивомь Псалт. 99 об., ко́ливо Требн. 1623 г. 297). Суффикс *-iv* имел нисходящую долготу: сербск. пи̑во, русск. на́пиво Улож. 337 об. *на́ пиво* не теча Новг. Череп., Ж. Ст. 1893 г. III 382, *по́ пиво* Костр. Мак., Мат. № 56 (срвн. напряженное *ô* при суффиксе *-ilo*, § 33, I).

§ 11. Открытое *о* встречается в следующих именах существительных женск. рода с основою на *ĭ*: Сборн.: ко́сти в. п. 23-2 об., ни́щъ 129 об., со́ль 27 об., 107 об., со́л҃и р. п. 106 об., со́лїю 205 об., бо́ль 156 (кроме того: ко́зни им. п. мн. ч. 155 об., кро́вь 11 об. (285 об.), вкро|вь 113 об., къкро́ви 9 об., кро́вми 287 об., ски́ръбь 101, ски́рбїю 8 об., вскорбѣхъ 10 bis, вскърбѣхъ 73 об.); Псалт.: ко́сть 191, 193 об., вкы́сти в. п. 155 об., 213 об., вкы́стехъ 49 об., но҃щь 3 об., но́щь 191 bis, но́щїю 18, 178 об. (146), вны́щи м. п. 169, вны́щехъ 185 (кроме того: вькро́вь 145 об., кро́|ви р. п. 191 об., кро́|вми 149 об., ски́рбь 26 об., 161 об., ѿски́рби 163, въски́рби м. п. 5, ски́рбеи 31 об., тры́сть 59; Тотемск.: boĺ, drop 37, koś, noć, nóći р. п., nóće д. и м. п., nóćjöj, nóći мн. ч. 122, k nóći 112; кроме того: voš, droš, žołś, łoš 37, doć, brof, bróvi мн. ч. 34; Костр. Шунг.: *с но́чи* 64, *к но́че* ib., *во́лосте* 64; Ряз.: *боль, дробь, кость, новь, ночь, соль, во́лость, ко́рапь* (= короб) род?, кроме того: *бровь, вошь, дочь, кровь;* исключением является: «кричать во всю *мо́чь*» не под влиянием ли неопределенного наклонения от глагола *могу*.

Открытое *о* в этой категории слов обусловлено некогда бывшим на нем нисходящим ударением, которое может быть доказано:

1) распространенною энклизою этих слов при предлогах в памятниках и русских говорах: *бе́з боли* Ярославск. Ром.-Борис.; *про́ волость* Костр. Варн.; на́волость Сим. лет. 563, по́волости Новг. лет. 495 об., на́волости в. п. ib. 520 об., ѿ власти Ратн. 14 об., со́властїю Новг. лет. 654 об., ко́властемъ Ап. 1597 г. 187 об.; *бе́с кости* Вологодск. Тотемск., Ж. Ст. 1906 г. I, 62; милого побои не *на́ кости*, Даль, Посл.; до́кости Пат. Скитск. 380; стати на́костехъ Сим. лет. 217 об., 244 об., 262 об.; с утра *до́ ночи*, ходил *о́т ночи до́ ночи*, Костр. (Виноградов), зашла беседа ваша *за́ ночь* (Грибоедов), *по́д ночь;* йзнощи Тр. П. 1589 г. 103 об., по́нощи Сборн. 1647 г. 223, ѹ́бнощь Торж. XVI в. 297, на́ночь Сборн. 213, при́нощи Ратн. 205 об.; неми-

лого целовать, что щи *бе́з соли* хлебать; благодарить: за хлеб, *за́ соль, за́ щи* с квасом..., Даль, Посл. 119; *на́ соль* Влад. Юрьевск. (Чернышев), *на́ соли* м. п. Тульск. Новос. (Будде).[1]

2) Сохранением нисходящего ударения в сербском и словинском языках (сербск. [бо̑л — м. р.], вла̑ст, [дро̑б — дро̏ба], ко̑ст — ко̀сти, но̑ћ — но̀ћи, со̑ — со̀ли; слов. bǫ̑ł, -i, drǫ̑b — drobî, vlâst, -î, kǫ̑st, -î, nǫ̑č — nočî, sǫ̑ł — solî). Не совсем ясно проникновение в словинском языке в эту категорию слов ǫ: kǫ̑v, dǫ̑b, gǫ̑ł, hǫ̑d, mnǫ̑ž, ǫ̑r, ǫ̑s, ǫ̑st. Не произносились ли эти слова первоначально с восходящим ударением, под которым и развилось ǫ (срвн. слов. mę̑d, -î, pę̑st — pestî, rîs, pę̑san, -sni при сербск. ме̑д, пе̑ст, ри̏с, пе̑сма; срвн. еще nìt, но уже в род. пад. nîti, в сербск. ни̏ти)? Чешский язык противоречит вышесказанному только одним своим sůl.

§ 12. Открытое *о* в двухсложных словах женского рода на -ъ с ударением на первом слоге (Ряз.: *ло́шадь, пло́щадь*) также обусловлено бывшим некогда на нем нисходящим ударением, о котором свидетельствует энклиза этих слов при предлогах: Молчалин *на́ лошадь* садился (Грибоедов); *по́ лошадь* Костр., Ж. Ст. 1897 г. III—IV, 462, Вятск. Нол., Мат. № 52; *за́ лошадью* Моск. Рузск. (Н. Дурново); за́лошадь Улож. 56 об., 315, на́лошедь Журн. Черем. 185 об.; пусть *на́ площадь* идет, Тредьяковский I, 72; и пошел Садко прямо *на́ площадь* (Суриков); на́площадь Кн. Степ. 464 об., на́площади в. п. Нов. Зав. XIV в. 32 об.; срвн. слов. ploščȃd.

Имена сущ. ж. рода на *-ость* имеют при ударении на первом слоге открытое *о:* Сборн.: и̏згоре́стїю 196 об., кро́тости р. п. 41, кро́тостїю 14 об., с'- 149 об., кроме того *о* из *ъ:* бо́дрость 220; Псалт.: го́рести р. п. 12 об., 209 об., кро́тость 183 об., и̏кро́тости р. п. 59 об., доско́рости 201; кроме того

---

[1] Рядом возможны формы и без энклизы, что наблюдается уже в памятниках: подвла́стїю Новг. лет. 422 об.; отко́сти Хрон. 311 об.; обно́щъ Новг. лет. 532 об.; безсо́ли Кормч. 1650 г. 13 об. (III).

о из *ъ*: вгѡ́рдѡсти 12;[1] Ряз. *го́рость, но́вость*. В настоящее время эти слова в русском языке энклизе при предлогах не подвергаются (или очень редко), но в древнерусских памятниках энклиза их возможна, хотя и не часта: на́крото|сть Торж. XIV в. 62 об., на́бодрость Мин. 1608 г. 157 об., ѿ гордости Сборн. 273 об., 286, бе́злѣпости Нов. Зав. XIV в. 128 об., (сербск. за̀ лудо̑ст, о̀д лудости, за̀ милошћу, бе̑з жалости); срвн. слов. gorȇst, novȏst, krotkȏst, bolȇst, dobrȏst, mnogȏst, grdȏst, lẹnȏst и т. п.; о нисходящем ударении в этой категории слов свидетельствует и русск. *мо́лодость*.

§ 13. В сложных именах сущ. муж. рода типа *по́вод* и женск. рода типа *по́мочь*, т. е. с ударением на приставке, обычно открытое *о*. Сборн.: оу̯по́греба 155 об.; и̯пѡ́двиг в. п. 135, по́двизѣ 130, по́двигомъ 29 об., ѿпо́мысла 140 об., по́мыслꙋ д. п. 36 об., по́мыслъ р. п. 21 об., ѿ- 203 об., о̀по́мыслехъ 22 об., прѡ́мыслꙋ д. п. 275 об., по́ѧсъ 9; по́вѣсть 112, и̯по́вѣсти 5, по́мощъ 32 об., 104, про́пасть 264 об., прѡ́|пасти 29, впрѡ́пасти 126 об., впро́пасти в. п. 29, пѡ́хоти в. п. 240 об., по́хоте[x] 274 об., 275 об., по́чести р. п. 43, 45 об., в. п. 26 об. (срвн.: во́здꙋхъ 143 об., 307 (11 об., 113), не- 23-2, во́|зраста 32, ѿво́стѡка 111 — редкая акцентовка; несо́вѣсть 40); Псалт.: по́ѧсъ 155 об.; по́мощъ 24 об., 154, 178 об., вспо́мощъ 43, 51, по́мощи р. п. 2; вспѡ́хо|тѣ[x] 12; Тотемск: póvot, póxorony 33, но: pȏgŕȏp 33, pȏgŕȏby 120; Ряз.: *по́вод, по́греба* р. п., *по́яс, по́дпол, про́мысел; про́лубь, по́честь*.

Нисходящее ударение на приставке таких слов доказывается:

1) распространенною энклизою подобных слов при предлогах в древнерусских памятниках и сохранением энклизы их в великорусских говорах; напр.: а) но *за́ повод* коня схватил (Лермонтов); наш воевода, что понурая кобыла: *за́ повод* возьми, куда хошь веди (Даль, Посл. 225); на́погребѣ Торж. XVI в. 565;

[1] О случаях из Псалт.: вмерзѡ́стехъ 208 об., премудрѡ́|сти 158, и̯ро́стїю 213. См. выше в введении.

на|подвигъ сеи ib. 164 об., ѿподвигъ[1] 506, наподвиги Сборн. 1647 г. 566 об.; безпо|мысла Сборн. 19-2 об., ѿ помысла ib. 75, 114; *за пояс* в работе он заткнет любова (Некрасов); Пантелей-государь ходил *по полю*, и цветов, и травы ему *по пояс* (А. Толстой); с дураком дружись, а обух *за поясом* держи (Даль, Посл. 479); ѿ поаса Ратн. 71 об., допоаса Подл. 148 об., беспоаса Торж. XVI в. 599 об., припоасѣ Требн. 1623 г. 373 об., ъпоасѣ Подл. 198 об. (срвн. еще у других слов: повозрастъ Ап. 1564 г. 73 об., назапад Час. 1565 г. 11 об., назападѣ Ап. 1564 г. 88, назапады Псалт. 86, дозападъ ib. 65, дойскъпъ Улож. 47, пъдъоблакомъ Ап. 1564 г. 122 об., воѡблацѣ ib. 122 об., наѡблацѣхъ Охт. 1594 г. 263, поѡбразъ Ап. 1564 г. 218 об., заѡбразъ ib. 191, предъобразомъ Тр. П. 1589 г. 371; безобыскъ Улож. 305 об., наокъпъ ib. 5 об., ъпокъпъ Сборн. 1647 г. 507 об., *на остров* Олон. Петроз. (Куликовский), наостровъ Лет. 124 об., наостровѣ Кн. Степ. 608, воостровы Тр. П. 1589 г. 359; наѿкъпъ Улож. 240 об., запрокормъ ib. 48, напромыслъ Косм. 107 об., воѣжасѣ Псалт. 88; б) наповѣсть Сборн. 1647 г. 686; бог *на помочь* народн., беспомощи Псалт. 120, напомощь Новг. лет. 547, запомощь Пал. XVI в. 150 об.; ѿ похоти Сборн. 23 об., напохоти ib. 275 об.; започесть Тр. П. 1589 г. 163 об., напочесть Кормч. 1650 г. 271 (срвн. ѿ зависти Сборн. 158, позависти Ап. 1564 г. 167 об., позаписи Улож. 274, позаповѣди Тр. П. 1589 г. 204, позаповѣдемъ Ап. 1564 г. 82 об., ъзаповѣде[x] Сборн. 239 об., *на исповѣдь* Новг. Устюж., Мат. № 28, Кал. Мещ. (Чернышев), поѡбласти Ап. 1564 г. 121 об., *на опаш* нар. Олон. Петр. (Куликовский), коѡпаши Кн. Степ. 53, соѡпашью Тр. П. 1589 г. 230; попереписи Новг. лет. 618 об., напособь к ним не пошли Улож. 311, напрелесть Торж. XVI в. 125 об., йсприбыли Арифм. (ГПБ) 144, напроповѣдь Торж. XVI в. 576, ъпроповѣди Ап. 1564 г. 45 об., нароспись Ратн. 40 bis);

[1] Эти слова, в отличие от односложных (см. § 5), подвергаются энклизе и в род. пад. мн. ч.

2) энклизою подобных слов в серб. языке: за̀ пој̑ас, у̀ обла̑ке, на̀ дохва̑т; чак. và razgovȏr Изв. XIV_2, 212, и

3) переносом ударения на слѣдующий слог в словинском языке; pojâs, oblâk, obîsk, izkûp (o-, po-, od-), vzrâst; pomo̍č, počâst, povẹ̑st, propâst, zavîst, oblâst, poho̍t (o̍ под влиянием ho̍češ), izpo̍vẹd (pro-, za-); что касается prẹ́last, то это слово в слов. языке заимствованное из ц.-слав. языка. Иногда в слов. яз. им. сущ. муж. рода имеют акцентовку другого типа: obràz, -ráza; ostròv, -ro̍va; pogrèb, -gro̍ba; podvìg, -dvíga; zapàd, -páda; удивляться этому не следует, ибо даже в пределах одной языковой области наблюдается подобное колебание: лит. *на́сморк* и *насмо́рк, о́бухом* и *обу́хом, за́мах* и *замáх;* теперь мы говорим *при́став, при́знак,* а в памятниках и у писателей XVII в. *приста́в, призна́к.*

С великорусской акцентовкой *по́вод* не следует сопоставлять малорусскую *на́рід*, являющуюся часто в соответствии с великорусскою *наро́д* (напр.: *до́каз, за́кін, за́твір, за́хід, на́каз, на́мек, по́жар, по́клад, по́мет, при́пас, при́плід, ро́звід, ро́зказ, ро́зкіл, у́род, у́тес, у́хват* и много других); здесь приставка безусловно была под древним восходящим ударением: не говоря об отсутствии энклизы этих слов в малорусск. наречии, укажем, что приставка *пере-* обычно в таком случае имеет ударение на втором слоге: *пере́ворот, пере́їзд, пере́полох, пере́рив, пере́суд* и др. С малорусским же *до́каз* следует сопоставлять чешск. důkaz (еще: důhon, důmysl, důchod, důvod; původ, půboj, spůsob, průběh, průchod, průlom, průmysl, průsek, průtok и т. п.), и это весьма правдоподобно в виду обычного сохранения долготы старых долгих гласных в этом случае: základ, záchod, zákon, národ, nákaz, příplod, útok и т. п. (срвн. приставку vý-, которая, без сомнения, была искони под восходящим ударением). Точно также и чешск. ů в приставках других категорий слов: důvěra, průprava; důstatek, půžitek, průčelek, zůstatek, důminka; průpověd, průseč (důležitost); důstojný, průsvitný, průvodný и т. п. должно быть сопоставлено с малорусским: *пере́става, пере́їда; пере́лі-*

сок; перéвязка, перéдѣлка, перéкладка; перéйди, перéсѣчь, перéболонь; перéкупний, перéхідний.

Подобно тому, как мы некоторые немногочисленные сложения слов. языка типа vinǫgrad сравним с малорусским *чернóслив* (см. § 61), так точно придется допустить подобное сравнение и в словах, сближенных с приставками; сюда относятся: pǫdseḍ (нар. zapǫred); pǫdprda, pǫdpernja, pǫstelja (малор. *пóстеля*); prǫstiralo; pǫstelj, dǫmlati.

§ 14. I. Те двухсложные прилагательные, которые в членной форме имеют ударение на окончании, в нечленной форме, за исключением им. пад. ед. ж. р. и им.-вин. пад. мн. ср. р., таковое имеют на корне и подвергаются энклизе при предлогах и отрицании *не;* напр.: благóѥ Ап. 1564 г. 66; блáгѫ в. п. Тр. 1623 г. 667 об., но: благà ж. р. Св. 1647 г. 48; вóбщго врéма Требн. 1623 г. 479; = *босóй* бóсѫ д. п. Св. 1647 г. 704; обули *нá босу* ногу, Даль, Посл. 132; = глѫхíе Улож. 117 об.; глоýхи ib. 33 об.; нáглѫхо ib. 91; = *густóй; гýсто* нар.; *нá густо;* = ѿдесныѧ Тр. 1623 г. 35 об.; начáло дéсно Св. 1647 г. 5 об.; нáдесно ib. 171; = *дорогóй; дóрого;* купи *зá дорого,* продай *зá дешево,* Даль, Слов.; = *другóй;* имя сущ. *друг-дрýга;* друг *бéз друга* они не ели и не пили, Крылов; друг *пó друге,* а бог по всех; дрѫгъ сóдрѫгѡ҃ Новг. лет. 468 об.; зáдрѫги ib. 637; = живóмѫ Охт. 1594 г. 261 об.; воды́ жúвы р. п. Св. 1647 г. 78 об.; о, лучше в могилу мне *зá живо* лечь, Некр.; = златы́й Охт. 1594 г. 278 об.; ведрò злáто Сборн. 1647 г. 490 об.; красно мое *нá золотé* (Куликовский); = *косóй;* кóсо Ратн. 74; *ûскоса;* = кривы́мъ тв. п. Тр. 1623 г. 262 об; крúвѫ д. п. Сборн. 1647 г. 673 об.; ктò поцелоýет крт҃ъ нáкривѣ Улож. 26; лихóй; лúхо ср. р. Св. 1647 г. 622; не *óттесна* плачут, а *óтлиха* (Даль, Слов.); одобрѣ | и ѫлихѣ Сим. лет. 535 об.; намлады́а Тр. 1623 г. 284; млáда р. п. м. р. Охт. 1594 г. 198 об.; йзмлада Мин. 1608 г. 15 об.; месяц *нá молоде* Даль, Слов., луна перевертывается с вётху *нá молод* ib.; = нагóю Сборн. 1647 г. 167; вънáзѣ ib. 830 об.; пóнагоу Ев.

1606 г. 197 об.; *простóй;* спрóста Сб. 1647 г. 53; пóпростѫ Ратн. 99 об.; играют *зá просто* в бостон, Крылов; нéпростѡ Сб. 1647 г. 552 об.; прамáа Улож. 163; прáмы Сб. 1647 г. 109; дóпрама Улож. 66; = пѫстóе ib. 199; лежáть пѫсты ib. 36; *пó пусту* девица милого звала, Суриков; святóй — свáтѫ в. п. Охт. 1594 г. 355; жить пó *святу,* Даль, Слов.; = *скупóй; скýпо;* пóскѫпѫ Кормч. 1650 г. 313 г.; = слѣпыıа Тр. П. 1589 г. 131; слѣпы в. п. Сб. 1647 г. 785; *сóслепу;* сѫхáа Тр. 1623 г. 546; сосцà сѫха дв. ч. Сб. 1647 г. 502; пóсѫсѣ землѝ Ап. 1564 г. 223 об.; отошел, как *óт суха,* Даль, Слов.;= *холостóй;* не *пó холосту* живем, Даль, Посл. 401; хѫдáа Улож. 30 об.; хоýды ib. 7; *при́ худе* худо, а *бéз худа* еще хуже, Тверск. у. (срвн. шток. ббс, глŷх, гŷст, драг, дрŷг, жи̂в, кри̂в, мла̂д, на̂г, пŷст, свет, скŷп, слы̆јеп, сŷх; чак. blâg, drâg, glûh, gûst, hûd, krîv, mlâd, pûst, svêt, sûh, zlât, žîv).

Вследствие изложенного вполне понятно, что у таких имен прилагательных в нечленной форме будет наблюдаться открытое *о,* ибо оно находилось под нисходящим ударением; Сборн.: прóсть 42 об., прóстѡ 70 (100), *-а* р. п. 165, *-ѫ* в. п. 41 об., *-ы* мн. ч. 173 об., 239, Ряз. *прóсто,* а также и в членной форме, явившейся по аналогии к нечленной, вместо *простóй, прóстый;* сербский (прȍст, -а, -о) и словинский (prȍst, prósta при prȇst, présta) языки указывают на принадлежность этого прилагательного к другому типу акцентовки.

Далее, сюда относятся Тотемск. рłох, рłóхо (срвн. плохóй), bos 37 (срвн. слов. bȏs), bółoźe, dórogo, mółot 43, Ряз. кóсо, мóлод.

II. Два имени прилагательных, сохраняющих в членной форме накоренную акцентовку и имеющих в ней *ô,* в нечленной форме имеют открытое *о.* Надо заметить, что энклиза их в нечленной форме очень распространена в русском языке, а потому можно думать, что они в этой форме имели нисходящее ударение, превратившееся в членной форме в восходящее (срвн. отсутствие энклизы их в членной форме). Это — *новый* и *скорый.* Сборн.:

нóвъ 9 об., 103 об., 173 об., *-о* 18, 113 об., *-ѫ* 173 об., *-ы* мн. ч. ib., внѹ́вѣ 231; вскѹ́рѣ 73 об. (102); но: скорое 31, кроме того, неясно, почему в им. пад. ед. ч. муж. рода: скоръ 41 об. bis; нóвое 15 об., нóвыи 150 об., 157 об., *-ое* 174; Псалт.: бо̀гъ но̀въ 113, нанóвъ мѣсацъ 112 об., нóвѫ в. п. 40, 52 об., 132, 197, 201 об.; скѹ́ро 46, 190, 195, вскѹ́рѣ 4 об., 7 об.; в Ряз. произошло уподобление в одном случае к форме членной: не только *нóвый*, но и *нóв; снóва*, а в другом к нечленной: не только *скóро*, но и *скóрый*. Слов. nǫvi подкрепляет *ô* русского языка в членной форме и имеет по аналогии ǫ в наречии znôva, iznôva; но в нечленной форме имеет наконечную акцентовку: nòv — nóva против сербск. нòв, нòва, нòво; точно также и в наречии слов. skóro при сербск. скòро является наконечная акцентовка. В виду отрицательных данных в слав. языках весьма ценным показателем нисходящего ударения в русской нечленной форме является вышепомянутая энклиза этой формы при предлогах: готова *сы́знова* сказать, Грибоедов; *по́ нову* сеять, *по́ нову* ехать, Даль, Слов.; *за́ ново; на́ ново; на́ нове*, Даль, Слов., Кас. Мещ. (Чернышев); и̏знова Ратн. 13, не́новѫ д. п. Ап. 1564 г. 157 об., не́новѣ ib. 203; *по́ скору* народн., Даль, Слов.; все *на́скоро* в пути замечу на полете, Крылов; *на́скоре* слепых рожают, Даль, Посл. 614; по́скоро (бе̏пе̏нїа) Тр. П. 1589 г. 276 об. 359; на́скорѡ Ратн. 128, на́скорѣ Св. 1647 г. 242, не́скоро Ап. 1564 г. 187 об. Повидимому, к этим словам следует отнести: Тотемск. xvôroj 37, ńezdorôvoj ib. (срвн. *здóрово!*), Ряз. *плôский* (слов. plôsk, plóska).

§ 15. Имена прилагат. с суффиксом *-гк-*, несмотря на указание случаем *корôткий* при *кóротко*, не имеют отличия в звуке *о* между членной и нечленной формами и имеют безразлично то *ó*, то *ô* в той и другой форме, находясь под сильным влиянием родственных образований, в частности образующих слов: *гóрький, крóткий, рóбкий, лóвкий, грóмко, хóдкий* Ряз. под влиянием *гóре, крóтость, *рóбость, лóв, грóм, хóд*, а *лôмок, тôпок, хôдко* Вологодск., *кôлкий, нôский, лôвкий* Ряз., *бôйкий* под влиянием *лôмишь*,

тôпишь, хôдишь, кôлешь, нôсишь, лôвишь, бôй. Приведем данные: Сборн.: гóрекъ 216 об., 301 об., 315 об., гóркѡ 124 об., 197; гóркїа 322, -ꙋю 291, -ими 125 об., 199 об.; крѡ́токъ 17 об., 206 об., -ко 134 об. (230), -кꙋ д. п. 244 об.; и́кро|ткагô 141; кроме того: тѡнка р. п. 72 об.; Псалт.: гóркꙋ в. п. 81 об.; кроме того: пóлзѡкъ 43; Тотемск.: góŕkoi̯ 128 (при goŕkói̯ ib.); lóvok 127 (при lofkói̯ 128), róbok, róрko, róрki, róрkoi̯ 127 (при rорkói̯ ib.); но: lômok 39, 127, tôрkoi̯ 127, korôtka 43; правильно *о* из *ъ*: tónok 127; Грязов.: *хôдко;* Ряз.: *лóрько, гóрький, грóмко, крóткий, лóвкий* (= лит. *лóвкий*), *рóбкий, хóдко, хóдкий* (кроме того: *тóнкий, тóпкий* от слова *топтать*), но: *бôйкий, зôркий, кôлкий, лôмкий, лôвкий* (которого легко ловить, ловливый), *нôский, тôпкое болôто, тôпкая печь, корôткий.*

Для сравнения представляет интерес лишь слов. lo̯mɑk, ибо другие прилагательные имеют в этом языке наконечную акцентовку: górak, krótak или krotâk, zvónɑk, tóрɑk и т. п. (срвн. русск. *легóк,* а в членной форме: кроткы́и Пал. XVI в. 133 об., горкóю ib. 41, к'роткúя Новг. лет. 574 об., кроткáго Ап. 1564 г. 65 об.; отметим энклизу некоторых из них в нечленной форме: нéкротци Пал. XVI в. 182; Тр. П. 1589 г. 293 об., нáкороткѣ 166 об.).

§ 16. В именах прилагательных с суффиксом *-ĭjo-* наблюдается колебание *о* и *ô:* Сборн.: бó|жїа мн. ч. 319; но: вкôзїахъ 166 об.; Псалт.: бóжїи им. п. ед. ч. 107, 119 об., -їе 114 об., 132, -їа р. п. 86, ср. р. мн. ч. 84, 111 об., -їю в. п. 23, -їи мн. ч. 62 об., -їихъ 105 об.; кóзлихъ 208, но: кôзлїю в. п. 66; Ряз. *бóжий, кóзий.* По сравнению с сербским языком здесь, повидимому, было в древности восходящее ударение: крàвьй̑, мѝшj̑й, пти́чj̑й, ри́бьй̑, бо̀жj̑й, ко̀зj̑й. В словинском языке в большинстве случаев наблюдается напряженное o̯: kǫ̂zji, ǫ́rlji, ǫ́sji, ǫ́včji, sǫ́vji, škǫ́fji, sokǫ́lji, otrǫ́čji, volǫ́vji, sokolǫ́vji, sinǫ̂vji, bratǫ̂vlji; что касается bóžji, kóblji (коневий), kózlji (срвн. имя сущ. kǫ́zlja — стручек), то они имеют ударение оттянутое, срвн. сербск. ву́чj̑й,

вра́нчйй. Следовательно, надо допустить влияние со стороны образующих слов *бо́г, ко́зу*.

Здесь же упомянем: ѡтсѣ́ти ло́вча Псалт. 126 об., но в Ряз. *ло́вчий, го́нчий*.

§ 17. В Псалт. встречаются следующие интересные формы 1 л. ед. ч.: по́ю 10 об., 15 об., 33, 199 об. и по аналогии: воспѡю́ 143 об., 153, 189 об. (срвн. рядом пою́ бг҃оу 143 об., пою́ 153, пою́ тебѣ́ 153 об.); взи́|вѫ 74 (в других лицах только насуффиксная акцентовка: пою́ть 201 об., взѡвоу́|ть 83 об., призове́мъ (101).

Прежде всего отметим, что формы *по́ю* и *зо́ву* являются вполне обычными для русских памятников XVI в., напр., в старопечатных московских книгах: по́ю Ап. 1564 г. 230, Тр. П. 1589 г. 16; зо́вѫ Тр. П. 1589 г. 126 об., Охт. 1594 г. 47 об. (кроме того: по́ю Торж. XVI в. 166); они стоят не особняком: а҆́зъ жи́вѫ Тр. П. 1589 г. 201 об. (в формах других лиц наконечная акцентовка: зове́мъ Тр. П. 1589 г. 179, живе́те ib. 211 об.); такие же формы возможны и от глаголов на *-ити* и *-ѣти (-ати)*: 1) го́ворю Ратн. 67 об., 217 (срвн.: говора́ть ib. 223); 2) бо́юсѧ Тр. П. 1589 г. 39 об., бѣ́жѫ ib. 331 об., ле́жѫ ib. 102, 114. Безусловно *о* в этих формах должно было иметь нисходящее ударение, ибо с приставками эти глаголы и другие им подобные переносят ударения на приставку: при́зовѫ Ап. 1564 г. 230, Час. 1565 г. 117 об., во́ззовѫ Ап. 1564 г. 239 об.; на́ведѫ Тр. П. 1589 г. 110 об., при́ведѫ 1600 г. 166, по́женѫ Час. 1565 г. 115 об., при́несѫ Охт. 1594 г. 276, по́несѫ Тр. П. 1589 г. 107 (срвн. еще: и҆вве́дѫ Тр. П. 1589 г. 64 об.); со́творю Тр. П. 1589 г. 101, по́треблю ib. 231 об., по́корю ib. 417 об., на́оучю Час. 1565 г. 25 об., во́звѣщѫ Служ. 1602 г. 333 об., по́ложѫ Псалт. 1568 г. 13 об.; ѡ҆́стою Ап. 1564 г. 175 об., когбсѧ оу҆́бою ib. 230[1] (срвн.: в Тр. П. 1589 г., а подобно ей и в других памятниках, формы других

[1] Все эти формы встречаются и с наконечной акцентовкой, вроде положѫ Тр. П. 1589 г. 150 об.

лиц всегда с насуффиксной акцентовкой: призове́ши 124 об., да́изведъ́ть 112, принесе́мъ 108 об., сотвора́ть 75, непокори́мсѧ 147, возвѣсти́тъ 111, оу́бѣжи́мъ 84 об. и т. д.). Подобные формы встречаются и в летописях: го́ловъ́ по́ложъ́ зановгоро̑ Новг. лет. 488 об. (срвн. еще 558 об.), о́т̑ложъ́ ib. 642; но в формах других лиц ударение находится на окончании: положи́мъ 400 об., возложа́тъ 398 об. и с более новою акцентовкою поло́жатъ 398 об. Гораздо реже наблюдается ударение на приставке от глаголов типов *ношꙋ́ — но́сишь* и *вяжꙋ́ — вя́жешь*: о́мочю Час. 1565 г. 102 об., Час. 1598 г. 116 (срвн. о́мо́чить Ев. 1606 г. II, 86 об.), при́ношъ́ Охт. 1594 г. 231 об., 389 об. (срвн. принбсите ib. 40); да по́кажъ́ Новг. лет. 192 (срвн. пока́жемъ ib. 344 об.), во́здѣ́жъ́ Час. 1565 г. 74 (срвн. воздѣ́же Тр. П. 1589 г. 179 об.).[1]

Вопрос, русские ли это формы или занесенные с юга славянства, должен быть решаем с большою осторожностью. Существование в южнославянских рукописях подобных форм мною найдено в «Книгѣ Константина философа и грамматика о письменехъ», изданной акад. И. В. Ягичем по сербской рукописи Карловицкой библиотеки XV столетия («Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», 383—487): ре́къ́ 397, 447, по́ю 422, жи́въ́ 447, ѩзрекоу 398, на́несъ́у 403, при́зовъ́ 465 bis; въ́звѣщъ́ 415, оу́лоучю 419, про́мавлю 407; ще́жъ́ 432, сѣ́жоу 410; но: рече́мь 398, пою́ть 439, живе́т'бо 458, вънесе́ть 396, принесе́ть 459, зове́ши 462; възвѣсти́ть 420, прилъ́чи́тсе 408, ѩзы́ви́мь 420; сѣ́ди́ши 471, сѣ́ди́ть 410. Однако и современным русским говорам не чужды подобные формы: я имею в виду энклизу формы первого лица ед. ч. при отрицании *не: не́ боюсь* Вологодск.

[1] Такие формы встречаются с первых древнерусских рукописей с проставленными ударениями; Нов. Зав. XIV в.: ре́коу 113 (но: рече́ши 103), те́коу 122; тво́рю 47, 99, тво́рю 43 (но: твори́ши 100); по́гоублю 108 об., не́погоублю 44 об.; све́ршю 43 об. (но: сверши́те изъяв. накл. 119), ра́здражю 104 об., ра́щиню 113 (иногда по аналогии к бесприставочной форме: разре́шю 41); ща́жю 111, не́поещажю 121, ле́жю 128 (но: лежи́мъ 133), сго́рю 113 об.

Тотемск., Мат. № 201; *хачу́ — вскочу, хачу́ — не́ вскочу* Ворон., Дикарев 243.[1] Но мало того, я могу указать, как в устах одного и того русского рассказчика (в данном случае малорусского) глаголы типа *лежа́ть — лежу́* имеют ударение в 1-м лице ед. числа на первом слоге, а в остальных на окончании. Я имею в виду малорусские записи, сделанные Володимиром Гнатюком в Пужнаках Бугацького повіту со слов некоего Тимка Гришиного, родившегося «в Слобі́тці Коши́лівські, повіті Залі́сє́цкім» (Етнографічний Збірник, т. VI, 1899 г.): я найбі́льши *бо́ю* се 83, бо се *бо́ю*, бим ни загуби́ла цно́ти 71, *бо́ю* се 210; но: можы ти

---

[1] Следует отметить, что у глагольных форм энклиза при отрицании *не* в русском языке возможна лишь в том случае, если разбираемая форма способна при сложении с приставками терять ударение в пользу последних; напр.: *не́ жил — по́жил; не́ были — про́были; не́ брал — на́брал; по́йдут — не́йдутъ, не́ зван — по́зван, не́ взято* (то же Улож. 122) — *за́нято*; *не́ хотя, по́ходя, за́годя*, бить кого чем *не по́падя* (последнее сопоставление, впрочем, несовсем точно) (срвн. в памятниках: не́взявъ Улож. 284 — за́навъ ib. 161, не́имал ib. 88 об. — по́имали ib. 168; не́йметъ Hort. Am. 121 об. — ӗйметъ ib. 50 об.; почто́ не́иде е̑пк̑вь бра́те Пат. Ск. 169). Мало того, и энклиза имен существительных и прилагательных при отрицании *не* возможна лишь у тех имен, которые способны к энклизе при предлогах; напр.: нешто мы *не́ люди;* пьем, едим, как люди, чем же мы *не́ люди?* (Даль, Словарь); что *за́ люди,* стыдно показаться *на́ люди;* один сын *не́ сын,* два сына *по́л сына,* три сына — сын (Курск. Сб. IV, 11); поп не венчает — *за́ сына* чает; *не́ втолк* (Даль, Слов.); что *бе́з толку* всегда журю (Грибоедов); *не́ впору* гость хуже татарина (Ж. Стар. 1903 г. I—II, 188); сват свату *на́ пору* друг (Даль, Посл. 844); *не́ время* (Тоб. Тюм., Мат. № 27, Кал. Мещ.-Чернышев), срвн. также чакавск. nе̑ vrīme Изв. XIV_2, 222, — одолжить книгу *на́ время;* вы что то *не́ веселы* стали (Грибоедов) — быть *на́ веселе;* и *не́ любо*, да смейся — сделаться *по́ любу*, т. е. полюбовно (Даль, Слов.) и т. п.; следует отметить, что приведенные в последнее время В. Мансиккою формы: *не́ брат* Изв. XVII_2, 127, *не́ видали* РФВ 1912 г., № 4, 279, первая представляет энклизу не при отрицании *не*, а при глаголе *нъ*, а вторая явилась, повидимому, путем недоразумения и смешения с им. сущ. *невидаль;* то же самое и в памятниках: не́ вра̑ сто̑ть Пал. XVI в. 188—ӗзрадѕ Ратн. 61 об., по́радѕ Новг. лет. 400 об., не́вчесть Ап. 1564 г. 101 об. — за́честь Новг. лет. 620, бе́зчести Тр. П. 1589 г. 282 об.; не́врема Алф. XVII в. 464 об. — на́врема Улож. 79, за́врема Кормч. 1650 г. 327 об.; въпѣти̑ не́благи Тр. П. 1589 г. 203 об. — во́бля̑го врема Требн. 1623 г. 479 и т. д. В виду сего допустимо заключение, что в говорах, знающих *не́ боюсь, не́ вскочу*, существуют или существовали формы вроде *у́боюсь, по́скочу;* срвн. Вологодск. Тотемск.: *за́лону* загадку, *за́брошу* на грядку (Жив. Стар. 1906 г., I, 65).

кра́сти приходив, що сѣ *боїш* сказати 105, *боя́т* сѣ 210; вони́ мине́ ду́жи сѣ *боѣ́* 75, *си́джу* 48; а мірóшник ка́жи: ей, говори́, ти ни доливáв, та *сидиш*, а́ли я биз верх брав, та *си́джу* 25, но: *сиди́ш* 3, *сиди́т* 49, 51, *сиде́* 42; может быть, сюда относится: я ни *сви́щу*, если оно от *свистеть*, а не от *свистáть*; в других формах ударение обычное: *боя́в* сѣ 48, сѣ *боя́в* 318, *боя́ла* сѣ 54 (один раз: сѣ *бóяли* 216, м. б., опечатка); *сидїло* 39, *сидїв* 7, 332, *сидїли* 8, *сидїти* 208; что касается *засúдїли* 174, то это обычный для малорусского наречия перенос ударения с окончания на предыдущий слог в словах, сложенных с приставками: *стéрпїти* 318, *вiдлéтїв* 155, *налéжит* 17; данные других глаголов этого типа не вызывают никаких сомнений: *бїжи́т* 69, 333, *боли́т* 326, *лижи́т* 38, 62, *лижи́в* 38, *мити́т* 66, *горїли* 62, *горїти* ib., *грими́т* 24, *кіпи́т* 6, *кричи́т* 17, 55, *кричи́в* 54, *кричи́ло* 344, *стоїт* 36, 203, *стоя́т* 116, *стоя́ли* 190, *стоя́ло* 325, *шипи́т* 109; к сожалению, форм 1-го л. ед. ч. от этих глаголов в записях не встретилось; *ви́сит* 51, *ви́сїв* 315 отражает древнюю акцентовку (сербск. вѝсити). С описанным явлением не следует смешивать образовавшихся по аналогии к другим лицам: *лю́блю* 77, *хóджу* 66, *скáжу* 118, *хóчу* 69; *хóдит* 163, *лю́бит* 78, *хóчиш* 69.

§ 18. В связи с предыдущим выясняется открытость *о* в приставках *по* и *про* в формах того же 1-го лица ед. ч. глаголов с исчезавшим в основе гласным: пóжроу Псалт. 70 об., пóжрꙋ ib. 215 об., прѡ́лїю ib. 194. Приставки *по* и *про* в этих формах в отличие от форм других лиц могли иметь только открытое *о*, тогда как в других лицах они могли иметь и напряженное *ó*, которое и наблюдается в памятниках (в Псалт. чаще, чем в Сборнике).

Сборн.: по̏идѣ̏ 76 об., по̏идѣ̏ 26 об., но обычно *ó:* пóидеши 137 об., пóидꙋть 121 об. bis, 124 об., 247, пóидꙋ̏ 125 об., пóиде 229; прѡ́идѣ̏ 19-2, прѡ́идемъ 162, прѡ́иде 280; по|жнетъ 13, пóжнѣ̏ ib., пóжнетъ 118; непóслешисѧ 33, пóслетъ 40 об., 302 об. bis, и̏пѡ́слетъ 138 об., пóшлютсѧ 122;

по́чтѹ́тсѧ 118 (срвн. всегда с *о:* ѡ́тбиде 228 об., во́зме|ши 155, во́зметъ 48 об., во́зметсѧ 122; сбвьютсѧ 113 об.); Псалт.: поидеши 39, по́йдоуть 113, 122 об., 213, не- 160 об., про́йдеть 140 об., про́йдоуть 141 об., про́йде 144 об., прбидоуть 142 об., прбйдоуть 84; пбжнѹ́т 181; по́слетъ 157, по́слет҃ти 24 об. (157), по́сле 201, реже в этих глаголах с *о́:* по́идоуть 115 об., не- 123 об., по́слеши 143, но всегда с *о́* у глаголов: по́жроуть 151 об., не|прѡ́строуть 180 об.[1] (срвн. правильно: во́зметсѧ 214, со́лжеть 213 об., -оуть 85).

Для говоров я могу лишь отметить Ряз. *по́йдет* (правильно ib. *во́зьмет*).

Открытость *о* в приставках *по* и *про* в 1-м л. ед. ч. объясняется: 1) способностью передачи ударения с приставок на отрицание *не* в подобных формах: не́оу́мрѹ Тр. П. 1589 г. 392 bis, чего не наблюдается в формах других лиц: неоу́снѹ́ть Тр. П. 1589 г. 184 об., непо́йдет Улож. 13, неза́прется ib. 14 об., не́побьют Ратн. 128 об., и 2) тем, что если приставка принимает двусложный вид, то в форме 1-го лица она может иметь ударение лишь на первом слогѣ: ѹ́тошью Погодинский список Геннадиевой библии нач. XVI в. № 84, 322 л.; а́зъ бѡ ѡ́тобїю е́ри|хбнѧны Пал. XVI в. 93 (но: побїю́ть ib. 70, оубїе́тсѧ ib. 132 об., срвн. в этом памятнике: по́чрьпѹ́ е́го 120, по́ма|нѹ́ 96 об., не́|трьплю 42, ро́жоу 111, и҃пя́щѹ́ 58, и҃ѡ҃пя́щоу 58 об.), а ҇в формах других лиц исключительно на втором слоге: ѡ́тбшьле҃ Погод. список Генн. библии XVI в. 321 об., 330, ѡтбидутъ Новг. лет. 581 об., неподо́й|мѹ́тъ ib. 565 об., подо́|жжетъ Улож. 152 об., подбшлетъ ib. 141 об. (= непбшлетъ), при чем приставка с полногласием *пере-* отражает как бы восходящее ударение: пере́жгѹ́тъ Новг. лет. 396 об., пере́бьютъ Ратн. 201 (срвн. сербск. шток. по҆́чнѣм, но: за҆́почнѣм, про҆́стрѣм,

1 Эти глаголы, в отличие от первых, часто имеют насуффиксную акцентовку: пожре́тъ 75 об., -ть 204 об., -мъ 44 об.; прѡстроу́ 78, -стре́ши 116 об., -стре́тъ 72, 204 об., -стре́ть 190.

но: рàзастрêм, ѝзбијêм, но: зàузбијêм, òтмêм, но: прèотмêм, зàмкнêм, но: зàмакнêм).

Это открытое *о* из формы 1-го лица ед. ч. проникало в формы других лиц, отсюда вышеотмеченная двойственность в произношении звука *о*.

Напряженность *о* в этих формах засвидетельствована славянскими языками: чешск. půjdu при pojdu, словинск. pǫ́jdem при pǫ̑jdem, pǫ́jdem; pǫ́šljem, pǫ́gnem, ǫ́gnem (обыкновенно же ударение падает на окончание: počnèm, požrèm).

§ 19. Открытое *о* в стѡ́а Сборн. 136 об. *стóя* Ряз. (Ф. Тоньшин в противоположность этой форме подчеркнул 3 л. мн. ч. от глагола *стôить: стôя*) доказывается энклизой подобных форм при отрицании *не:* совр. лит. *нé хотя,* нéхота Торж. XVI в. 486, Тр. П. 1589 г. 446, нéмолча Тр. П. 1589 г. 324, срвн. серб. чакавск. nȇhote Изв. XIV_2, 238. Кроме того, в Сборн. *о* из *ъ:* мóлъча 38 об. (39, 180 об.).

§ 20. Открытое *о* в начальном ударенном слоге причастий на *-л,* на *-ити* (Сборн.: влѡ́|жилъ 49 об., слѡ́|жили 250, гóвори̯ ѐсмъ 325 об., а также Ряз.: бóг *прóстил* говорится о благополучно разрешившейся роженице) подтверждается, с одной стороны, слов. rodîl, rodîlo, lovîli и чакавск. rȍdīl, rȍdīlo, zvȍnīl, zvȍnīlo Изв. XIV_2, 249, свóбоди̯ Хрон. 285 об., а главным образом способностью этих форм передавать ударéние приставкам и отрицанию *не* (ЖМНПр. 1904, авг., 464—469): слов. nalȍvilo, чакавск. ȍslobodīl, zàzvonīl Изв. XIV_2, 249; ѡ́бновѝ Новг. лет. 653, нéсогрѣшилъ Ап. 1564 г. 119 об., ѝ нéтворили бы Пал. XVI в. 165.

§ 21. В виду того, что со стоящих непосредственно перед корнем глагола приставок в причастиях на *-л* ударение передается вторым приставкам, стоящим перед первыми и отрицанию *не,* а двухслоговые приставки имеют ударение на первом слоге (прѝподнялсѧ Ратн. 47, нéпочали Улож. 3, нéѡ̃был ib. 29; *рóзорвало* Тверск. Каш. (Смирнов), Симб. (Мотовилов), *óторвав* Вологодск. Устьсыс. РФВ, 1887 г., XVIII, 236, *рóзогнал*

Пермск. Соликамск., Мат. № 281; нербзорвало Ратн. 45, -и 109,[1] срвн. шток. ѣбумро, рѣзапео, зѣпачео, ѣдузео, зѣдобио, пѣднанио, ѣбавио, рѣспродао, ѣдабрао, ѣдазвао), открытость *о* на таковых приставках не подлежит сомнению: пбжерли Псалт. 180, Тотемск.: рбѡег 33, 141, рбрѣуѫ, -ѣо, -ѣі 135; рбzvaѫ 136, кроме того, *о* из *г*: sбžraѫ, sбvraѫ, sбvraѣi 135, Ряз.: *пбмерли, дббыл, пбнял.*

§ 22. Причастия прош. вр. страд. зал. с окончанием на *-ан* в отношении ударения представляют в современном русском языке и его живыхъ памятниках довольно однообразную картину. При *не* насуффиксной акцентовке других форм, в которые входит суффиксальное *а*, ударение в этих причастиях падает на тот же слог, который ударяется и в других формах; напр.: *обрáдовать, обрáдовал, обрáдованный, вы́работать, вы́работаю, вы́работанный, опоя́сать, опоя́сал, опоя́санный.* Если же ударение в других формах падает на это суффиксальное *а*, то в причастиях в современном литературном языке ударение падает на предыдущий слог, а в памятниках и говорах часто удерживается на этом *а*,[2] напр.: *прочита́ть — проче́танный, вяза́ть — вя́занный* и т. д.; срвн. в говорах: *шишпа́ной хвартук, жева́ный, растрепа́ные волоса, завяза́ная, немота́ная бумага* Кал. Мещ., Мат. № 41[1]; в памятниках: Нов. Зав. XIV в.: написа́но 149 об. — напи́сано 157, наказа́нъ 74 об. — ска́зана 125 об.; раскбпанаѧ 69, ѡбразова́но 117, дарова́наѧ 109; Торж. XVI в.: завѣ|ща́наѧ 493, Подл.: начерта́ннаго 73 об., воспита́нъ 2 об., Алф. ѳкова́наѧ 335 об., Лет. ѡчарова́на 279 об. — прико́ванъ 82 об., Новг. лет.: прикова́нъ 531, обѣтова́|нную 431 об., ора́-

---

[1] Формы отбрвал, разбгнал и т. п. я считаю новейшими, обязанными исчезновению глухого в корне.

[2] Одно время я думал, что первая акцентовка присуща нечленным причастиям, а вторая — членным; но подтверждения своей мысли в наблюдаемых фактах не встретил. Наоборот, могу указать имя существительное, по своему происхождению нечленное причастие, в котором можно было бы ожидать сохранение акцентовки нечленной формы, однако оно имеет ударение на *а*: *смета́на*, так и в памятниках: с смета́ною Hort. Am. 206 об.

наѧ 633 и окóванъ 291 об., насóвано 491, поѵ́казан́нымъ 582; Улож.: полихова́нымъ ѳ́бы|скóмъ 56 (57) и ве́|рстанымъ 233 и т. д. Односложные через исчезновение коренного гласного причастия, сложенные с приставками, подчиняются вышеописанному закону (таким образом на двухсложной приставке ударение падает на второй слог) с сохранением, впрочем, под влиянием не сложенных с приставками причастий способности к наконечной акцентовке в нечленных формах, напр.: *посла́ть — по́сланый, собра́ть — со́бран, разобра́ть — разо́браны;* возможно сказать: *позванà, созданы̀;* в памятниках: Нов. Зав. XIV в.: посла́нии 65; Новг. лет.: отогна́нъ 336, про́гнани 564 об., погнанѳ̀ 489 об.; вѡ́да́нную 623 об., со́данà 225 об.; Торж. XVI в.: натка́но 254, на́стлано ib.; Лет.: ѳ́бодра́номъ 284, разо́сланы 371; Подл.: ра|зо́браны 183; Улож.: подо́сланъ 141 об., собранà 114; Ратн.: позна́нъ 10 об., по́пранъ 28 об., розорваны̀ 163 об. Исходя из такого наблюдения, мы могли бы придти к заключению, что звук о в таких формах, как *дарóван, по́слан* должен бы быть напряженным, ибо он не передает предыдущему своего ударения, и только подвижность ударения в односложных причастиях, сложенных с приставками, заставляет быть осторожнее в выводе. И действительно, при внимательном просмотре памятников оказывается: 1) что в них некоторые многосложные глаголы в причастиях могут иметь наконечную акцентовку, а иногда передавать ударение приставке; таких глаголов я заметил два: Нов. Зав. XIV в.: ѡснова|нѝ 126 (130 об.); Торж. XVI в.: ѡ́кованъ 226, -ы 227 об., 338 об., -ный 26 об., ѳ́кованыи 42; Новг. лет.: основанà 463 об.; Лет. ѳ́кованы̀ 173, ѡснована́ же бы́сть 33; Пат. Скитск.: ѡ́кованà ж. р. 382, -ѳ́ 341 об.; Косм.: ѳ́кова[н] 204 об.; Кн. Степ.: при́|кова̑ 343,[1] и 2) в односложных

[1] Эти же глаголы передают ударение приставке и в причастиях на *-л*: ѡснова̑ Сим. лет. 551 об., ѳ́кова[х] Новг. лет. 648 об.; кроме них, я знаю лишь один глагол на *-ати*, который передавал бы в причастии на *-л* ударение приставке: до́ралъ Косм. 45 об. (срвн. плжго[м] ѳ́ралъ Обих. Кирилловский XVI в., Соф. № 1516, 21 об.).

глаголах, сложенных с приставками, ударение может падать на первую часть приставки: ро́зорваны Ратн. 220 об. Сравнение с сербским языком подтверждает догадку о подвижности ударения у некоторых глаголов в причастии прош. врем. на *-ан:* шток. о̀кова̂н, ку̀пова̂н, на̀купова̂н, о̀глода̂н, про̀чита̂н, про̀кльува̂н, но: про̀да̂ва̂н, ка̀рйва̂н, прйве̂за̂н; о̀дазва̂н, о̀дабра̂н, о̀дагна̂н; чакавск. òtrovān, но: pozòbāno, raspòpāno, popísāno. Поэтому вполне понятны согласные показания памятников и говоров на открытое *о* в этих формах. Сборн.: по́званъ 74, по́сланъ ib. (290), -о 49 об., -ѣ 143 об.; кроме того *о́* из *ъ:* ѿто́сланъ 197, йскро́пана 166 об. (167), 172 об., -ы 220 об., нейскро́паны 173 (срвн.: сербск. крпати, чешск. krpec — лапоть); Тотемск.; skóvano, sóvano, osnóvano 138, oglódano 139; кроме того *о́* из *ъ:* otóbran 135; sóžrano ib.; Ряз.: *подко́ван, дарво́ван, осно́ван, облюбо́ван, избало́ваный, вко́паный, по́зван, по́слан* и здесь же упомянем: *про́дан* (срвн. не́роздано Улож. 223); кроме того *о* из *ъ: обсо́сан, расто́птан.* Что касается Ряз. *обло̀дан,* то оно имеет напряженное *о́* заимствованным из настоящего времени, где оно закономерно: *гло̀жеш* (срвн. чакавск. oglò̀dāno).

§ 23. Приставка *про* в причастии прош. врем. страд. залога *проклят* имеет открытое *о*. Сборн.: прокла̀тъ 49 (19), -о 178, -и 69 об.; Тотемск. prókl'at, -a 96. Сербский язык дальнейшим переносом ударения с первой приставки на вторую в причастиях подобного рода указывает, что на первой приставке было нисходящее ударение, обусловливающее открытость *о*; напр., шток. по̀днапи̂т, за̀почет, ра̀спродат, прѐодпе̂т, о̀дузе̂т, срвн. еще двусложные приставки, имеющие ударение на первом слоге: о̀бави̂т, ра̀запет.

§ 24. Звук *о* в предлогах с перенесенным на них с управляемых слов ударением всегда бывает открытым; объясняется это, конечно, тем, что он имел некогда нисходящее ударение, о котором свидетельствует довольно часто встречающаяся в памятниках энклиза сочетания «предлог + управляемое слово» при отрицании *не* (о том, что энклиза при отрицании *не* не отличается

ничем по своему характеру от энклизы при предлогах см. подстрочное примечание к § 17 на стр. 49): ꙗ҆ко ре́вность бо́жью и҆моу҃, но не́|поразоумоу Нов. За́в. XIV в. 104, не́о́бозѣ Псалт. 209, не́поморю Пал. XVI в. 53, недосыти Сборн. 71, не́вовремѧ Тр. П. 1589 г. 28 (срвн. еще ни́надрево Нов. Зав. XIV в. 151 об.); срвн. сербск. ни̏ за бога, ни̏ у море, а также ӣ у гла̑ву, ӣ у ногу (M. Rešetar, Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung I, 1900, 210); сербск. и҆̏спод леда, и҆̏спод мӯкла являются возможными лишь под тем условием, если допустить, что *под* имело бы нисходящее ударение, если бы стояло одно.

Приведем примеры на открытое *о* в разбираемом здесь положении.

Сборн.: до́|дни̑ 7, до́дне̑ 189 об., 230, до́вѣка 328, до́запада 308 об., до́запа̑ 276, 302, до́слѡва 148, до́морѧ 300 об., до́земли 18 об., 19 об., 45 об., до́сыти 44 об.; по́чинъ 40, 108, по́домыслъ 266, 271 об., по́бо|sѣ 192 об. (12, 101 об.), по́морю 111, по́времени 314, по́плѡти 195, 297 об., по́зависти 10 об., по́заповѣде[х] 16, по́нагъ тѣлъ 19-2 об., по́три 174, по́|не 241 об., 244 об.; по́дъдрево̑ 103, по́дъвластїю 216 (срвн. во́градѣ 12 об., во́страсѣ 320, во́дни̑ 314, во́вѣки 7 об., 18, 26, 75 об., 295, во́чревѣ 304 об., во́|времѧ 274, во́|стѡ 174 об. (175), во́бли̑го 326 об.; ко́гѡбъ 135, ко́го̑у 227 об.; со́дръго̑ 75, со́гнѣво̑ 308 об., со́страхомъ 12 об., со́где̑мъ 26; редко с сохранением на письме *ъ*: къ́гду̑ 143). Псалт.: до́вѣка 149, до́рода 65, до́вечера 142 об., до́западъ 65, до́нощи 17; по́чиноу 157 об., по́дни 131 об., по́ср҃цоу 24 об., по́земли 98 об., 209, по́соухъ 205 об.; по́днѡсѣ 9 об., по́днѡги 62 (срвн. во́градъ 150 об., во́дне[х] 26, во́вратѣхъ 11 об., во́времѧ 3 об.; ко́го̑у 5, 150 об.; со́гласомъ 215 об., со́страхомъ 4 об.; изредка с сохранением на письме *ъ*: въ́градѣ 38, въ́брани 29 об., въ́бли̑го 12). Тотемск.: pó-prostu 33, pód-goru 117. Н. Н. Виноградов ни разу не отметил в этом положении *уо* (см. напр.: *до́низу* 63, *до́ночи* 64, *на́ меру* 12, *по́ верьхю* 68, *по́ ушы* 78, *по́д лёд* 73,

по́д мостом 63). Ряз.: *до́ полу, до́ дому, по́ мосту, по́ просту, по́д носом, по́д гору.*

Такое же открытое *о* имеется в наречии *до́ндеже.*

Сборн.: до́ндеже 103, 115 об., 117 об., 142 об., 143; до́нде^{ж} 10 об., 38 об., 39, 127, 137 об. (до́нелѣ^{ж} 137, повидимому, описка); Псалт.: до́ндеже 74, 75 об., 94 об., 95 об., 98, 130 об. bis, 143 об., 183 об., 215. Однажды написанное в Псалт. до̏ндеже 205 не может подрывать общего наблюдения, и к тому же здесь было одно условие, располагающее к перемене интонации, а именно исчезновение в следующем слоге глухого.

§ 24а. В именах существительных с суффиксом *-о́к, -ока̀,* вместо ожидаемого *ô* (срвн. *живо̂т — живота̀* § 65), наблюдается открытое *о:* Тотемск. xodók, i̯odók, i̯ozdók, śödók 39, Ряз. *ходо́к, ездо́к, едо́к.*

Сербский язык указывает в этом суффиксе восходящее ударение: свѐдок — свѐдока; словинский же, указывая o, отличается от сербского и русского языков удержанием ударения на *о:* svẹ̀dȍk или с оттянутым ударением svẹ́doka, род. пад. svedọ́ka).

Открытое *о* здесь явилось по аналогии к именам существительным с древним суффиксом *-ъкъ-*. Сборн.: па|то́къ 70 об., вчетвертѡ́къ 163 об., легбкъ 71; Псалт.: пѣсо́къ 107; Тотемск.: głotók, moł̨otók, ṕosók, v̇onók, ćułók, połók 39, ćv̇ötók 22, kusóćik 147; Ряз.: *висо́к* (часть лица), *песо́к, кусо́к, домо́к, цвето́к, мосто́чек, листо́чек.* Очень редко можно встретить здесь *ô:* впа|тồкъ Сборн. 164, ƀeŕeżôk Тотемск. 39 (в последнем случае *ô* на месте *ъ*).

§ 25. Кроме того, открытое *о* имеется в следующих наречиях и частицах: 1) Сборн.: по́слѣ 116 об., 194, 196 об., 288, 292 об., и̇пѡ́слѣ 196; Тотемск. pósl'e 144 (есть и новообразование pôsl'e 33); Ряз. *по́сле;* срвн. слов. poslę̂). 2) Ряз.: *скро́сь;* срвн. слов. skǫ̂z. 3) Ряз.: *про́тив;* срвн. слов. naprǫ̂ti. 4) Сборн.: го́дѣ боу́детъ 10. 5) Сборн.: до́лѫ 17, 117; и̇дѡ́лѫ 72; до́лѣ 22 об., 31, 265 (сербск. до̏ље, слов. dóli и dólu). 6) Сборн.: дрѫго́ицы 190 об.

Наконец, отметим открытое *о* из *ъ*: 1) Сборн.: вóнъ нар. 127 об., 146, вн́нъ 18 об.; Псалт.: вóнъ 37, 54 об.; Ряз. *вон* (= наружу). 2) Сборн.: тóчїю 6; нетóкмѡ 4, 110 об.

ГЛАВА VI.

Напряженное *ô* в срединном открытом слоге.[1]

§ 26. Повидимому, в русском языке были односложные слова муж. рода с восходящим ударением на *о* во всех падежах типа сербск. skȍt — skȍta, слов. skòt — skǫ́ta: Ряз. бôй — бôя, пôд — пôда (срвн. производное от этого слова имя прилагательное: пôдлиннѡ[ж] Сборн. 127 об.), прôк — прôка, стрôй — стрôя. Срвн. шток. пȍд — пȍда (Вук) при пôд — пòда (Мажуранич), слов. strȍj — strója и глагол strójiti — strǫ́jim, а в русском глагол *стро́ить*, как бы предполагающий производящее имя существительное с восходящим ударением; срвн. для прôк глагол прôчить.

Для слов с полногласием под восходящим ударением имеются следующие примеры: Тотемск. mǫrôs, ot morôzu, gorôx, porôm 43, Грязов.: порôг-от, Костр. Шунг.: *горуóх, поруóг* 21, Ряз. *морóз* (срвн. сербск. грȁх — грȁха, мрȁз — мрȁза, прȁг — прȁга, прȁм — прȁма, слов. gràh — gráha, mràz — mráza, pràg — prága).

§ 27. Имена сущ. муж. рода, сложенные с приставками, при ударении на корне обыкновенно имеют *ô* (об именах сущ. муж. рода этого же типа, но с ударением на приставке, см. § 23). Сборн.: разбôа р. п. 119; всѡбôръ 34, насобô|ре 223; ра|здôръ[2] 179; взбôръ 75 об., зазбôры 214 об.; поклôновъ 73; поклн̃новъ 19-2 об. (с ѡ вм. *о*); покс̑и 257, покôи 28, 104, -а 29, 70, 125 об.; закôни 240; закôнъ 107 об., 138, в- 173, ѿзакôна 4 (26 об.), закôни 209 об.; взапôръ 227; вопрôсъ 277 об., въ- 318; нарôдъ 6 об., -ꙋ 10 об., -ы 6 об.; оу̑рôдъ

[1] Встречающиеся рядом формы, где *ô* в закрытом слоге, не могут быть считаемы за исходные.

[2] Как здесь, так и ниже, формы на *ъ* без обозначения равняются им. или вин. пад. ед. ч.

189; сро̑ки 29; пре|сто̑ли 311 об.; взатво̑ръ 226 об.; ѿвосто̑ка 113, ѿвосто̑къ 276; пото̑пъ 287 об., пото̑пъ 278; прихо̑да 261 об., вхо̑дъ 132, и҃схо̑|да 76, вои҃схо̑дѣ 76 об., воѿхо̑|дѣ 231 об., прихо̑дъ 230; замечено одно исключение: покрѡ́въ 22, безпокрѡ́ва 203. Псалт.: събо̑ры 17; око̑|вы тв. п. 202, въѡко̑вѣхъ 144 об.; впѡко̑и 84 об. 184 (161 об.), поко̑и 183 об., 184 об.; зако̑нъ 23 об., 167 об., 169 неск. раз, 170 об., 171 об., 172; -а 146 об., 166 об., 169, -оу 170, взако̑нѣ 165 об.; зако̑нъ 168 об., -нже 176 об., -а 169 об., 173, взако̑нѣ 3 об.; покро̑въ в. п. 178 об.; поно̑съ 167; о҃пло̑ть 112, -ы 124; беспѡро̑ка 16; прѡро̑ка 99 об., -цы 219 об., в҃прѡро̑цѣхъ 144 об.; на|престо̑лѣ 184 bis, престо̑ли 179, съпресто̑лъ р. п. 220; престо̑лъ 211 об., -ѣ 218 об., -и 179; въсто̑къ 221, ѿвъсто̑къ 150 об., 159, ѿвосто̑къ 65, навъсто̑ки 88 об.; пото̑къ 35, 180, -омъ тв. п. 45 об.; -и в. п. 181, -ы 100, впѡто̑цѣ 114 об., ѿпото̑ка 157 об., пото̑цы 20; впѡто̑пѣ 39; и҃схо̑дъ 23 об., -ы 83, вои҃схо̑дѣ 159 об.; кои҃схо̑|дъ 222 об.; прѡхо̑да 197 об.; замечено одно исключение: в҃пѡкрѡ́въ и҃мъ 146. Тотемск.: obôji мн. ч. 129, ṕeŕebôr, ṕeŕevôs, na ṕeŕevôźe, zavôt, na zavôd'e, zavôdy, ṕeŕevôt, rozgovôry (на стр. 73: rozgowór возможна опечатка: на стр. 36 сказано, что это слово отмечено только во мн. ч.), zgôn 36, vzdôr 149, potkôf, dva potkôva, naŀôk, napôj, narôt, narôdu, zastôj, vosxôt, zaxôt, ṕŕixôt, f ṕŕixôd'e, sxôt, sxôdy, na sxôdax (но: Их. sxód'e) 36; исключение (или, может быть, неточность записи) одно: osmót, -tra 108. Грязов.: *прибо̑р, завȏды, навȏз, огоро̑ды, зако̑н, подно̑с, наро̑д, припо̑ры, обихо̑д.* Костр. Шунг.: *огоруо́д*[1] 21, *спруо́с* 7, *обруо́к* 72. Ряз.: *разбо̑й, забо̑р, сбро̑д, завȏд, перево̑д, навȏз, оборо̑т, разговȏр, узо́ры, зако̑н, поко̑с, уло̑в, перено̑с, спро̑сом, сро̑к, пото̑к, дохо̑д, захо̑д* (срвн.: *помо́и, насо́с,* поцеловать в *засо́с*); исключения: *засо́в, Покро́в, астро́х.*

Кроме того, Тотемск. potyŀôk, -ŀôka, Ряз. *потолȏк, -лкà.*

---

[1] В оригинале написано ogoруо́д. *Е. К.*

Подобным словам в словинском языке соответствует не один тип по ударению слов, а несколько типов, сводящихся, впрочем, к двум основным; 1) zahòd или с перенесенным на предыдущий слог ударением záhod — zahǫ́da (ǫ) и 2) ponòs или с перенесенным на предыдущий слог ударением pónos — pónosa (o); изредка встречается приноровление или, может быть, самостоятельное перенесение к акцентовке именительного падежа других падежей: zákon — zákona (при zakǫ́na). К первому типу относятся следующие слова: zavòd, prévòd,[1] -vǫ́da; navòz, prévoz, -vǫ́za; zgòn, -gǫ́na; pokòj, -kǫ́ja; zákon, -kǫ́na; nálog, -lǫ́ga; óplòt, -plǫ́ta; národ, uròd, -rǫ́da; obròk, póròk, prórok, sròk, -rǫ́ka; ostròg, -strǫ́ga; zátvòr, -tvǫ́ra; pótòk, -tǫ́ka; potòp, -tǫ́pa; iz-, od-, dó-, vhòd, príhòd, záhòd, -hǫ́da; ко второму: obòj, razbòj, -bója; zbòr — zbóra; razdòr, -dóra; zazòr, vzòr, -zǫ́ra; poklòn, -klóna; okòv, podkòv, -kóva; pókròv, -króva; ulòv, -lóva; pónòs, podnòs, prenòs, -nósa; nápòj, -pója; zapòr, pripòr, -póra; zastòj, -stója; préstol, -stóla; zásov, -sóva. Обыкновенно при разных приставках слова с одним корнем относятся к одному и тому же типу; но бывают и исключения: при zgòn, progòn, -gǫ́na имеется izgòn, -góna, при nakòp, -kǫ́pa имеется pókòp, prekòp, — kópa; при zavòr, -vǫ́ra имеется návòr, prevòr, -vóra. Русская акцентовка вполне соответствует первому типу zahód, -hǫ́da; для второй акцентовки соответствий в русском литературном языке, повидимому, нет, но в говорах и древнерусских памятниках можно найти кое-что для сравнения (примеры приводятся и на слова, имеющие в корне другие гласные): название праздника: Покрова Пресвятые Богородицы в говорах звучит: *Покро́в — Покрова́*[2] (срвн. у Некрасова: «да не сладко Катеринушке мужа

[1] Так обозначаю возможность двоякой акцентовки (prévod и prevòd).

[2] Срвн. сохранение старой акцентовки в названиях других праздников: *Успенье́, Введенье́, Стритенье́* Новг. Белоз., Мат. № 162; *Успенье́, Веденье́* Арх. Онежск., Мат. № 260; *до Веденья́, к Веденью́* Костр. у., Мат. № 264, *Вознесенье́* (= Воздвиженье) Д. Зеленин, Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию 1903, стр. 59. Означенная акцентовка безусловно русская, срвн. *сватанье́* Моск. у. (Чернышев), *вставанье́* Арх. Холм., Мат. № 50, *в селеньях* Д. Зе-

ждать до Покрова»);[1] *от пожара́* М. А. Караулов. Материалы для этнографии Терской области. 1902, 35; в Торж. XVI в. читаем (если только это слово не женского рода): возлива́хъ на него̀ помьа̀ 434, помьа́ми о̀бли|ва́хъть а̏ 435 об. (= совр. помби); не привожу из других памятников обыкновенно единичных примеров, как возможных описок (вроде: до и̏схода̀ дн҃а Кн. Степ. 151), но не могу не упомянуть, что в Нов. Зав. XIV в. на 121 об. слово законъ имеет дважды наконечную акцентовку: ѿ҃зако|на́же, нея҃ѿзакона̀ (срвн. ibidem, о̀зако́нѣ, анея҃ѿзако́на). Итак, русский язык, имевший в древности и ныне имеющий в говорах тип акцентовки подобный второму обычному типу в словинском языке (такая акцентовка известна также чакавским говорам: potȍk, potȍka и potoka̋ Изв. XIV$_2$, 213, pokrȍv, pokrova̋ ib. 216), в настоящее время потерял его, уподобив первому типу. Что касается ударения в типе zahòd — zahôda, захо́д — захо́да, то оно было, без всякого сомнения, восходящее: 1) на это указывают русские полногласные формы: поворо́т, -а, огоро́д, -а̀; 2) краткое *о* в им. пад. ед. ч. в словинском языке не может быть рассматриваемо отдельно от сохранившихся в этом положении некогда долгих гласных: zapàd, -páda, odsvẹ̀t, -svẹ́ta, poljùb, -ljúba, razsìp, -sípa, odpìs, -písa, obrèd, -rẹ́da, omòt, -mǫ́ta, pogòlt, -gólta, posŕk, -sŕka (срвн. еще с *е*, судьба которого в словинском языке во многом подобна судьбе *о:* utèk — utẹ́ka), а такое отношение им. пад. к кратким гласным при долгом гласном в других падежах наблюдается как раз в словах, имевших по общепринятому взгляду восходящее ударение: brȁt — brâta, dẹ̑d — dẹ́da, jȕg — júga, dȉm — díma, klȉn — klína, mrȁz — mráza, 3) в сербском же языке, в котором только

ленин, op. cit. 142, *деленьѣ* — детская игра в мяч ib. 47; срвн. в Сборн.: варенїѣ 164, варенїа̀ 204 об. (ibidem: чтенїѣ 31, 32 об., -їа̀ р. п. 228 об., мн. ч. 109, -їю 35, 180 об., начтенїй 4, во- 32 об., реже: чтéнїю 31 об.; проклатїѣ 179, распатїѣ).

[1] Не случайно, вероятно, это слово и в памятниках и в говорах имеет открытое *о*: перенос ударения совершился в ту эпоху, когда закончился процесс образования напряженного *ô*.

что приведенные слова проводят краткость по всем падежам: брàт — брàта, дѐд — дѐда, дӣм — дӣма, клӣн — клӣна, мрàз — мрàза, и сложные слова имеют краткий гласный тоже во всех падежах: штокавск. зáказ, нáмен, прúступ, зáзив, зáврат, прijèлаз, сáвет, пòпис или: ìзлаз, ỳплив, зàвез, пòруб, дòтик, пòдпис; чакавск. susêd — susêda, obêd — obêda.

В этом случае сохраняет краткость и звук *o:* штокавск. òдрод, дòнос, рáзлог, úроч и т. п., чакавск. potôk — potôka, otrôk — otrôka, но в штокавск. перед *j,* а в чакавском перед *n* (а, может быть, и другими) *o* в именительном падеже получало восходящую долготу: шток. рáзбôj — рáзбоja, пòлôj — пòлоja, зàвôj — зàвоja, зáпôj — зáпоja, чакавск. prōgón — prōgônа, zākón — zakônа Изв. XIV$_2$, 213; срвн. восходящее долгое ударение в словах hrén — hrênа, kl̥ín — kl̥înа ib. 208, где указаны и другие согласные, перед которыми встречается долгота в соответствии с краткостью в штокавском наречии: *j, r, l, m, n, v* (последнее я поставил бы под сомнение, за отсутствием подтверждающих примеров, срвн. обратно несколько приведенное выше lâv — lâva).

II. Двусложные слова муж. рода с выдержанным ударением на втором слоге подобно словам, сложным с приставками: закôн — закôна, имеют напряженное *ô* во всех падежах. Псалт.; глагôлъ 23, глагôли 23 об., глагô|ли 193 об., глагôлы; конôбъ 78, 153 об.; ѿчертôга 23 об.

§ 28. Точно так же и в сложных с приставками словах женск. рода на *-ъ* при ударении не на приставке корень имеет напряженное *ô:* оу̑дô̑ль Псалт. 153 об., во̑дôли ib. 115 об. (впрочем, один раз: оу̑дóль ib. 78).

§ 29. I. Имена сущ. женск. рода (двусложные и трехсложные через полногласие) с выдержанною накоренною акцентовкою имеют *ô (-орô-).*

Сборн.: вôла им. ед. 12, -ю 11 об., 103, -ею 27 об., 75, вôла им. ед. 69 об., -и р. п. 100 об., -ю 4, 13 об., -ею 192 об., -амъ 220, 235 об., бе^{з}вô|ла 217 об., повôли 13; кôжею 293,

вкѡ̂жи 193, кѡ̂жахъ 166 об. (но правильно: вѣ́брѡ́неи мѣ́стѡ 111 об., во́лна 116, 311, -ы мн. ч. 207, мо́лъва 152 об., -ы мн. ч. 148 об., намѡ́|лъвѣ 41 об.);[1] Псалт.: вѡ̂лю 195 об., 199, -ею 35 об., 70 об., 114, -ахъ 157 об., ввѡ̂ли 35 об., вѡ̂лѧ им. ед. 3 об., -ю 53; кѡ̂жу 141 (но правильно: то́лща 193 об.; во́лны мн. ч. 152, во́лнъ 83, 122); Тотемск.: lôvĭa 36, rôža, rôžy мн. ч., rôšča 37, vôĭa, sôsna, sôsny мн. ч., sôsen 38, vorôna, korôva, korôf, dorôga, dorôk, род. dorôǵi 43 (но правильно: króša 38); Грязов.: *вѡ̂ле, кѡ̂жа, дорѡ̂га, корѡ̂ва;* Костр. Шунг.: *вуо́ли* 43, *наруо́же* 71, *воруо́на* 44, *коруо́ва* 7; Ряз.: *вѡ̂ля, дѡ̂ля, кѡ̂жа, лѡ̂вля, рѡ̂жа, рѡ̂ща; шкѡ̂ла, на дорѡ̂ге, корѡ̂ва, корѡ̂в* (срвн. прилаг. *рѡ́зовый*, допускающее сущ. *рѡ́за);* правильно: *со́ня* (= сонливый), *по́рча, ко́рчи, со́тня;* исключением являются: *кро́вля, мо́да, ро́вня.*

Древнее восходящее ударение корня этих слов ясно из отсутствия энклизы их в русском языке при предлогах («и *дѡ воли* наплачешься» Кольцов — может быть следует сравнивать не с *воля*,[2] а с нареч. *доволе,* акцентовка коего, впрочем, из древнерусских памятников мне неизвестна), а для полногласных из сербск. краткого *a:* вра̀на, кра̀ва, дра̀га; в слов. языке подобные слова имеют *ǫ:* 1) kǫ́ža, vǫ́lja и 2) rǫ̂ža, škǫ̂la, bǫ̂jna, prǫ̂sba; многочисленные примеры на акцентовку первого и второго родов см. у Валявца (Rad 132; 134, 149 и 150). В русском языке характерным исключением является слово *рѡ́зга,* имеющее открытое *о* и в памятниках, и в говорах (ро́зги мн. ч. Псалт. 112, rózǵi, rózok Тотемск. 42; *рѡ́зга, рѡ́зги* род. пад. ед. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. Ряз.); и сербск. рѡ̀зга и слов. rǫ̂zga указывают на закрытое *ѡ̂*. Чем объяснить это уклонение, трудно

[1] Что касается наста́гна[ѫ] 300, 300 об., то оба раза *о* переделано из другой буквы (*е*?) и знак ударения проставлен другими чернилами.

[2] Срвн. из'во́ли Улож. 291, Ѡво́ли Сборн. 1647 г. 556, пово́ли Ап. 1564 г. 150, наво́лю Улож. 46, Ратн. 129, наво́ли Лет. XVII в. 230; впрочем в Нов. Зав. XIV в. им. пад. ед. ч. всегда имеет наконечную акцентовку: волѧ̀ бѣ|ѧ 133, волѧ̀ ѣ̂нѧ 74, 126, неволѧ̀ моѧ̀ 39 и в других местах; кроме того волѧ́ моеѧ 43, но: пово́ли 85, 90, 141.

сказать; отметим лишь, что в памятниках при рóзга Нов. Зав. XIV в. 49, рóзгу ib. 49, имеется розгà Ев. 1606 г. II, 196, рóзгу ib. II, 195, так что, может быть, выдержанная накоренная акцентовка в этом слове развилась на русской почве из подвижной независимо от сербск. и слов. языков. Чешский язык целым рядом слов, кроме vůlě и kůže : vůně (слов. vǫnja), chůze (слов. hǫja), tůně (слов. tǫnja), růže (слов. rǫža), nůše (слов. nǫša, русск. *нóша*), důle (русск. *дóля*), bůta (слов. bǫta), průba (русск. *прóба*) заставляет думать, что и в нем *ů* в этой категории слов развивалось под восходящим ударением; что касается случаев sůva, smůla, kůra, hrůza, hůra (shůry, vzhůru),[1] то они, вероятно, имеют другую акцентовку, нежели эти слова в других славянских языках: срвн. колебание слов. skǫba, сербск. скòба, а в русск. скобá, слов. hǫja, vǫnja, nǫša, сербск. хòђа, вòња, нòша; это явление замечается в пределах одного и того же языка: при обычной в великорусских говорах акцентовке спúна (Вологодск. Кадн., Мат. № 26, Вятск. Котельн., Мат. № 46, Псковск. Остр., Мат. № 33, Курск. Льговск., Мат. № 76, Донск., Мат. № 42[2], Тульск. Новос., Будде; тоже и в памятниках: спúна Hort. Am. 39, поспúне Косм. 134, наспúнѣ Алф. 403) в литер. языке *спинà* — *спúну* («и *нá спину* к себе бросает» Сумароков), «вперед не *нá спину*, а *нá бок* спать ложися» Измайлов; срвн. *пóд спину* Тверск. Каш. Смирнов; *гóра* Петерб. Ямбургск. при обычном *горà* — *гóру*.

Здесь же упомянем неплòды Псалт. 211, неплòдове в. п. ib. 159 об.; подобные слова имеют в слов. обыкновенно *ǫ*: smǫkva, kǫtva, lǫkva, plǫskva, zmǫkve мн. ч.; шток. брȋтва, бȗква, жȅтва ясно указывают на восходящее ударение в словах этого типа.

§ 30. I. Трехсложные имена существительные женск. рода на *-a*, сложенные с приставками при ударении на коренном *o* чаще имеют это *o* напряженным, нежели открытым: спòна

[1] Отметим еще чешск. krůpě, strůje, důje, chůda, chůva, půda, půle, для которых нам не удалось подобрать параллели из сербск., слов. и русск. языков.

Сборн. 105 об., охôта Тотемск. 147; *охôта* Грязов.; *на охуóту* Костр. Шунг. 75; в Ряз.: *охôта, опôра, занóза, подвóда, порóда, оснóва, ссóра,* но: *подкóва.*[1] Срвн. сербск. òпона, òснова, пòткова и т. п., указывающие на древнее восходящее ударение на *о*. В словинском языке в словах этого типа обычно *o* (нисходящее ударение развилось на слов. почве из старого восходящего): pomǫ̑ra, ponǫ̑va, pregǫ̑na, prirǫ̑da, ugǫ̑da, potvǫ̑ra, utǫ̑ka, zamǫ̑ga, zbrǫ̑da, podǫ̑ba, odkǫ̑pa, opǫ̑na, osnǫ̑va, osǫ̑ba, но: podkǫ̑va, okǫ̑va (в согласии с Ряз.), dolǫ̑ga, razpǫ̑ra, opǫ̑ra, zaslǫ̑na, zagǫ̑zda; a pohóta по образцу имен сущ. с суффиксом -óta.

II. Здесь же отметим: кѝкѡтõрамъ Сборн. 41 об., кѡтõра ib. 202; torgôvĺa Тотемск. 38, тоже Ряз. (срвн. слов. rogǫ̑ža = русск. рогóжа).

§ 31. Слово злóба и в памятниках,[2] и в говорах имеет *ô* (Сборн.: злобою 282, злõбы 119, -ѣ 184 об., -ꙋ 8; Псалт.: òзлõбѣже 45 об., незлõбою 31 об., злõба 8 об., -ою 32, понезлõбе 8 об.; Ряз. *злóба,* а также в производном имени прилагательном: незлõбивыи Сборн. 157, -оє 102 об.; незлõбивïѝ Псалт. 31 об.); это ô проникает по аналогии и в род. пад. мн. ч. ѿзлсбъ Псалт. 152 об. (срвн. слов. kǫ̑ž, явившееся также по аналогии, ибо здесь нисходящее ударение; а также Тотемск. korôv вместо ожидаемого **кóров*, слов. krâv, чешск. krav при kráva). В слов. яз. zlóba, сербск. злòба (злõба Мажуранич) указывает наконечную акцентовку, как и большинство других слов с суффиксом *-óва,* также и малорусское *злобà.*[3] Это один из ярких случаев несовпадения акцентовок в разных славянских языках. Другое трехсложное слово с суффиксом *-ова* также имеет *ô:* оу̀трõбꙋ Сборн. 38, -ы р. п. ib. 39, мн. ч. 142 об.; оу̀трõба Псалт. 17, -ы р. п. ib. 191, мн. ч. 31 об., воꙋ̀трõбоу ib. 155 об., оу̀трõбы

[1] Здесь же отметим *подóшва* Ряз., где *о* из ъ.

[2] Отметим несколько примеров накоренной акцентовки из других памятников: безъзлóбы Кормч. 1650 г. 118 об., ѿзлóбы Лет. 96 об., озлóбѣ Новг. Лет. 449.

[3] Срвн. в Анф. Киев. 1619 г.: злобà 707, злобѝ 743, злобы мн. ч. 616 при злóбы р. п. 776, ѡзлóбѣ 257.

р. п. ib. 8 об.; слов. и сербск. яз. указывают накоренную акцентовку: útroba, ўтроба; в первом языке возможна и наконечная акцентовка otróba.

§ 32. Имена существительные женск. рода с суффиксом *-ota* при ударении на суффиксальном *o* принадлежат к негибким словам, а потому допускают предположение о старом восходящем ударении на этом *o*, которое в силу последнего обстоятельства является напряженным; эта напряженность наблюдается во всех падежах, а также и в род. пад. мн. ч. (срвн. сказанное выше относительно род. пад. мн. ч. от злôба). Сборн.: добрôтами 6, ѿрабôты 289 об., ѡрабôтѣ 199 об., тагôтъ 71 об. (может быть, от тагота̀), нечистôтъ 207; Псалт.: добрѐтѣ д. п. 35 об., 60, -оу 62 (109), -ою 59; ѿрабôты 222; щедрѐты мн. ч. 170 об., 176, 198, в- 150, ѿщедрѐтъ 53 об.; Тотемск.: ľgôta, robôta 38, porobôťé 69 (Их. robóta 38), zabôta Их. 38 (при zobóta 143); Костр. Шунг.: *лњуóта* 22; Ряз.: *лыгôта, в работе*. В сербск. и слов. языках слова этого типа чаще указывают наконечную акцентовку: чистòта, добрòта, тегòта, но: рàбота в согласии с русским; слов.: tegóta, lągóta, но: dobrǫ̑ta, rabǫ̑ta имеют перенесенное с первого слога ударение.

§ 33. I. Суффикс -ilo имел восходящую долготу: сербск. пи̏ло, слов. bẹ̑ilǫ, cẹ̑dilǫ и т. п.; в русском языке, в противоположность суффиксу -iv- (см. § 10), он притягивает на себя ударение (Псалт.: скади́ломь 84 об., въсвати́ло 98, соуши́ло 137 об.), но в тех случаях, где корень имел восходящую долготу, ударение могло задерживаться на корне *пра́вило,* но: народн. *прави́ло* (инструмент); теперь говорят: *мери́ло,* а в Псалт. вмѣрилѣхъ 80; ударение в *пра́вило, ме́рило* было восходящее, а отсюда я заключаю, что при задержанном ударении в рôiľo, stôiľo Тотемск. ударение могло лишь быть восходящее, иначе бы оно было перетянуто на *i*.

II. Равным образом и суффикс -išče имел восходящую долготу и перетягивал на себя ударение. В Сборнике: сѣкро|ви́ще 9, сокрѡви́ща 114 об., 263 об., рꙋби́|ще 166 (166 об.), нагнойщы

106, жили́ще 16 об., 108, реже: жи́|лища 40 об.; в Псалт.: въсъкрови́щехъ 209 об., въжили́щехъ 71 об. (78) и жи́лище 142, 206 (56 об.). При задержанном на корне ударении оно могло быть лишь восходящим, а отсюда вполне понятна обычная напряженность звука *о* в этих словах.

Сборн.: ѿко̑|злищъ 119 об. и 120; ко̑злища в. п. 120 bis, по̑|прищь 189 об.; прїи́схо̑дищи[к] 323 об. (срвн.: нато́ржищихъ 142, и́зсо́нмища 154 об., со́нмища мн. ч. 179). Псалт. ѿгно̑бища 211 об.; и́схо̑дища 152 об., 175, вои́схо̑дищехъ 197 об., прїисхо̑дищихъ 3 об., вои́схо̑дищ(а) 152 об. Ряз.: *сбо́рище, про̑звище*.

Словинский язык обычно указывает в этом случае насуффиксное ударение izhodíšče, gnoíšče, popríšče, sa̋njmíšče, pozoríšče и т. п и не может быть полезен при сравнении для установления напряженного о̑; в других же двух словах при накоренной акцентовке имеется не o̩: pro̩sišče при prosíšče и oko̩lišče; последнее под влияніем oko̩li.

III. Суффиксы -ica и -ina при ударении на i имели также восходящее ударение: чак. lisi̋ca, шток. ли́сица, слов. lisíca — чак. druži̋na, шток. дру́жина, слов. družína. Для того, чтобы ударение падало в словах этих категорий не на суффикс (-íca, -ína), а на один из предыдущих слогов, необходимо, чтобы ударение имело восходящий характер: ма́ковица, ра́ковина (серьск. ma̋k, ra̋k); в русском языке это хорошо видно на словах с полногласием: *чересполо́сица, сморо́дина,* белор. *серэ́дзина,* невозможно (или крайне редко по какой-нибудь особой ассоциации), чтобы перед этими суффиксами было *-о́ро-, -о́ло-, -е́ре-*. В виду сего вполне понятно, что ударенное *о* перед названными суффиксами обыкновенно является напряженным, оно было некогда под восходящим ударением.

Сборн.: коло̑дицею 18 об.; мно̑жицею 117 об., 133 об., 216 об., 315; исключение дво́и́|чны[к] 284 об.; Псалт.: мн|о̑жицею 150, 182; тро̑ице 221, втро̑ица 223, тро̑ице 1 об. (правильно го́рлица 115 об.); Ряз.: *Тро̑ицын день, перено̑сица;*

Тотемск.: xrakôťina 42 (или Их. хаг-), smorôďina 146, xorô-ťina 44; Грязов.: *рóдина, смороди́на;* Костр. Шунг.: *всю вуóччину* 76, *стервуóтину* 22; Ряз.: *смороди́на.*

Слов. яз. при dvojíca, trojíca дает trǫ̑jica, явившееся под влиянием trǫ̑j; срвн. okǫ̑lica под влиянием okǫ̑li; русское окóлица при óколо расположением ударения в слогах *око-* напоминает таковое расположение в полногласии и предполагает в отличие от слов. языка напряженное *о* (среди собранных мною примеров на *ó* этого слова нет); правильно: mnǫ̑žica. Для суффикса -ina слов. язык дает хорошее указание на напряженное *о* словами gǫ̑dina (срвн. шток. нà годину Maretić, Gram. 176), ǫ̑bčina; слов. rodína имеет другую акцентовку сравнительно с русскою; колебание акцентовки в одном слове обычно и в русском в пределах даже одного языка: русск. *óбщина* и *вобщинà* Вологодск. Кадн., Ж. Ст. 1895 г., III—IV, 387, Олон. (Куликовский), *рóдина* и *родинá* Псковск. Холмск., Мат. № 54, Костр. Мак., Мат. № 56 и др.; слов. sǫ̑lina под влиянием sǫ̑l.

IV. Суффикс *-ýшка* также под ударением имеет такое в виде восходящего: сербск. пѐрушка, а потому вполне понятны: Костр. Шунг. *со сторубнушки* 71, Ряз. *молǒ́душка, солǒ́вушка* (срвн. ibidem при подобном суффиксе *сóлнышко, гóрлышко, дóнышко,* где *о* из *ъ*).

§ 34. В именах сущ. ср. р. на *-ie* с ударенным *о* в предыдущем суффиксу слоге это *о* обычно бывает напряжённым.

Сборн.; оўдо̑лїа 300 об.; поподо̑бїю 16, подо̑бїе 6 об.; ѻнезло̑бїи[ж] 15, незло̑бїе 6 об.; безако̑нїе 72; ѡво̑щїе, но: гво́здїе 176 об. (срвн. правильно: кбезмо́лвїю 6 и в др. падежах 6 об., 47 об., 102 об., 263; со́нїе 24 об.); Псалт.: вбезго̑дїѝ 175 об.; оўдо̑лїа 83 об.; подо̑бїе 197 об.; впѡ|до̑бїе 148 об.; незло̑бїе 48 об., внезло̑бїѝ 110; бе[з]ако̑нїе 153 (155, 165 об., 193 об.), вбе|ззако̑нїѝ 180 об., беззако̑нїа мн. ч. 182 об., -їи р. п. 151 об., вбе[з]ако̑нїихъ 150, безѕако̑нїе 174 об., 175 об., -їа р. п. 192, мн. ч. 183, -їи 151 об. и в других местах; подо̑жїе 157, -їю 135; но: дро́ждїе 101 об. (срвн. со́нїе 98); Ряз. вполне под-

тверждают показание памятников: привôлье, раздôлье, подôбие, повôдья, подпôлье.

Сербск. безáконье, пòднóжје, рàздôлье, зàгôрје указывают на древнее восходящее ударение на звуке *о;* в односложных словах в роде гвóжђе, грóжђе, лóзје, можно догадываться, было то же ударение, срвн. шток. пêрје при чак. pérjĭ (Изв. XIV$_2$, 222). В словинском языке в этой категории слов обычно *о;* но как и в других категориях производных слов, и эта категория часто имеет *ǫ* под влиянием первообразных слов. nǫ̑žje, gǫ̑rje[1] (Valjavec 132, 152), bǫ̑rje (Val., но у Плетершника bǫ̑rje под влиянием bǫ̑r) так же, как в plǫ̑tje, prǫ̑sje звук *ǫ* под влиянием plǫ̑t, na prǫ̑so; срвн. др.-русск. *гвóздіе, дрóждіе* под влиянием *гвоздь* и *дрóжди*); breznǫ̑žje, brezvǫ̑dje, oplǫ̑tje, ovǫ̑čje, pogǫ̑stje, razdǫ̑bje, obnǫ̑žje, okǫ̑stje, medgǫ̑rje, mednǫ̑žje, medǫ̑čje, medvǫ̑dje, prigǫ̑rje, razvǫ̑dje, zamǫ̑rje, zaplǫ̑tje и т. п. Последние десять слов отмечены с *ǫ* у Валявца, а у Плетершника имеют *ǫ* по ассоциации с первообразными словами: na nǫ̑gu, kǫ̑st, na gǫ̑ru, na ǫ̑kǫ, na vǫ̑du, za mǫ̑re, plǫ̑t, по той же ассоциации имеют *ǫ:* predmǫ̑stje, podǫ̑lje, podpǫ̑lje, brezpomǫ̑čje (срвн. mǫ̑st, dǫ̑l, pǫ̑le, pomǫ̑č). Вероятно, такого же происхождения Тотемск. povódja 33; что же касается volóśja ib. 44, то не следует ли допустить перенос ударения с конечного слога (волосьё); в nokótja 34 — *о* из *ъ*.

§ 35. Имя прилагательное *мнóгий* имеет и в членной и в нечленной формах накоренную акцентовку и проводит *ô* и в той и в другой формах. Сборн.: мнѡ̑гаѧ ср. р. 25 об., мнôгїа р. п. 5 об., мнôгѹ̑ю 193, -ои 184 об., сомнôгимъ 4, на҃мнôгими 243 об., помнôги[x] 226, вомнôзѣи 25, кроме того; немнôго нар. 20, мнôги 82, на- 83 об., мнôзѣмъ тв. п. 82, 141, 195 об., ѿмнôзѣхъ 72; Псалт.: мнѡ̑гаѧ ж. р. 211, -имъ д. п. 157 об., попремнѡ̑гомѹ̑ 202, мнôгаа 1 об.; кроме того: мі́ръ мнѡ̑гъ 176 об. (30 об.), мнѡ̑го 24, 178 об., 183, -и 176, -ахъ 152, помнѡ̑гѹ̑ 179 об., мнѡ̑зи 4 об., 176, не- 144 об., мнѡ̑зѣ м. п. 44,

[1] Не привожу здесь так и ниже слов, у которых первообразные имеют не *ǫ*, а другой звук, в роде plǫ̑dje, grǫ̑bje, izgǫ̑nje, obstǫ̑žje, preddvǫ̑zje, ugǫ̑dje и т. п.

мно̑го 37 об., -ѹ̑ в. п. 176 об., -и 186 об., посредѣ мно̑гъ 156 об., мно̑зи 4 об.; Тотемск. vnô̑go 120, 148; Грязов. *мно̑го;* Костр. Шунг. *вну́го* 7 и еще в 15 местах; Ряз. *мно̑го*. Энклиза этого слова ни в великорусских говорах,[1] ни в памятниках неизвестна: намно́гы дн҃і Нов. Зав. XIV в. 70, намно́зѣ ib. 73; вомно́зе Ап. 1564 г. 101 об., непомно́зе ib. 50; незамно́го Новг. Лет. 622 об.; помнѡ́ги дни̑ Кн. Степ. 552, несомно́га Ратн. 210, вомно́ги дни̑ Сборн. 1647 г. 313, намно́ги часы̑ Пат. Скитск. 333 об. и т. д. Слов. язык подтверждает напряженность *o:* mnǫ̑g — mnǫ́ga и mnǫ̑gi (сербск. яз. указывает на выдержанную накоренную акцентовку: мно̑го и мно̑ги̑). Повидимому, однородным с именем прилагательным мно́гий является имя прилагат. про̑чий. Сборн.: про̑чаѧ 9 об., -ихъ 28 об. (236 об.), ѿпро̑чи[х] 239, ѡпро̑чихъ[ѫ] 247, про̑чее 5, 103 об., -аа 13, -аѧ 11 об., 14, -ии̑ 189 об., впро̑чаѧ 234; сербск. про̑чи̑, слов. prȍč наречие подтверждает Тотемск. prô̑ć 38, Ряз. *про̑чь* (из древнего *проче*).

II. Несколько имен прилагат. имеют *ô* в членной форме и в нечленной форме им.-вин. падежа ед. ч. м. рода (в других падежах нечленной формы они имеют наконечную акцентовку, за очень редкими исключениями, о них ниже). Сюда относятся: *го̑лый, до̑брый, мо̑крый, во̑стрый, хоро̑ший* и, может быть, *по̑лый;* в памятниках *хро̑мый;* Сборн.: до̑бро 11 об. (248 об.), -ѹ̑ю 18 об., -аѧ ср. р. 21 об., 27 об., -ы[х] 105; до̑бро 12, 47, -ое 182, -ѡмѹ̑ 32, -ымси по̑двигомъ 29 об., -їи̑ 117, ѿдо̑|бры[х] 27, вдо̑бро[ѫ] 240 об., -ы[х] 100 об.; кроме того: до̑бръ им. п. ед. ч. 37; хро̑мое 8 об., кроме того: хро̑мъ им. п. ед. ч. 235 об.; Псалт.: до̑брыхъ р. п. 2, до̑|брыми ib.; Тотемск.: gô̯u — gô̯ǒi̯ 127; dôr — dôbroi̯ 33, dôbroi̯ŏ 41 (на стр. 73 и 144: dôbrova, может быть, неточность записи), vôstroi̯ 38, xorô̑šova 43; Костр. Шунг.:

[1] В белорусском наречии энклиза этого слова возможна: *са́много* нар. = многовато, *на́много* нар. = на́долго, по́много (Носович, Белор. Слов.), но надо иметь в виду, что в белорусском наречии энклиза несколько отличается от великорусской, срвн. *на́ пахах* держи его усё (Носович, Белор. Слов.) при *па́ха* = рука; *за́ грыву* Могил. Гор. (Романов, VI, 49).

гуóлой 21, *хоруóшова* 22, *-ую* 65, *-ых* 78, *на хоруóшай* 65; Ряз.: *гôлый, дóбрый, мôкрый, пôлый.* Слов.: dǫ̑bar — dóbra, mǫ̑kar — mókra, ǫ́star — óstra при dǫ̑bri, mǫ̑kri, ǫ̑stri вполне совпадают с русск.; в gòł — góla, hròm — hróma произошло в им. пад. м. рода сокращение такого же рода, как в dvòr (чак. gól указывает на восходящее ударение).

Исключением является открытое *о* в наречии дóбрѣ Сборн. 26, 44, 104, 144, 183 (21 об.), Псалт. 40.

Далее мы ожидали бы напряженное *ô* в дóбль Сборн. 46.

III. Здесь же приведем из наших памятников имена прилагательные, имеющие *о* из *ъ;* Сборн.: бóрзѡ 19-2, нибó|рзѡ^{ж} 72 и 72 об., негóрдꙋ 21, надóлзѣ^{ж} 72 об., пóлна ср. р. 187, лóжъ 107, зѡ́лъ 291; Псалт.: пóлна ср. р. 12 об., тóлъсти 197 об., тóщъ 8, лóжъ 162, -ь 41, зóлъ р. п. 120, 153; Тотемск.: zoł 127, tǫus 108, dółok, półon 127, sótoj 130;[1] Ряз. *бóдрый (бóдро), дóлгий, пóлный, тóлстый,* и отметим неясное для нас *о* в слове *стрóгий:* strók — strógoj Тотемск. 127, и даже в форме сравнительной степени strózə 128 (срвн. § 39), Ряз. *стрóгий,* и в сравн. степени: gózejö Тотемск. 103, 129.

Наоборот, на месте древнего *ъ* имеется *ô* в прилагательном rôchłoj 35.

§ 36. В имени прилагательном нарб̃читыи Сборн. 112 об., нарôчитыхъ ib. 224 напряженное *ô* обусловлено тем же, что *ô* перед суффиксами имен существительных -ilo, -išče, -ica, -ina (см. § 33), т. е. восходящей долготой следующего слога. Современное *нарочи́тый* — новообразование. В сербском языке имеется нàрочито, совпадающее с *нарóчитый* памятников.

§ 37. Имена прилагательные с суффиксом *-ok-* при ударении на нем имеют напряженное *ô* и в членных, и в нечленных формах. Сборн.: вы|сôкꙋ д. п. 245, высôкое 14, -ꙋю 273 об.; Псалт.: высб̃къ 135, 159 об., 190, -їа 142 об., -оюѝ 188, -аа 190, навысб̃кихъ 159 об., в- 129 об., высôкаѧ 211, -ою 226;

[1] Под влиянием sótoi явилось ďevánóstoi 130 при ďevanôsto (тоже и в Ряз. *девянôсто*).

ѿглоубо̀|кихъ 90; Тотемск.: šyrôk, gł'ybôk 37, gł'ybôkoi̯ 128; Ряз.: *висо̀к, висо̀кий, глубо̀к, широ̀к*. Сербский язык указывает древнее восходящее ударение на этом *о:* вѝсокӣ, ду̀бокӣ, шѝрокӣ, вѝсок, ду̀бок, шѝрок (но: висо̀ка, -о̀ко, дубо̀ка, -о̀ко, шѝрока, -о̀ко). В словинском же языке имеется в нечленной форме муж. рода открытое *о* благодаря краткому ударению: visòk, globòk, širòk; в visóka, globóka, širóka — оттянутое с конца ударение (качество *о* в членных формах мне неизвестно). Исключением является: жестѡ́кою Псалт. 205 об., если только это не случайная описка. Впрочем, надо заметить, что это слово по акцентовке отличается от предыдущих: в памятниках первые имена прилаг. в членной форме обыкновенно имеют ударение на суффиксе, а в нечленной на суффиксе или на окончании; напр.: высо́кою Тр. П. 1589 г. 175, въглꙋ́бо́кꙋ́ю ib. 134, широ́кꙋ́ю Мин. 1619 г. 451; глꙋ́бокѡ̀ Торж. XVI в. 623, свысока̀ лѣ̀та ib. 325. реже: глꙋ́бо́кꙋ́ в. п. Сборн. 1647 г. 167 об., навысо́цѣ мѣ|сте Злат. 152 (последние, вероятно, новообразования применительно к членной форме); накоренная акцентовка: вы́сокою Нов. Зав. XIV в. 67 об. — большая редкость;[1] прилагательное же *жестокий* и в членной и в нечленной формах имеет или накоренную акцентовку, или наконечную; напр.: же́стокъ Хрон. 292 об., же́стокїи ib. 279 об., же́стокаго ib. 257; же́стоцы Лет. 95 об.; же́стоко Ратн. 22 об. (даже: же́сточе Злат. 194); срвн. серб. же̏сток; пожестоко́мꙋ́ Ап. 1564 г. 92 об., жестоко́е Улож. 69, 139; жестоки́ми Ратн. 219; жестокѡ̀ Ап. 1564 г. 17 об., жесто́къ Тр. П. 1589 г. 317 об. В Сборн.: жестокї́и 48 об.; же|-стѡка́а҃ 246 об. при же́стѡкъ 226 об., же́стѡко 120, же́стѡка ср. р. 327, но: жестѡкà ж. р. 327. В виду сего, не следует ли допустить, что форма с насуффиксною акцентовкою для писца Псалтыри была чуждою, и он не мог проверить звуковых ее особенностей своим произношением. Словинский язык, в отличие от

[1] В русских говорах в нечленной форме изредка встречается такая акцентовка: *вы́соко* Куб., Ж. Ст. 1903, III, 360, *ши́роко* ib., *гли́боко* Тверск. Ржевск. (Е. Карский).

русского и сербского, имеет выдержанную насуффиксную акцентовку, под влиянием которой в нем развилось *o:* žestȍk, žestǫ́ka.

Имя прилагат. *гото́вый* имеет напряженное *ô* и в членной, и в нечленной формах. Сборн.: готъ̂въ 41 об., -о 70, -ꙑ 22 об., -и 12 об.; Псалт.: готъ̂въ 50 об., готъ̂во 153 bis (158 об.), съготъ̂вагѡ 40 об., готъ̂въ 18 об., вготъ̂вое 205; Тотемск.: gotôf — gotôva 37, gotôvo 141, в соответствии со слов. gotȍf — gotǫ́va; сербск. указывает на восходящее ударение гото̀в, -а, -о, гото̀ви.

Здесь же упомянем напряженное *ô* в местоимении *котóрый*, неподвижность ударения коего на слоге *-то-* позволяет допускать восходящее ударение. Сборн.: котъ̂рыи 112, -ое 27 об., -агожѫ 34 об., -ои 70 об. bis, 156, 156 об., -ые 163 об., -о|мꙑ 18, -ꙑю 161 об., а̊кѡтъ̂рыѥ 155 об., никотъ̂рого 211 об. (212), вко|тъ̂рꙑю 47 об.; Тотемск.: kotôroi, kotôra 125.

Что касается Грязов. *комóлой* при слов. komǫ̑ɫ,[1] то оно могло приобрести напряженное *o* в членной форме (срвн. *мóлод* — диал. *молóдый*).

В памятниках имя прилагат. *убóгий* всегда имеет *ô*. Сборн.: оу̯бъ̂гагъ̂ 105 об., -сїи̑ 118, ꙗ̆бъ̂гꙑ д. п. 35 об., оу̯бъ̂гїи 33 об.; Псалт.: оу̯бъ̂гъ 54, 155 об., -а 155, 159 об., -ꙑ 153, -агъ̂ 156 об., -имъ 159 об., оу̯бъ̂гимъ 193. В Ряз. же наблюдается колебание: *убо́гий* и *убóгий*. Сербск. у̀бог, -а, -о — у̀богӣ свидетельствует о втором восходящем ударении; слов. ubǫ̑g, подтверждая напряженность *ô*, непонятно своим нисходящим ударением, и потому слов. nebǫ̑g первоначальнее своим *ǫ*. Из других прилагательных, сложенных с приставками, имеют *ô* в Ряз.: *прибо́жий, особый, отхо́жий*.

§ 38. Суффикс *-ov-* у имен прилагательных и местоимений, оканчивающихся на этот суффикс, при ударении на нем имеет обыкновенно напряженное *ô*. Сборн.: въ̆ѣ̆мѣ̀ лвъ̂ве 106; какъ̂въ 111, какъ̂въ 112; такъ̂въ 224, 294 (срвн. еще: доа̀нти́|христо̂ва

[1] Имя сущ. *ко́мель* безусловно имело нисходящее ударение на *o*: на̀комель Алф. 259.

261 об., но доа̀нти́христѡва 314); в Псалт. лишь гроздѡ́вѣ 208 об.; Тотемск. P̀otrôf 35, p̀ötrôv-ďeń 127, p̀ötrôva dńi ib., -vu dńi ib.; tołkôvoi̯ 37, b̀estołkôvai̯a 63, tołkôveńka 96; Ряз.: *Петро́в, Соколо́в, Попо́в; целко́вый, столо́вый, дубо́вый, бестолко́вый, ольхо́вый;* сербск. бо̀бов, -а, ду̀бов, -а, Хрѝстов, ка̀ков, та̀ковӣ указывают на восходящее ударение; слов. язык при ударении на суффиксе имеет обыкновенно *ǫ:* bobǫ̀v, borǫ̀v, jelǫ̀v, kozlǫ̀v, zlatǫ̀v, kakǫ̀v, njegò̀v, -ǫ́va; также обычно -ů̀v в чешск. языке.

Если ударение падает не на суффикс -ov-, а на корень, то этот корень в нечленной форме имени прилагат. в древности имел характер ударения производящего слова, сохранившийся доселе в корнях с полногласием: *Ко́лосов, Шо́рохов, Во́лосово* (станция по Балтийской жел. дороге), но *Бере́зов, Моро́зов, Горо́хов,* а в членной форме у первых ударение переходило на окончание (или суффикс): *городово́й, голосово́й,* а у вторых оставалось на корне: *бере́зовый, горо́ховый.* Срвн. при *полево́й, снегово́й, духово́й, носово́й, мохово́й, громово́й* и *дубо́вый* и дѹ́бовыя Алф. 406,[1] терно́вый, Го́рев, По́левъ Лет. 563 об., всѣ̀ сн̄ѣ́говы напа́|сти Пат. Ск. 268, *Ду́хов день, Но́сов, Мо́хов, Гро́мов,* сн̄а̀ гро́мова Сборн. 1647 г. 858 об., дѹ́бово Алф. 180, вѣ́не́цъ те́рновъ Торж. XVI в. 64 об., Св. 1647 г. 596; но *ли́повый, ма́ковый, лу́ковый,* и̯ѕо оу̯́стъ | ки́товы[x 2] Торж. XVI в. 241 (срвн. вочревѣ́ ки́товѣ Алф. 87 об.) (сербск.: ли̏па, ма̏к, лу̏к, ки̏т). Первые, по-видимому, были способны к энклизе при предлогах: на́ Волотове Новг. Лет. 533 об. (срвн. Во́|лотово Лет. 10). Отсюда вполне понятно открытое *о* в Ряз. *Ко́лосов.* Что касается Грязов. *Новгоро̀до́ва* (название деревни), то здесь мы имеем дело с сращением; в сращениях же, так и в сложениях (см. § 61, I) слова,

[1] Это колебание мне напоминает колебание: *мо́лод — молодо́й* и диалектич. *моло́дый.*

[2] Совр. *жито́вый* имеет производящим *жит — жита̀,* тогда как в памятниках производящее слово обычно имеет акцентовку, согласную с сербск. языком: ки́та Хрон. 261, ѿки́та Мин. 1619 г. 306, вки́тѣ Пал. XVI в. 195 (но: ѿкита̀ Мин. 1608 г. 145 об., 161).

составляющие вторую часть срощения, имели, надо думать, восходящее ударение.

Что касается нисх҃рв҃во Сборн. 72 об., surồf Тотемск. 37, то напряженность *о* подтверждается словинским языком sirǫ̀v, -ǫ̀va, хотя и непонятно появление его под нисходящим ударением: сербск. сӣров и обычная накоренная акцентовка в древнерусских памятниках: сх҃ровѣ нар. Тр. П. 1589 г. 159, сх҃рово Сборн. 1647 г. 693, соу́рова р. п. Нов. Зав. XIV в. 72 об., соу́рови ib. 139 об., оу҆|сх҃ровы ве́си Торж. XVI в. 420 об., а также в русских говорах: «*ни су́рово* ни бе́ло — свое рукоделье» Мат. № 41[1], Кал. Меш., предполагали бы для словинск. яз. или *sírov, или *sirǫ̀v. За последнюю говорят членные формы из древних русских памятников: ѿсх҃ровы́а Сборн. 1647 г. 266 (при сх҃рв҃вое ib. 693), сх҃ровы́ми Торж. XVI в. 63 об., сх҃рови́мъ Кн. Степ. 695 (срвн. *дубово́й* и *дубо́вой* при *ду́бов*, где на *у* нисходящее ударение), а также и в русских говорах: *суровой* Вологодск. Кадн., Мат. № 25, Олон. Петрозав., Мат. № 38, Вятск. Слоб., Мат. № 50, Арх. Холм., Мат. № 52. Надо предположить, что здесь было влияние со стороны других имен прилагат. на -ǫ̀v. Тотемск. surôvoj 37, может быть, следует объяснять заимствованием из чужого говора, срвн. surovój 128.

§ 39. В формах сравнительной степени с суффиксом -jьš и в памятниках, и в говорах наблюдается *ô*. Сборн.: небл҃ши 39, бл҃ша р. п. 286, бл҃шъ в. п. 192, 192 об. bis, бл҃шаѧ р. п. 136, вбл҃шаѧ р. п. 37, вбл҃шаѧ си[х] 15 об., оу҆бл҃шагô 186 об. (108); гр҃ши 207 об.; Тотемск.: bôĺe 42, 128, bôĺše 128; korôće, moĺôže 44 (срвн. dóle, чешск. delši, слов. dlje, подробнее см. у Г. А. Ильинского, РФВ, 1908, т. 60, 432 и след.; tóǫ̀štṣ̌ə 61, tónše 120); Грязов.: *бо́лше;* Костр. Шунг.: *буо́ле* 79; Ряз.: *бо́льше, про́ще, коро́че,* но: *до́льше, то́ньше, то́лще.*

Древнее восходящее ударение в подобных формах устанавливается сербским и чешским языками; шток. мла̏ђй, у҆̏жй, вӣшê и т. п.; чешск.: dráže, lépe, více, blíže, výše и т. п. (с вы-

падением глухого ударение из восходящего изменялось в чешском языке в нисходящее и вместо долготы ныне является краткость: lepší, bližší, vyšší и т. п.). Показания словинского языка в данном случае странным образом раздваиваются: вполне подтверждается напряженность *ô* в *гôрши:* gǫ̑rji, gǫ̑rši (и производные: gǫ̑ršati) и указывается открытость в *бôле:* bǫ̑lji, bǫ̑ljši (и производные bǫ̑ljšati), кроме того, сокращенная форма bòlj. Следы напряженного *о* я также усматриваю в чешских: hůře, hůř при правильном horší и spůze (срвн. snáze от snadně).

§ 40. В формах praesens'a глагола *мочь* (а в памятниках во 2 и 3 л. ед. ч. aorist'a) и глаголов на *-нути,* а также глаголов, образованных при помощи суффикса -jo-, при ударении на коренном *о* обыкновенно это *о* является напряженным. Сборн.: мо̑жетъ 11 об., не- 13 об., во^{s}- 25 об., мо̑жемъ 9, не- 251, мо̑жете 10 об., мо̑гѫтъ 91, мо̑же^{т} 76 об., 106 об., мо̑гѫтъ 16, немо̑гѫ^{т} 108, возмо̑же аор., не- 182 об.; хо̑щеши 4, 9, 16 об. bis, 101, хо̑ще^{т} 94, хо̑|ще^{м} 29 об., нехо̑щемъ 130, хо̑щета 115 об.; бо̑ретсѧ 186 (срвн. ро̑пщетъ 41^{2} об., -ѣ 74 об., не-ро̑пще^{м} 75, ро̑пщѫ́щїи 74 об., -щи^{м} 294 об. при одном исключении нерво̑пщетъ 108 об., кроме того, во|здѡ́хнемъ 116 об., въздѡ́хнѫтъ 124, и с выдержанной накоренною акцентовкою: неѿто́ргне^{т} 74 об., ѿто́|ргнѫ͡ти 316, ѿто́рже 200, оу̯мѡ́лъкни 102, пре|сохнѫтъ 113); Псалт.: немо̑гоуть 46, и̯зне- 75 об., по- 177 об., 210, помо̑же 153, пренемо̑же 103, помо̑жеми 34, и̯знемо̑жетѣ 22, невозмо̑гоуть ib., и̯знемо̑же 211 bis; хо̑ще|ть 26 об., восхо̑щеть 158 об., въсхо̑|щеть 47 об., восхо̑ще^{т} 200 об., и с выдержанною накоренною акцентовкою: възглаго́лю 65 об., неглаго́лють 160 об., взглаго́лю^{т} 199, глаго́лѧ 144, глаго́люще 171, 218, глаго́лющими 34, -и^{х} 155 об. (срвн. поро̑|пщоутъ 77, кроме того: и̯стѡ́ргнешимѧ 36 об., растѡ́ргнетѣ́тѧ 69); Тотемск.: bormôćeš 139, gl'ôžoš. . . gl'ôžut, pôl'öš. . . pôl'ut 131, pôŕöš 137, stôńöš 139, tôńeš. . . tônut 136, xl'orpôćeš 139, xoxôćeš 139, po-l'ôščöš 139, есть и исключения: mózöš, mózeťö, mógut 135, xóćöš и т. д. 33, но: xôš 33, kól'eš и т. д. 137, zóbl'eš 139

(срвн. tórćeš 42, 139, rókćeš (= ропчешь) 139, zakrǫ́ot 100, vǫ́ǫ̈t 136, mǫ́ju, krǫ́ju, rǫ́ju, on nǫ́ǫ̈t 139); Грязов., в противоположность Тотемск., подтверждает формы: *мо̑жеш, мо̑гут* и *хо̑чет;* Ряз.: *мо̑жу, мо̑жешь; бо̑рются, гло̑жешь, по̑рю, по̑решь, ко̑лю, ко̑лешь, по̑лю, по̑лешь, по̑ля, по̑лют, хо̑чет, грохо̑чет, хлопо̑чем, лапо̑чишь, то̑нет* (срвн.: *засо́хнут; кро́ю, кро́ешь, вымо́ешь, мо́ю, мо́й* п. н., *но́ю, ро́пчут, то́пчешь*).

Все глаголы этих типов, для которых нам удалось подыскать параллели в словинском языке, а также им подобные имеют в нем ǫ и восходящее или новое нисходящее (из восходящего) ударения: móči — mǫ́rem (mórem); tóniti — tǫ́nim (срвн. mókniti — mǫ̑knem, kótniti — kǫ̑tnem, hlópniti — hlǫ̑pnem, poskókniti — poskǫ̑knem — о новом нисходящем ударении см. Rad, 132, 155); hotę́ti — hǫ́čem, kǫ́ljem, pǫ́rjem (pórjem), pǫ́ljem, glódati (Хостник)[1] — glǫ́jem (lókati — lǫ́čem, kópati — kǫ́pljem, rováti — rǫ́vljem и т. п.); hohotáti, -ǫ́čem, hlopotáti, -ǫ́čem, grohotáti, -ǫ́čem, lopotáti, -ǫ́čem (klokotáti, -ǫ́čem, ropotáti, -ǫ́čem и масса им подобных). Глагол *орать,* допускающий в русском языке в praesens'е двоякую акцентовку, как и некоторые другие глаголы, *о́рет* и *оре̑т*, и в словинском имеет также двоякую órjem при orję̑m и ǫ́rjem.

Чешск. язык имеет mohu — můžeš, koli — kůleš, stoni — stůneš и старочешск. и диалект. choču — chóčeš (Gebauer Hist. ml. I, 588) и лишь zovu — zůveš является исключением.

§ 41. Формы глаголов с суффиксом *-a-* с ударением на предыдущем слоге имеют обыкновенно в этом слоге *о̑,* которое поддерживалось аналогией слов, производящих эти глаголы: *рабо̑тати, гото̑вати, глаго̑лати, подо̑бает* под влиянием *рабо̑та* (см. § 32), *гото̑в* (см. § 37), *глаго̑л* (см. § 27), *подо̑ба* (см. § 31). Сборн.: рабо̑тати 11 об., 23-2 об., 144 об., 195 об., -ю̑ще 28; оу̑гѡто̑ванѡе 25 об.; оу̑гото̑вати 76, -анѡе 13, -анныи 23-2 об., гото̑ва|ю̑тъ 45; Псалт.: глаго̑лахъ 168 об., во|з- 162,

[1] У Плетершника glódati, но Valjavec (Rad, 132, 143 и 145) отмечает: glodáti, glodálǫ.

возглагôла 153 об., глагôлаша 154, 197 bis, глагôлахъ 44 об.; оу̑готôваѥ̀ши 26, -ахъ 184 об., готôваю̀щемъ 200 об., ѹ̑готôвати 221, оу̑готôванїе 13 об., -а и̑ 8 об., -áстѣ 205, -аша 13 об., готôвам 210; по|рабо̀таеть 28, -ють -96, -та|ша 149 и 149 об., рабо̀таите 4 об., кроме того: подôбаѥ̀ть 129 об.[1]

На стр. 69 О. Брок отмечает в Тотемск. porobôtaš с оговоркою: «наверное описка вм. -bôtaš»; последняя форма засвидетельствована Грязов. *робо̀тают* и Ряз. *рабо̀тал*. Что касается Ряз. *тро̀гать, хло̀пать,* то в первом *о* из *ъ*, а во втором мы ожидали бы *ô* (слов. hlópati имеет оттянутое ударение, но срвн. hlǫ́pljem). Сербск. рабо̀тати соответствует русск. диал. *работáти* («Все соседи твои *работáют* давно» — Кольцов), а слов. rabǫ̀tati под влиянием rabǫ̀ta.[2]

---

[1] Такую акцентовку можно засвидетельствовать и памятниками: подóбаѥ[т] Нов. Зав. XIV в. 108, 140 и во многих других местах, подóбаше ib. 146 и малорусским нар. сподóбає Ет. Зв. VI, 68, подóбала ib. 78; об акцентовке глаголов этого типа в великорусском наречии см. следующее подстрочное примечание.

[2] Что касается напряженного *ô* в слов. языке в глаголах несовершенного вида ukrǫ́čati, uprǫ́ščati, ustanǫ́vljati, zadovǫ́ljati и т. п., то они при сравнении с русским языком (великорусским наречием) имеют *ô* как бы в неударенном слоге: *укрощáть, упрощáть, установля́ть* и т. п. Однако при последнем сравнении не следует упускать из виду, что тот действующий в русском языке в настоящее время закон, по которому сложенные с приставками глаголы на *-ати* несовершенного вида непременно имеют ударение на суффиксе: *пáдать — нападáть, рéзать — разрезáть, бéгать — убегáть, двúгать — раздвигáть* и т. п. (но совершенный вид по более тесной ассоциации с глаголами без приставок удерживает ударение корня: *напáдать, разрéзать, убéгаться, раздвúгать* и т. д.), в древнерусских памятниках еще только намечается и довольно часто глаголы несовершенного вида имеют ударение на корне: впáдаю[т] Нов. Зав. XIV в. 138 об., прѡгнѣ́вающе Сборн. 130, срѣ́заѥ̀мо Торж. XVI в. 483 об., помáзам ib. 610, посы́паю̀щи[х] Пат. Ск. 45, повѣ́шаю̀тсѧ Тр. П. 1589 г. 168 об., ѥ̀скáпам Мин. 1658 г. 212, преплáвам ib. 139 об., припáдаетъ Улож. 186 об., размѣ́рѧетъ Кормч. 1650 г. 207 об. (срвн. сербск. ѷпадати, пòсипати, прѐпливати). Точно так же и глаголы несов. вида, без приставок не употребительные, часто имеют ударение на корне вместо теперешнего насуффиксного, напр.: избáвлати Нов. Зав. XIV в. 87, прибли́жаѥмъсѧ ib. 145, прослáвлаю ib. 104 об., състáвлати ib. 117, оутѣ́шаѥ̀й 118 об., озлóблѧ ib. 85, испóлнѧ ib. 114, порабóщаю ib. 112, оу̑крáдаю̀щими Торж. XVI в. 36 об., покла́дам ib. 547, со|глáдам Кн. Степ. 583 об., облáдающаго 4 (на всякий случай упомянем, что в московских грамотах конца XVI—XVII в. в слове обладатель принято писать два *а*: облаадатель,

§ 42. Переходя к рассмотрению употребления *ô* в глаголах на *-ити*, мы прежде всего оговоримся, что нам придется иметь дело с тремя типами акцентовок в этих глаголах: 1) *пра́вить* — *пра́влю* — *пра́вишь*, 2) *люби́ти* — *люблю́* — *лю́бишь* и 3) *святи́ть* — *свячу́* — *святи́шь*. Относительно последнего типа следует отметить, что в древнем русском языке он был значительно более распространен, нежели теперь (*яви́т, учи́т, вали́т, сади́т, губи́т, лени́тся, пусти́т, приценя́тся, гаси́т, получи́т, изменя́мся* и много подобных других являются весьма обычными для древнерусских памятников); в настоящее время язык имеет тенденцию переводить глаголы из последнего типа акцентовки во второй («сено *ко́сят*», но в специальном выражении: «глазами *коси́т*»),[1] при чем в акающих говорах это явление замечается в более широком размере, нежели в окающих, а в белорусском наречии этот переход достигает огромных размеров; там можно встретить не только *ро́дишь, зво́нишь*, но и: *рассме́шишь, до́ўбишь, жи́вишь, кре́пится, ре́шишь, гово́ришь, че́щишь, то́ўпишся, цвѐрдзишь* и т. п. (по данным словаря И. Носовича). Первому типу в словинском языке соответствует práviti — prâvit, а в сербском: шток. пра̀вити — пра̀вим и чакавск. pràvit — pràvīn; второму — в слов. яз.: ljúbiti — ljúbim, а в сербск.: шток. љу́бити — љу́бӣм и чакавск. gūbȉt — gúbĭn; третьему — в слов. яз. sušíti — suším, а в сербск.: шток. чи̏нити — чи̏нӣм, чакавск. učȉt — učín (последний тип, как в русском языке, в особенности с некогда долгими гласными, так и в сербском языке, перешел в большинстве глаголов во второй: шток. já̏вити — jа̂вӣм, су́шити — су̂шӣм, чакавск. sādȉt — sádĭn, а в оставшихся в этом типе глаго-

---

почему?), оу҃ма́лю҆тже Тр. П. 1589 г. 317, оумно́жал ib. 150 об., оу҃ра́нѧ́маго ib. 160 об. и т. п. (срвн. сербск. за̀стављати, ѝзбављати, пр̀дослављати, у̀творати, у̀клоњати; реже: пр̀гледати сов. в. при прогле́дати несов. в.). В виду сего настаивать на насуффиксной акцентовке вышеприведенных словинских глаголов надо осторожно.

[1] Срвн. в одном говоре Уфимск. Белев. Изв. X_2, 99 наблюдатель отмечает безразличное употребление *косит глазами* и *косят траву*, т. е. по старому.

лах долгие гласные сократились по образцу глаголов с древними краткими). В старом восходящем ударении на коренном гласном в первом типе акцентовки сомневаться не приходится; что же касается восходящего ударения в настоящем времени глаголов второго типа акцентовки, то и его на основании чакавских форм также признают (акад. А. А. Шахматов, К истории ударений в славянских языках, Изв., III, 3), объяснение же долготы вместо ожидаемой краткости проникновением ее из неударенных слогов дано А. Белићем (О чакавском ′. Zbornik u slavu V. Jagića. Berlin. 1908, 449 и след.).

Мы предпослали сравнению русского *о́* со словинским *о* в глаголах на *-ити* распределение означенных глаголов по типам акцентовки по той причине, что находим правильнее сравнивать не отдельные глаголы, а именно эти категории. Ибо возможно, что в глубокой древности круг глаголов, принадлежавших к тому или другому типу акцентовки, был и в русском языке, и в словинском языке один и тот же (на это указывают многие совпадения между отдельными глаголами), но со временем аналогия увеличила, с одной стороны, известный тип глаголов в русском языке одними глаголами, а в словинском другими, а с другой уменьшила также неодинаковыми глаголами, присоединив их к другому типу; типы же категорий сохранились и в том, и в другом языке одинаковые.

I. Если глагол с *о* в основе принадлежит к первому типу акцентовки, то он имеет напряженное *о́* во всех формах.

В русском языке к этому типу относятся следующие глаголы.

Сборн.: во́литъ 30 об.; и҃звӧ́льшиˣ 27; довѳли|тсѧ 163, и҃звѳ|листе 208, вѳлащѫ д. п. 63, и҃звѳлившѫ 160, и҃|звѳлиша 327 об.; готѳвитсѧ 109, оу҃гѡ|тѳвимсѧ 241 об., неоу҃го|тѳвленъ 70, оу҃готѳвль 185 об.; мно҃жатсѧ 104; оу҃|мнѳжѫ 242 об.; оу҃подѳбивса 5 об.; неспѡдѳбльса 36; спѡдѳбль|шаса 294 об., спѡдѳбльши҃ѧ 316 об.; пѡко҃атъ 248; покѳити 156, -и҃ти 156 об., -и|тиса 201, покѳю 1 л. 17 об.; порабѳ|титиса 198, порабѳтив-

шасѧ 200, порабо̑тилъсѧ 169;[1] стро̑|и́тисѧ 257; стро̑и́тъ 276 об., оу̯- 216, неоу̯стро̑|а̀тьли 318 об., оу̯стро̑|и́лъ 291 об.; досто̑и́тъ 22, 44, 89 (срвн.: и̑спѡ́лнитсѧ 14, напо́лни[м] 5, напо́лни аор. 216 об., и̑спо́лненъ 70, и̑спѡ́лнени 120 об., и̑спо́лнь 280); Псалт.: бл҃гои̑звол҃ати 64 об., и̑звол҃ихъ 167 об., 177, 184 об., и̑звол҃и аор. 30 об.; оу̯гото̑вихсѧ 169 об.; пригото̑|витисѧ 2; о̀злобити 123, о̀злоблишасѧ 153; оу̯мно̑жатсѧ 191 об., оу̯мно̑жи|шима 190, оу̯мно̑жилъ 15, 45 об., оу̯мно̑жисѧ 149, оу̯мно̑жишасѧ 170, о̑мно̑жи|ши 216 об., оу̯мно̑жишасѧ 153, -ишѧ 4 об.; оу̯подо̑блюсѧ 195 об., оу̯подо̑бительтисѧ 53, оу̯подо̑блюсѧ 33 об., оу̯подо̑битсѧ 114, оу̯подо̑бисѧ аор. 196 об.; оустро̑и п. н. 44; о̑стро̑и|ть 222 (срвн.: и̑спѡ́лнатсѧ 143, испѡ́лнѣши 17 об., здесь же упомянем: скѡ́рблю 36, поскѡ́рбить 91 об.). Тотемск. все глаголы, сюда относящиеся, имеют напряженное *о* (см. стр. 141): strôit', strôju . . . strôjšö; ńe strôit; gotôvit', zgotôvl'u . . . пов. izgotôf, izgotôfťe, zgotôvl'ônо; zabôťitšö (срвн.: ispórťu, pórťiš . . . ispórťiц, pórťit'). Грязов.: *сто̑ит, стро̑итсё, успоко̑иш.* Ряз.: *гото̑вить, спо̑рить, вздо̑рить, сто̑ить, удво̑ить, забо̑титься, познако̑мить, удосто̑ить, расстро̑ить, постро̑илась, позво̑лить, полъ̀зить, коро̑биться, око̑нчить, присво̑ить* (срвн.: *бро́сю, бро́сить, по́ртить, по́ртит, напо́лнить, мо́лвить, ко́рчиться*).

С точки зрения современного русского литературного языка акцентовка глагола *сподо́биться* не вызывает замечаний; но со стороны общей картины ударения в Сборнике она является исключением, ибо этот глагол во многих других местах имеет насуффиксную акцентовку: спѡдоби́ти̑ 170, спѡдоблю́сѧ 216 об., -би́шисѧ 136, -би́тъ 162, -би́тсѧ 136, -би́лсѧ 264, -би́вши[х]сѧ 129, -би́ша̑ 218 об. (срвн. сербск. сподо̀бити се — спо̀добим се, но слов. spodǫ́biti se, -dǫ̑bim se). Объяснять такую двоякую акцентовку одного и того же слова можно по разному:

[1] Подобная акцентовка свойственна и другим древнерусским памятникам: порабо́та[т] Нов. Зав. XIV в. 122, порабо́тивше ib. 102, порабо́ти[х] ib. 111; порабо́тиласѧ Пал. XVI в. 134; порабо́ти[м] Тр. П. 1589 г. 121 об.

одну можно отнести на счет писца, а другую на счет оригинала памятника, а можно допускать, что и в устах одного и того же книжника этот глагол употреблялся с двоякой акцентовкой, переживая переходную стадию (я, напр., одинаково могу произносить: понуди́ть и пону́дить, и не знаю, что для меня является более нормальным). Отмечу из Сборника еще несколько глаголов, которые в настоящее время принадлежат к первому типу акцентовки, а в нем относятся к второму или третьему: и̑счисли́ши 257 об., числи́тсѧ 258, числи́т҃ 259, числи́мъ 258 об., числа́тъ 259 об.; разшири́мъ[ѫ] 5; похи|ти́ша 126 об. (227); нена|сыти́тисѧ 36 об., насыти̑ аор. 15 об., насыти́|тсѧ 138 об., нена|сыта́тсѧ 328 об. (но есть и: ненасы́титсѧ 300); краси́ти̑ 109, оу̑краси́въ 257, оу̑краси́|вша 26 об. (но: кра́ситесѧ 167 об.); ноуди́ пов. накл. 32, поноу̑ди́лмѧ 315 (но: поноу́димсѧ 138). Подобные акцентовки не чужды древнерусским памятникам, напр.: оу̑подоби́хсѧ Пал. XVI в. 12, оу̑подоби́сѧ ib. 165; расшири́ша ib. 111; расхити́ти Новг. Лет. 371, исхити́ти ib. 637 и русским говорам *краси́ть* Тульск., срвн. еще совр. *разру́шить*, а в памятниках обычно: разр҃ши́ть 3 л. Пал. XVI в. 7 об., разр҃ши́тца Новг. Лет. 415, разр҃ши́тъ Кн. Степ. 354.

В словинском языке в соответствии с русским языком принадлежат глаголы: gotǫ́viti — gotǫvim (а также с приставками iz-, pri-, u-, z-), podǫ́biti — podǫbim (s-, u-), udostǫ́jiti — udostǫjim,[1] кроме того, сюда могли бы быть отнесены: prorǫ́čiti, -ǫčim, pozakǫ́niti, -kǫnim, škǫ́diti — škǫdim, параллелей для которых не дают находящиеся в моем распоряжении материалы из русского языка; кроме того: ǫ́bčiti — ǫbčim, plǫ́ščiti, -ǫščim, pǫ́diti — pǫdim, svedǫ́čiti, -ǫčim (и рядом обычные: svẹdočíti, -ím), rogǫ́ziti, -ǫzim, pustǫ́šiti, -ǫšim, brlǫ́žiti, -ǫžim; izprostǫ́riti, -ǫrim (raz-), iznerǫ́diti, -ǫdim, sposǫ́biti, -ǫbim, ohǫ́liti, -hǫlim,

[1] Отсутствие соответствия в глаголе слов. pokojíti, -ím, я думаю, объясняется тем, что хотя производящее его слово pókǫj, -ǫ́ja имеет ударение на корне, тем не менее теоретически оно допускает параллельную форму (см. § 27) с ударением на окончании, от которой, может быть, и был произведен глагол.

podrǫčiti, -ǫ̂čim, obǫžiti, -bǫ̂žim (но: pobožíti, -žím), pootrǫčiti, -ǫ̂čim, oskǫriti, -ǫ̂rim, onegǫditi, -ǫ̂dim, udomǫviti, oduhǫviti, pomɑhǫviti, umirǫviti, posinǫviti, overǫviti, -ǫ̂vim. Я заметил в словаре Плетершника лишь три глагола, принадлежащих этому типу и имеющих не *o*, а *ǫ*: odobrǫ́titi, -ǫ̂tim, pogospǫ́diti, -ǫ̂dim, zavǫ́riti, -ǫ̂rim: все они имеют ǫ под влиянием образующих их слов dobrǫ̂ta, gospǫ̂d, zavǫ̂ra.

II. Если же глагол принадлежит ко второму типу акцентовки, то в русском языке *ô* выступает в формах praesens'a, кроме 1 л. ед. ч. (а в Ряз. и в 1 лице ед. ч.), а также в причастии прош. врем. страд. залога; то же самое наблюдается в словинском языке, с тою лишь разницею, что к другим лицам praesens'a примыкает и 1 л. ед. ч., как в Ряз. говоре.

В русском языке к этому типу относятся следующие глаголы.

Сборн.: привǒдатъ 269; возвôди᷑ 5 об., ꙗ́звôдитъ 16, ѿвôди|мсѧ 181 об.; вôзишисѧ 111; прѡгôнитъ 207 (109), ѿ- 153, ѿгôнимъ 144, -атъ 153; поклôнитсѧ 18 об.; мǒлитъ 104, оу҃мǒлитсѧ 289, мǒлимсѧ 15, -та 123; мôлишисѧ 10, мôлимсѧ 7; нǒситъ 11 об., при|нǒситъ 137 об., ꙗ́бнǒситсѧ 273 об., принǒсатъ 39 об., нôситъ 101, нôсите 167; прôсиши 49 об., в҃спрôси᷑ 19 об., нев҃спрô|ситъ 47 об., прôсимъ 49 об.; тôмитъ 207 об.;[1] хǒдитъ 12 об., восхǒдитъ и҃ли заходи᷑ 279, хǒдимъ 28, хǒдите 11 об. (242), ѿхǒдатъ 26 об., ꙗ́бхôдитъ 181, хôди᷑ 7 об., хôдите 126, ѿхôдатъ 4 об., при- 11 об. (но: правильно свинꙗ̀ пита́ющисѧ крѡ́титъ 152 об., срвн. чешск. krtiti — рыть подобно кроту). Псалт.: возвǒдитъ 200, възвǒ|дитьма 213 об., низвǒ|дитъ 211|211 об.; слǒми|тъ 61 об.; помǒлитсѧ 38 об., оу҃мǒлитсѧ 187, помǒлатсѧ 60, оу҃мôлитсѧ 225; ꙗ́мǒчитсѧ 87 об.; вознǒситъ 101 об., превознǒсимъ 220, принôсимъ 1, невознôсатсѧ 85;

[1] Для древнерусских памятников подобная акцентовка является довольно обычной: оутóмитсѧ Нов. Зав. XIV в. 82 (при оутомúти ib.), тóмитъ Торж. XVI в. 250, тóмишь Новг. Лет. 591; возможна и современная акцентовка томúти Кн. Степ. 111.

см$\tilde{о}$триши 127, ра^{s}см$\hat{о}$тритъ 158 об.; восх$\tilde{о}$дать 141 об., 152, низъ- 141 об., нис- 152; прех$\tilde{о}$|датъ 104, х$\hat{о}$дитъ 51 об., х$\hat{о}$дать 15, 114, пре- 196 об. Тотемск. «первоначальное *о*, как и второе *о* полногласного сочетания, во всех собранных примерах является под ударением в виде *ô*» (стр. 141): х$\hat{о}$дíš ... х$\hat{о}$дat, ł$\hat{о}$víš...,[1] n$\hat{о}$śiš..., pr$\hat{о}$śiš..., t$\hat{о}$píš... (t$\hat{о}$pät 96), v$\hat{о}$źiš... (здесь же: sm$\hat{о}$tŕiš ... sm$\hat{о}$tŕät 142), bor$\hat{о}$ńat, poxor$\hat{о}$ńiš..., koł$\hat{о}$tiš..., moł$\hat{о}$tiš... (срвн. kórḿiš ib., ńe kórḿät 81). Из Грязов. сюда относятся: *пр$\hat{о}$сит, х$\hat{о}$дит, л$\hat{о}$вят, поворо$\hat{т}$тиш, бор$\hat{о}$нят*. Костр. Шунг.: *ху$\acute{о}$дит* 78, 79.

В виду того, что в Ряз. 1 л. ед. ч. этих глаголов по аналогии к другим лицам имеет ударение на основе, то напряженное *ô* проникает и в это лицо: *в$\hat{о}$зю, в$\hat{о}$зишь, в$\hat{о}$дю, в$\hat{о}$дишь, бр$\hat{о}$дю, бр$\hat{о}$дишь, х$\hat{о}$дю, х$\hat{о}$дишь, он х$\hat{о}$дя, прогн$\hat{о}$ишь, л$\hat{о}$мит, нал$\hat{о}$мит*,[2] *пр$\hat{о}$сю, пр$\hat{о}$сишь, к$\hat{о}$сишь, н$\hat{о}$сю, н$\hat{о}$сишь, м$\hat{о}$лю, м$\hat{о}$лишь, м$\hat{о}$чу, м$\hat{о}$чишь, стр$\hat{о}$чу, стр$\hat{о}$чишь, т$\hat{о}$чишь, кл$\hat{о}$нится, по-, кал$\hat{о}$тю, вол$\hat{о}$чишь, огор$\hat{о}$дишь* и даже *пл$\hat{о}$тит* (срвн. *к$\acute{о}$рмишь*). Впрочем, в этом говоре есть исключения: с одной стороны *пол$\acute{о}$жишь, сл$\acute{о}$жишь* и *с$\acute{о}$дить*, а с другой *прогл$\hat{о}$тишь, кр$\hat{о}$шится*.

В словинском языке в соответствии с русским принадлежат следующие глаголы: bróditi, vóditi, vóziti, góniti, klóniti, lómiti,[3]

---

[1] Этот глагол представляет наглядное подтверждение перехода из третьего типа акцентовки во второй с приобретением фонетических его особенностей: и сравнение с другими славянскими языками (слов. lovíti, -ím, сербск. lòvīti, lòvīm), и указания памятников (Псалт. улов$\acute{а}$ть 131, Сборн. ло|в$\acute{и}$тъ 182, Новг. Лет. лов$\acute{а}$тъ 399, 448) указывают на древнюю принадлежность его к третьему типу, поэтому в правленом л$\acute{о}$в^{и}тъ Псалт. 12 об. и 13 следует видеть неудачную поправку, а не исключение.

[2] Как здесь, так и в других случаях надо иметь в виду, что Ф. Тоньшин расставлял обозначения звука *о* на словах, написанных мною по литературному, не исправляя их на новосельское произношение целиком.

[3] Что касается глагола l$\acute{о}$žiti — l$\acute{о}$žim, то он отличается от других глаголов тем, что с приставками он имеет акцентовку 3-го типа: položíti, -ím, (na-, raz-, za-, v-), а кроме того в говорах русского языка сохраняет открытое *о* в формах praesens'a (Ряз.), причастия прош. врем. (Ряз. и Вологодск.) и пов. накл.: *пол$\acute{о}$жь, пол$\acute{о}$жьте* (Ряз.); в памятниках древнерусского языка он обычно имеет акцентовку 3-го типа: Сборн.: влω|ж$\acute{и}$ши 155, неположи$\acute{и}$ши 327 об., пωложи$\acute{м}$ъ

móliti, mǒčiti, nósiti, prósiti, [skǒčiti],[1] tǒčiti, hóditi (все они в praesens'e имеют ǫ: brǫdim, vǫdim ... hǫdim; такая же акцентовка остается если к глаголу присоединяется приставка: poklóniti — poklǫnïm, obhóditi — obhǫdim и т. п.); кроме того, к этому типу принадлежат: 1) strójiti — strǫjim и vóliti — vǫlim, которые в русском относятся к предыдущему типу (п. I), 2) несколько глаголов, которые в русском литературном языке (ибо в говорах возможны и другие акцентовки) имеют акцентовку 3-го типа: plóditi — plǫdim (при plodíti — plodím); póstiti se — pǫstim se, slóniti — slǫnim, tóliti — tǫlim, tóriti — tǫrim и 3) глаголы, не имеющие соответствия в русском литературном языке: kóliti — kǫlim, vkóniti — vkǫnim, sklópiti — sklǫpim. Что касается глагола mótriti, -im (вместо ожидаемого mǫtrim), то с приставкою он относится к другому типу акцентовки: razmotríti, -ím. Более заслуживают внимания глаголы, которые и в неопределенном наклонении имеют ǫ: kǫžiti se, -im se, okǫžiti, -im, но: izkǫžiti, -kǫ̂žim; zakǫtoriti, -im; lǫščiti, -im; ǫbliti, -im, но: izǫbliti, -ǫ̂blim; ǫljiti, -im (po-); skǫbljiti, -im (od-); osǫbiti, -im, но: poosǫbiti — poosǫ̂bim; osǫčiti, -im (при sočíti, -čím): все они, за исключением последнего, для меня неясного, имеют ǫ в infinitiv'e не под влиянием форм praesens'a, а под влиянием слов, образующих их: kǫža, kǫtva, lǫ̂šč, ǫbal, ǫlje, skǫbalj, osǫ̂ba (срвн. подобное же проникновение ǫ в глаголы первого типа акцентовки) совершенно подобно тому, как глаголы имеющие ǫ (из древнего носового гласного) сохраняют его и в неопр. наклонении: sǫditi, blǫditi, krǫžiti, tǫžiti (при praesens'e sǫdim и т. д.) под влиянием sǫ̂d, blǫ̂d, krǫ̂g, tǫga (срвн.: без ударения zobíti от zǫ̂b, krotíti от krǫ̂t).

§ 43. Причастия прош. врем. страд. зал. от глаголов на *-ити* в виду незначительности собранного нами материала не

138, Псалт.: положи́ши 25 об., приложи́тъ 13 об., 54 об., положѝтъ 30 об., положа́ть 105 об., возложѝть 68 об.

[1] Русское вскóчишь в говорах, знающих напряженное *o*, имело бы, я думаю, *ô*.

нуждаются в особом рассмотрении. В Ряз.: *спр҃шен, изнд҃шен* — напряженность *ѳ҃* подтверждается подобными формами из словинского языка: shǫ̑jeni, ulǫ̑mljeno (Хостник), gǫ́nen, prǫ́šen, zlǫ̑mljen (Rad, 132, 139); naklǫ̑njenost, предполагающее ǫ и в причастии; сербск. дȍношен. Повидимому, ѳ҃ здесь поддерживалось или даже возникало под влиянием форм настоящего времени. Что касается полбжени Псалт. 64 об., роѣ́ждно Тотемск. 103, *полбжен, залбжен* Ряз., то открытое *о* здесь находится в связи с таковым же *о* в формах настоящего времени (см. § 42).

§ 44. В формах аориста на *-охъ* при ударении на *о* всегда наблюдается *ѳ҃*. Сборн.: соблюдѳ҃хъ 13 об., снидѳ҃хъ 13 об. (170 об.), прїидѳ҃хъ 100 об., 235, встрасѳ҃хса 112, впадѳ҃хъ 128, ѡбрѣтѳ҃хъ 183, возмѡгѳ҃хъ 195 об.; оумр҃ста 312; прѡидо҃хо^{м} 269 об.; идѳ҃хо^{м} 172 об., прїидѳ҃хомъ 185 об., -о^{м} 238, рекѳ҃хомъ 133, 164 об., принесѳ҃хомъ 9, ѿвергѳ҃хомса 130 об., изнемогѳ҃хо^{м} 237; прїидѳ҃сте 69 об., изнемогѳ҃стѣ 70; нарекѡ҃|ша 259 (272 об.), погибѡ҃ша 278, потра|сѡ҃шаса 301, оуспѡ҃ша 274 об., прейдѡ҃ша 278 об.; попекѳ҃ша 316, ѿбѣгѳ҃ша 223, ѿвергѳ҃шаса 195, падѳ҃ша 174 об., принесѳ҃ша 160 об. 174 об., 176, ѡбрѣтѳ҃|ша 71, прѡбодѳ҃ша 115, прейдѳ҃ша 130, прїидѳ҃ша 147 об., 193, 232, 235, прѡ|идѳ҃ша 166 об., пожгѳ҃ша 147 об., оумрѳ҃ша 150 об., изомрѳ҃ша 227 об., исторгѳ҃ша 196 об. Псалт.: идо҃хъ 48 об., исчезо҃хъ 52, воздви|го҃хъ 168 об., исхо҃хъ 138, нево|змѡго҃хъ 53 об., оуглебо҃хъ 89, сътрасо҃хса 156; пожрѳ҃хъ 33, возведѳ҃хъ 178 об., 179 об., снидѳ҃хъ 215 об., изыдѳ҃хъ 203 об., ѿверзѳ҃хъ 174 об., привле|кѳ҃хъ ib., во|знесѳ҃хъ 183 об., прибѣгѳ^{х} 195 об., въздвигѳ҃хъ 30, несѣдѳ҃хъ 31 об., ѡбрѣтѳ҃хъ 161 об., текѳ҃хъ 76, -ѳ҃хь 167 об.; введо҃ста 56 об., срѣто҃стаса 117; прѡидо҃хомъ 84 об., ѡбрѣто҃|хомъ 183 об.; сѣдѳ҃хомъ 189, съблю|дѳ҃хомъ 216; изрекѡ҃|стѣ 84 об., вознесо҃стѣса 183, изнемого҃стѣ 156, исчезо҃стѣ 174, изведо҃стѣ 175, ѿрыго҃стѣ 177; оунзо҃ша 49 об., пожро҃ша 149 об. bis, сътро҃ша 212 об., со|схо҃шаса 137 об.; нарекѡ҃ша 64 об., сѣдѡ҃ша 167, завжего҃ша 99 об., небрего҃ша 164, ѿверзо҃ша 26 об., ѿверзо҃|шаса 154,

изче|зо̑ша 171, спасо̑шасѧ 26, оу҃молко̑ша 152 bis, прейдо̑ша 144 об., прїидо̑ша 145 bis, 146, 208 об., о҆быдо̑ша 154 об., 163, снѣдо̑шѧ 149, -а 145 об., по҆а҆до̑ша ib., а҆до̑ша 28, потеко̑ша 146 bis, разсѣко̑ша 99 об., навы|ко̑ша 149, о҆хрѡмо̑ша 22 об., нео҆брѣто̑ша 102, 150 об., вознесо̑ша 152, паро̑ша 46, про|заво̑ша 128 об., прѡнико̑ша ib., непремого̑ша 182, возмѡго̑ша 193 об., возмо‖го̑ша 25 об. и 26; пожро̑ша 208 об., оу҃глебо̑ша 11 об., о҆брѣ|то̑шасѧ 161 об., и҆знемого̑ша 151, -а 210, ѿверго̑шасѧ 109, погразо̑ша 204 и 204 об., о҆бы|до̑шама 163 об. bis, взыдо̑|ша 179, прѡи҆до̑|ша 205, сѣдо̑ша 179, паро̑ша 25, напраго̑ша 47, -а 13 об., и҆счето̑ша 27, и҆звеко̑ша 47. В Псалт. замечено одно исключение: и҆знемого҆хъ 121.

Штокавское наречие сербского языка своими восходящими ударениями предыдущего звуку *о* слога ясно показывает на древнее восходящее ударение этого *о:* плѐтох, плѐтосмо, плѐтосте, плѐтоше; трéсох, трéсосмо, трéсосте, трéсоше; протéгох, протéгосмо и т. д.

§ 45. В причастии настоящего времени страдательного залога о̂ при ударении на нем обычно. Сборн.: блюдо̑ма 278 об., и҆ско̑|маго 264 об., пасо̑мы҆ 247, неоу҃гасо̑ма ѥ̑ 24 об., что̑мъ 267, что̑ма 289 об.; блюдо̂ма 275, небрего̂мыи 33 об., жго̂мы 328 об., женôми 124 об., и҆ско̂мое 140 об., пасо̂мы҆ᵐ 215, 244, пасо̂|мїи҆ 243. Псалт.: несѣко̑мыи 160.

Сравнение этих форм с сербскими и словинскими невозможно, за отсутствием таковых.

§ 46. Сербский язык со словинским своими нисходящими ударениями за҆кла̂т, не҆ закла̂то; zmlȇt, oplȇt заставляет предполагать открытое *о* в ко́лот, мо́лот, по́лот, однако оба мои источника, в которых встречаются подобные причастия, указывают напряженное *о̂*. Тотемск.: ispôloto, Ряз.: *мо̂лот, ко̂лот,* гряда *отпо̂лота.* Объяснить происхождение здесь *о̂* довольно затруднительно. Однако укажу, что сербский и словинский языки, в отличие от русского, в глаголах, которые имели на корне восходящее ударение в причастии на *-л*: сербск.: бӣо — бӣла, крӣо —

крӣла, нàдуо се — нàдула се и др.; слов.: bìl — bíla, krìl — kríla, в причастиях на *-т* вместо восходящего имеют нисходящее; сербск.: бȋт, ӣзбȋт, крȋт, сȁкрȋт, нȁдȗт; словинск.: pobît, skrît; русский же язык и в последних причастиях неподвижностью ударения указывает на восходящее ударение: *уби́т, покры́т, заду́т* и т. д. Древность, повидимому, на стороне сербского и словинского языков. Отсюда возможно допустить, что в русском языке после того, как развилось полногласие, причастия на *-т* изменили по каким-то причинам нисходящее ударение в восходящее,[1] а так как в *молот, колот, полот* было уже *-о́ло,* то изменение в последних ограничилось лишь переходом *о́* в *о̂*.

§ 47. Кроме того, напряженное *о̂* в открытом срединном слоге имеют следующие наречия. Сборн.: докô|лѣ 108; дотô|лѣ 271 об.; ѿтô|лѣ 146 об., 200 об., 267; Псалт.: докӧ̑лѣ 79, 99 об., 110, 111 об., 113 об., 124 об., 126, 129 об. bis; докô|лѣ 5 об., 7, 15 несколько раз; ѿтӧ̑лѣ 102, 139; Грязов.: *оттô|ля;* Ряз.: *докô|ле.*

ГЛАВА VII.

Напряженное *о̂* в закрытом срединном слоге.

§ 48. Имена сущ. муж. рода двухсложные, имеющие *о̂* в слоге перед исчезнувшим глухим, а также j, Ряз.: *кô|злы, вô|йлок; кô|злик, кô|нчик.*

§ 49. Имена сущ. женск. рода двухсложные, имеющие *о̂* в слоге перед исчезнувшим глухим. Сборн.: пӧ̑лъса 106 об., -ѣ 100, -ѕ 39; напӧ̑лзѕ 274, напô|лзѕ 6, 7 об., пô|льзѕ 158, пô|льзы 239. Тотемск.: Tôtma 46, но: bó|pa. Ряз.: *пô|льза, бô|йня, прô|сьба.*

§ 50. Звук *о̂* в именах сущ. ж. р. с суффиксом *-ка* обычен. Сборн.: кô|тка[м] 152 об.; Тотемск.: nôška, vôtka, łôtka, vdôfka, kôška, dvô|jka, trô|jka 38, gołôfka, dorôška 43, nasxôtku 47, po-

[1] В памятниках в причастии на *-н* корень *кла-* переносит ударение на приставку: за́к'лана Хрон. 185, за́кланъ Сборн. 1647 г. 68 об., -ѕ ib. 120 (срвн. зак'ла́нъ Новг. Лет. 388 об., -ни 389 об.).

strộjka 38; исключение prórka; правильно: bóćka 38; Грязов.: *гóрка, кóрка, кóшка, страхóфка;* Костр. Шунг.: *стуóйка* 7; Ряз.: *гóрка, вóдка, лóмка, кóшка, лóдка, нóска, нóжка, стрóчка, трóйка, пóлка, сóшка, скóрка* (= корка), *голóвка, корóбка, сноровка* (срвн. применительно к существительным именам с суффиксом *-ък-: скóрочка, гóрочка, лóдочка, вóдочка*); *ворóвка, плутóвка, торгóвка; улóвка, нахóдка, похóдка, обнóвка, подпóрка, убóрка, обóрка, повóзка, заслóнка, пострóйка, в догóнку, обстанóвка*, исключениями являются: *кóвка, нóчка, кóсточка, скóбка, прóбка, подкóвка;* правильно имеют открытое *о* (из *ъ*): *дóчка, лóшка, крóшка, пóчка, кóчка, сóтка, тóчка; золóвка, иóлок, цепóчка.*

Сербск. дѐвōjка, трг̀ōвка указывают, что при ударении на предпоследнем слоге имена сущ. этой категории имеют восходящее ударение; двухсложные чак. slánka, stránka, bárka, májka (при шток. mâjka, двōjka, трōjka, лōвка) указывают на то же ударение. В слов. языке здесь обычно наблюдается ǫ, но при близкой ассоциации с производящим словом вместо ǫ может быть *о:* при dvǫ̑jka, trǫ̑jka, nǫ̑žka, rǫ̑vka, slǫ̑vka, sǫ̑pka, sǫ̑vka, trǫ̑ška, а также lǫ̑mka, stǫ̑jka, tǫ̑njka, имеется kǫ̑stka, rǫ̑dka, rǫ̑žka под влиянием kǫ̑st, rǫ̑d, rǫ̑g; при prislǫ̑vka, а также sirǫ̑vka, devǫ̑jka, rogǫ̑zka, zahlǫ̑pka, pokrǫ̑vka, имеется nadgǫ̑rka, podnǫ̑žka, primǫ̑rka, sirǫ̑tka, под влиянием na gǫ̑ru, pod nǫ̑gu, pri mǫ̑ri, sirǫ̑ta; им. сущ. с суффиксом *-ov-*, повидимому, всегда имеют ǫ: borǫ̑vka, sinǫ̑vka, trgǫ̑vka и т. п. В чешск. яз. здесь довольно часто наблюдается *ů:* kůstka, půlka; libůstka, milůstka и другие многие на -ůstka; hospůdka, lahůdka, jahůdka; pomůcka, podkůvka, předhůrka, pohrůzka, snůška, pochůzka; borůvka, rakůvka, rohůvka.

§ 51. Напряженное ô имеется в именах существительных среднего рода с суффиксом *-ьс-:* ворôтце[м] дат. пад. Сборн. 213; *кóльца* мн. ч. Ряз., *кóльцям* Грязов.; слов. kǫ̑lce, -čece; срвн. правильно *о* из *ъ:* ѻ҃кѡ́нце Сборн. 20, вокóнце ib., ѻ҃сб|лнъцы ib. 250 об.; сóлнце Псалт. 142 об., сóлнца род. пад. ib. 75 об.;

sóńće Тотемск. 84, *сóлнце* Ряз. Отметим здесь же *o* в okóško Тотемск. 39.

§ 52. В соответствии колебанию в русских говорах напряженного *ô* с открытым в словах муж. рода с суффиксом *-ж-*, сложенных с приставками: *облôмков* Грязов.; *облôмки, обнôски, отрôсток* Ряз. и рядом *подмóстки* Ряз., наблюдается колебание *ǫ̂* с *ǫ̂* и *ô* в словинском яз.: oblǫ̂mak (iz-, od-), zanǫ̂sak и premǫ̂stak; приведем еще примеры на тот и другой звук: obǫ̂rak, obrǫ̂dak, odskǫ̂čak, ogǫ̂nak, otǫ̂čak, potǫ̂mak, ulǫ̂vak, ukrǫ̂jak, dohǫ̂dak, izkǫ̂pak, izvǫ̂dak, nadgrǫ̂bak, naklǫ̂nak, odpǫ̂rak, namǫ̂tak, obglǫ̂dak, razkǫ̂ljak, razmnǫ̂žak, vzǫ̂rak, zatǫ̂nak; opǫ̂rak, oddǫ̂jak, dogǫ̂dak, izgǫ̂rak, nadrǫ̂bak, nalǫ̂žak, naslǫ̂nak, ognǫ̂jak, okǫ̂lak, pomǫ̂čak; okôvak, oslobôdak, ovôjak, nabôdak (срвн. izlǫ̂čak, где ǫ̂ из носового звука). Срвн. сербск. дòходак, прѝплодак, òбломак, òбложак, зàгризак, пòдзимак, ỳзглавак. Чешский язык имеет *ů* у тех слов, которые без суффиксов *-žk-*, *-lk-* имеют *o*, и наоборот: drůbek (и drobek), klůcek, bůček (и boček), růvek (и rovek), můsek, plůtek, růžek, můstek (и mostek), brůdek, krůvek, tvůrek (narůdek, pohůnek, parůžek, poklůpek, schůdek, potůček),[1] но: volek, stolek, domek, dvorek, nožejček (okolek, přidvorek, přidomek), есть исключения: bůžek, důlek и hrobek; здесь же приводим: javůrek, ostrůvek, topůlek, jablůnek, živůtek.

§ 53. В именах существительных ср. рода с суффиксом *-ьstv-* обычно наблюдается *ô*. Сборн.: довôльство 71 bis, ѝнепокôрьствѣ 102 об., непо|кôрьство^{м} 196; нейстôвство[2] 273 (ударение ´ над ѝ перечеркнуто); непомнôжествѹ 36 об.; достôйньствѡ^{м} 161; Псалт.: непокôрства 222 об.; мнôжъство 37 об., помнôжеству 150, 217 об. (см. еще 147 об., 198, 200, 204 об.), премнôже-

---

[1] Чаще с *o*: obložek, oblomky, zarodek, pohrobek, odkrojek, přednovek и т. д.

[2] Такая акцентовка изредка возможна в великорусских памятниках: неистóвства Новг. Лет. 478 об. (но: нейстово Хрон. 154; писец летописи и хронографа один и тот же); нейстóвьства Злат. 105 при нейстóви ib. 105 об., нейстóвыѧ ib. 86, ѥстóваѧ ib. 88: нейстóвствѣ Кормч. 1650 г. 26 об. (но: нейстовъ ib. 434, нейстовныѧ ib. 254 об.); срвн. еще истóвоѥ Нов. Зав. XIV в. 127 об.

ства 1 об.; Вологодск.: udovôlstvo, sirôtstvo; Ряз.: *свôйство, знакôмство*.

Срвн. слов.: mnǫ̂štvǫ, svǫ̂jstvǫ, nedovǫ̂ljstvǫ, pokǫ̂rstvǫ (срвн. еще: bǫ̂štvǫ, dvǫ̂rstvǫ, kǫ̂njstvǫ, plǫ̂vstvǫ, slǫ̂vstvǫ, rǫ̂bstvǫ, snǫ̂vstvǫ, vǫ̂jstvǫ, otrǫ̂štvǫ, gospǫ̂dstvǫ, razdvǫ̂jstvǫ, razstrǫ̂jstvǫ, obstǫ̂jstvǫ, potǫ̂mstvǫ, pretvǫ̂rstvǫ, upǫ̂rstvǫ, samǫ̂tstvǫ, bogǫ̂vstvǫ, popǫ̂vstvǫ, oslǫ̂vstvǫ и др.). Что касается: 1) sirǫ̂štvǫ, то здесь *ǫ* под влиянием sirǫ̂ta (= русск. *сúрота*), срвн. pomǫ̂rstvǫ (под влиянием pomǫ̂rje, которое в свою очередь под влиянием mǫ̂rje), а 2) dostojânstvǫ — заимствование из сербского языка. В bôrstvǫ, gôrstvǫ, lôvstvǫ, как и в rójstvǫ при rojstvǫ следует видеть оттянутое ударение.

§ 54. Имена прилагательные с суффиксом -ьп-, не осложненные приставками и имеющие перед суффиксом один слог или два, явившихся через полногласие, в памятниках обыкновенно имеют *ô* в членных формах. Сборн.: вôлнꙋю 36, вôлно° 76 об.; вгôрнѣи кнúсѣ 104, гôрнаа 265; злôбнаа 273 об.; пôстныи 162, впôстныа 164, ѿпôстны[ѫ] 133; Псалт.: вôлнаа 173. В нечленных же формах может быть открытое *о* в том случае, если и производное слово имеет таковое. Сборн.: йбщóленъ 205 об.; мóщнѡ ѣ 40, 103, 133 об., немóщнѡ ср. р. 147 об., ймщúщны мн. ч. 143; здесь же упомянем: стрóпотнѡ 225 (221); срвн. *бóль, мóщь* (см. § 11), *стрóпот*. Если же производное слово известно с *ô*, то это *ô* является и в нечленной форме имени прилагательного. Сборн.: свôйственно 274 об., 288 об., не- 317 об.; нестрôинъ 75; Псалт.: вôленъ, срвн. *свôйство, вôля, стрôй*. Исключение представляет скúтнѡ Сборн. 263 об., где мы ожидали бы *ô*. Что касается *ô* в имени существительном, по своему образованию имени прилагат.: вôйнъ Сборн. 10, вôини ib. 111 об., то в пользу *ô* говорит выдержанная акцентовка корня при склонении слова: о вôине — вôины — о вôинах и так в других падежах.

Данные Тотемск. соответствуют показаниям памятников: при bólńö 81, 88, xólodno 43 имеются: rôvnoj 42, pôźńöj 39, kôńej

36, 53, gołôdnoi̯, xołôdnoi̯, mołôšnoi̯ 43 (срвн. еще Грязов.: *молôшной, холôдна*); в móžno 128 мы ожидали бы ô; срвн. *мóжешь*. Здесь же отметим Тотемск. połôtńanoi̯ 43.

Обращаясь к данным из Ряз., мы сталкиваемся с проникновением открытого *о* из нечленных форм (а равно и слов производных) в членные, в которых на основании соответствий *хóлодно — холóдный, гóлодно — голóдный*, а также срвн. чак. dûžăn — dúžnĭ, glâdăn — gládnĭ, râvăn — râvnĭ, и полнейшего отсутствия энклизы при предлогах, возможной от нечленных имен прилаг., мы ожидали бы в согласии с памятниками видеть *ô;* не только *тóмно, бóльно, плóтно, грóзно, рóвно,* но и *гнóйный, гóрный, грóзный, знóйный, плóтный, пóтный, прóбный, рóвный, сóрный, сóчный,* хотя *рóдный.* Другие случаи имеют *ô: вôльный* и *вôльно (вôльность), дôйная корова, кôпный, молôчный, пôздний* и *пôздно, пôстный, прôчный, скôтный, стрôйный, хвôный, холôдный, шкôльный,* но: *можно* с открытым *о*, как и в Тотемск.

В словинском языке замечается однородное с русским языком явление: характер звука *о* зависит от производных слов, с одной стороны, имеем: kǫ́žan, kǫ́van, lǫ́man, lǫ́žan, mnǫ́žan, mǫ́čan, mǫ́žan, rǫ́čan, vǫ́ljan, škǫ́dan, hǫ̂jan, glǫ̂tan, mnǫ̂štvan, pǫ̂štan, rǫ̂žan, strǫ̂jan, svǫ̂jstvan (срвн. kǫ́ža, kǫ̂v, lòm — lǫ́ma, lǫ́že, mnǫ̂g — mnǫ́ga, mǫ́ča, mǫ́žeš, ròk — rǫ́ka, vǫ́lja, škǫ́da, hǫ̂ja, glǫ̂ta, mnǫ̂štvǫ, pǫ̂šta, rǫ̂ža, strǫ̂j, svǫ̂jstvǫ), а с другой, dǫ̂man, dvǫ̂jan, lǫ̂jan, ǫ̂čan, plǫ̂tan, skǫ̂zan, sǫ̂lan, stǫ̂jan. trǫ̂jan[1] (срвн. dǫ̂m, dvǫ̂j, lǫ̂j, na ǫ̂ko, plǫ̂t, skǫ̂z, sǫ̂l, stǫ̂, trǫ̂j), повидимому, это ǫ̂ остается и в членной форме: dǫ̂ljnji, gǫ̂rnji (dǫ̂ł, na gǫ̂ro), впрочем, у Хостника skǫ̂zni. Большинство же имен прилагательных с суффиксом -ьn- в слов. яз. в нечленной форме имеют акцентовку, указывающую на древнюю наконечную, напр.: bóčan, bójan, bółan при bolân, bóran, brójan, dójan, dróban, dróžan, dvóran, gnójan, gódan, gółan, góran, góstan, gózdan, gróban, gróman, grózdan, grózan, hódan, hótan, kópan, kósan, kóstan, krójan, krótan, króvan, lóvan, móstan, móčan и močnǫ̂, nó-

[1] Мне известно два исключения: brǫ́dan, kǫ́łan (kǫ̂łno) при brôd, kolǫ̂.

čan, nósan, nóžan, plódan, plóščan, plóvan, póstan, pótan, pózdan, ródan, rósan, róvan, róžan, skóčan и skočân, smólan, snóvan, sóčan, sópan, stólan, svójan, tvóran, vódan (от vóda и vóditi), vójan, vózan, zlóban и zlobân, znójan, zóran и др.; срвн. русск. *силён, чудён, красён* и т. п., которые часто отличаются от словинских тем, что в памятниках в других формах, за исключением им. пад. ед. ч. ж. р. и им.-вин. пад. мн. ч. ср. р., имеют накоренную акцентовку. Псалт.: страшéнъ 102, дивéнъ 88 об., но: стрáшнω 135, дúвнω 102; страшéнъ Торж. XVI в. 241, но: воѡбразѣ стрáшнѣ ib. 235; впрочем: волéнъ Улож. 69 — вольнò ib. 3 об., 34.

В членной форме эти имена прилагательные в словинском языке, изменяя ударение ´ на ^, вместе с ним иногда изменяют и качество *o:* при gôzdni, grôzdni, hôtni, kôstni, lôvni, stôlni мы имеем не только nǫ̑sni, rǫ̑dni, rǫ̑žni, pǫ̑tni (под влиянием nǫ̑s, rǫ̑d, rǫ̑g, pǫ̑t), но: gǫ̑rnọ (горное право), plǫ̑dni. Последнее под влиянием plǫ̑d, а первое, может быть, по той же причине, что и русское *гóрный* (из памятников), т. е. вследствие восходящего ударения, получавшегося специально в членной форме (срвн. русск. *холóдный* при *хóлод*).

Что касается Ряз. *спóрный* (выгодный) с открытым *o* при слов. spǫ́ran, -rna, то производящее их имя прилагат. слов. spòr — spǫ́ra, может быть, и не соответствует своей акцентовкою русск. *спор* (срвн. слов. ròk — rǫ́ka, а в шток. rôk — rȍka); шток. спȏр, -а, -о при нéспор, -а, о, может быть, более подтверждает открытое *o,* срвн. нȏв, -а, -о и нâново.

В заключение отметим имена прилагательные с суффиксом -ьn-, имеющие *ó* из *ъ*. Сборн.: дóлжни 5, дóлъжни 29, 323 об., дѡ́|лъженъ 110, дóлъженъ 263, 323; скѡ́ръ|бны[ѫ] 143; здесь же упомянем: бóдреною 140 об., сóлънечны[ѫ] 190 об., 259 об.; Псалт.: лóжь|наа 52 об.; Ряз.: *дóлжный, крóвный, лóжный, скóрбный, сóнный.*

§ 55. Имена прилагательные с суффиксом -ьn-, не осложненные приставками и имеющие перед суффиксом два и более сло-

гов, при ударении на *о* в слоге перед суффиксом имеют таковое напряженным, как в памятниках так и говорах. Сборн.: жи|во̑тныа 15 об., живо̑тнѡю 318 об.; нираво̑тны[x] 212 об.; хѵдо̑жне 30, пѵ|сто̑шныи 124 об. и 125; Псалт.: госпо̑дне 145, 162 об., 181 об., 182 об., -а ж. р. 162 об., р. п. ib., мн. ч. 157 об., -и 218 об., -ю в. п. 199, -ихъ 190, госпо̑день 158, госпо̑дне 159, 162, 180, -а р. п. 148, ж. р. 147, 163 об., ср. р. ib., -ю 189; живо̑тнаа 143, живо̑тнѡ 199, -ѵ дв. ч. 212; рабо̑тна 171 об.; очень интересно мозо̑чна 84 об., в котором *о* не из ъ, а вставочное; ѡ̑во̑|щнѡе 110 при одном исключении вра́та госпо́дна 164; Тотемск.: słobôdôn 39, 127, kołokôłna 38 (имя сущ.); Костр. Шунг.: *льнуо́тной, безольгуо́тной* 22; Ряз.: *живо̑тный, колоко̑льный,* но: *око́нный, стеко́льный, трехуго́льный, песо́чный.*

Слов. živótan, lagótan, slobódan, gospódnji имеют наконечную акцентовку (срвн. русск. *овощно́й* при «ово́шенная лавочка»); rabo̯tan — под влиянием rabo̯ta, и только ovo̯čan, -o̯čni вполне отвечает старорусскому (и диалектич.) *овощный* (срвн. еще ѡвощ̑ное Новг. Лет. 557). Сербским ра̀ботнӣ подтверждается рабо̑тный. Что же касается шток. пу̏стошан, сло̀бодан, жи̏вотан, то они имеют акцентовку нечленных имен прилагательных. Такую акцентовку имели и др. русские памятники в слове *свободен:* (Нов. Зав. XIV в.: сво́бодни 84 об., но: ѿсвобо́дныа р. п. 123 об. и ѿ̑свободны́а ib.; Торж. XVI в.: сво́бодень ib. 685 об., сво́бодни же ib. 336 и свобо́дна р. п. 20 об. по аналогии к членной форме, но: свобо́дныа р. п. ib. 586 об. и свободна́го 586). Отношение *сво́боден* шток. пу̏стошан к *свобо́дный, пусто́шный* мне напоминает однородное отношение *хо́лоден* к *холо́дный;* срвн. еще при *ве́чер — вечёрний* (шток. вѐчȇрнӣ, но: чак. vȅčērnī̏ и слов. večę̑rnje применительно к vȅčēr — večęr), при *о́сень — осе́нний,* при *по́мощь — помо́щник,* при *ро́скошь — роско́шный,* при *до́черь* — съ дочёрнымъ Улож. 28 об., 194 об. (но: ма́тернею ib. 140: ибо за́дочерью ib. 49, 278, за́дочь ib. 323 об., но: нама́терь ib. 16 об., 58 об., 324), при *пре́лесть* — прелёстныхъ

Сборн. 143 об., при *о́блак* — сто́лпъ ѡбла́|ченъ Пал. XVI в. 62 об. (срвн. *о́блачный* приноровление к *о́блак*), при *тре́пет* — трепе́тнаѧ Сборн. 121 об. и т. п.

В нечленной форме подобные имена прилаг. имели, вероятно, открытое *о:* Ряз. *бо́язно* при *богобоя́зненный.*

§ 56. Имена прилагательные с ударенным суффиксом -ôv- перед суффиксом -ьn- обыкновенно имеют в -ôv- напряженное ô. Сборн.: верхо̑вныи 274 об., 295 об., верхôвныи 125 об., 165 об. (244), винô|внѡ ср. р. 154 об. (155 об.), винô|вна р. п. 322, вогрѣхôвныѧ 29, ѿгрѣхôвны[x] 236 об., садôвныи 37, исключениями являются: верхô|вныи 295, нейстóвнаѧ 72 об. и часто встречающееся, всегда написанное под титлом, *духóвный:* дх҃ѡ́вно 16, 24 об., 76 об., дх҃ѡ́внаѧ 18 об., 127 об., дх҃ѡ́|внагô 48 об., см. еще лл. 4 об., 17, 27 bis, 35, 39 об., 40, 42, 110, 127 об.,[1] один раз написано через *о:* дх҃ôвныи 40 об.; Псалт.: грѣхô|вными 222/222 об.; Тотемск. vinốvôn 39, кроме того: Ṕotrôvna 37; однако в Ряз. здесь обыкновенно наблюдается открытое *о: винóвный, грехóвный, духóвный, сынóвний;* непонятно, чем оно обусловлено; но в именах существительных с такими же суффиксами обыкновенно наблюдается *ô: часôвня, жарôвня, попôвна.*

Слов. язык при ударении на -ov- обычно имеет ǫ: blagǫ́vаn, bledǫ́vаn, borǫ́vаn, domǫ́vаn, duhǫ́vаn, gladǫ́vаn, glasǫ́vаn, gnezdǫ́vаn, gostǫ́vаn, gradǫ́vаn, klasǫ́vаn, kupǫ́vаn, ledǫ́vаn, listǫ́vаn, skalǫ́vаn, vrhǫ́vаn и т. д.; срвн. также шток. грòмôвнй, кỳпôвнй, врх̀ôвнй (рядом возможна наконечная и накоренная акцентовки: светòвнй, годồвнô, мирòвна[2] и да̏рôвнй, ду̏хôвнй; последние, вероятно, под влиянием нечленных имен прилагательных).

---

[1] Появление открытого *о* здесь, по моему мнению, обязано чисто графическим причинам: писец после двух согласных написал *ѡ* (см. об этом приеме в § 1), над которым он не ставит ˆ, а только ´.

[2] Наконечная акцентовка таких имен прилагат. обычна в малорусск. наречии (данные по словарю Желеховского): баришівнé, будівни́й, бунтівни́й, вандрівни́й, варівни́й, верхівни́й, ґаздівни́й, медівни́й, пантрівни́й, пастівни́й, рожівни́й, станівни́й, чарівни́й и др. Интересно, что при ударении на суффиксе

§ 57. Имена прилагательные с суффиксом -ьп-, осложненные приставками, обыкновенно имеют *о* и в членных, и в нечленных формах.

Сборн.: ѻсо|бо̑рнѡи 131 об.; приво̑дни ѐсмь̀ 238; безво̑денъ 203; дово̑ленъ 108, дово̑лни 169 об.; оу̯го̑днѡе 12; по|до̑бенъ 239 (19 об.), подо̑бнѡ 24 об. (253), подо̑|бни 9, подо̑бнаѧ 7 об., 119 об., подо̑бенъ 69 об., -бне 23-2 об., -бнаѧ 7 об., -бнꙋ̀ю 130 об., -бны[м] 27; оу̯до̑бнѡ 26 об.; незазо̑рна р. п. 198, зазо̑|рны[м] 132, любозазо̑|рны[м] 214; неоу̯кло̑ннѡ 324 об.; неоу̯кло̑ненъ 75 об., неоу̯|кло̑ннѡ 234; покло̑ннѡю 18 об.; незако̑ннѡ 10, зако̑ннаѧ 26 об.; непрело̑жными 27, пре|ло̑жнѡ 210, не҃ло̑жна ср. р. 150, -ны р. п. 157 об.; возмо̑жнѡ 26 об., не- 103, 142; возмо̑жнѡ ср. р. 15, пово[в]мо̑|жнѡмꙋ̀ 316; беспло̑днѡ 203; прейспо̑дни[х] 116 об.; наро̑чно 314, непо|ро̑ченъ 261, непоро̑чны 40;

-ов- обычного удлинения не наблюдается, напр.: верхо́вний, вино́вний, гріхо́вний, гурто́вний, ґвалто́вний, ґусто́вний, духо́вний, ефекто́вний, жиро́вний, зімо́вний, їнтересо́вний, исто́вний, ладо́вний, листо́вний, людо́вний, рантóвний, сано́вно, сино́вний, скарбо́вний, сорте́вний, судо́вний, хісно́вний, ці́но́вний, безчино́вний, чудо́вний, шано́вний и т. п.; исключения из другого ряда редки: купі̀вний, мандрівний, чарівно — годовни́й, ситовни́й. То же самое наблюдается в именах существительных на *-овник:* баришівни́к, бобівни́к, вагівни́к, вандрівни́к, вартівни́к, вербівни́к, горохівни́к, градівни́к, домівни́к, дубівни́к, карбівни́к, ладівни́к, лусківни́к, мандрівни́к, медівни́к, предметівни́к, мудрівни́к, пастівни́к, пунтівни́к, рабівни́к, поратівни́к, рогівни́к, садівни́к, скусівни́к, столівни́к, старівни́к чарівни́к, чатівни́к, числівни́к (в словаре Желеховского я заметил одно исключение: бездомівник); блохо́вник, бронзо́вник, бубо́вник, будо́вник, буко́вник, бунто́вник, верхо́вник, вино́вник, гербо́вник, гурто́вник, годо́вник, дїдо́вник, дубо́вник, дубро́вник, духо́вник, кардо́вник, квіто́вник, клопо́вник, книго́вник, кроото́вник, липо́вник, листо́вник, пило́вник, півко́вник, псо́вник, рисо́вник, просїдо́вник, солодо́вник, чато́вник, чино́вник и др. (исключений здесь больше: бобровни́к, боровни́к, гордовни́к, картовни́к, мозговни́к, роговни́к, садовни́к, солодовни́к, столовни́к, толковни́к, торговни́к, тростовни́к, чатовни́к и, может быть, нек. др.). Является вопрос, что это, заимствования из других говоров, не знающих удлинения *о* перед исчезавшим ь, или дубликаты, обусловленные различным местом ударения, — вопрос, который я здесь не буду решать, а укажу, что подобное колебание наблюдается и в других категориях слов в устах одного и того же человека (см. Етн. Збірн. т. VIII, стр. 21: во́йна-во́йну, до во́йни bis и до війни́ quater, т. XIII, стр. 74: ў ті во́йны́ и по скінчењу війни́). Не находится ли в связи с этим явлением вышеотмеченное отсутствие напряженности *о* в Ряз.?

ѡсо̑бнѡ 255 об., ѡ̀ѡсо̑бны[х] 197 об., ѡсо̑|бнѡе 121; ѡсо̑бнѡ 168 об., -нѣ 327, -ны[х] 212 об., ѡ̀ѡсо̑бны[х] 132; недосто̑|инъ 33 об., недосто̑инѡ 24, -на 23-2 об., -ныи 17, 17 об., 128 об., -наго̑ 136, -ны[х] 276 об., досто̑инѡ 14 об., -на 25 об., -нѣ 276 об., -ныа 249 об.; (не)досто̑йнъ 13 об., 38 об., 104 об., 166 об., 167, 175 об., 228 об., досто̑ини 200, недосто̑ина 9 об., 232 об., -и|ныи 128 об., недосто̑|йне 11 об.; замечено четыре исключения: безго́|дныи тр҃дъ 125, оу҃дбе|нъ 41 об., сро́|днѡмѵ́ 295 об., скро́внѡ 168 об., похо́тныа 253 (срвн. правильно: нело́жнаго 27, -ѡмѵ́ 263, ѿнело́жны[х] 219 об.; безмо́лъ|вно 7, -ъ|внѡ 196 (18 об., 242 об.); прискѡ́рбенъ 7, 114, -рьбныи 162; бе[в]сѡ́|нны 185. Псалт.: вбезво̑дныхъ 146, -нѣ 148 (150 об.), безво̑днаа 195, -ноую 152 об., вбезво̑днѣ 208; подо̑бенъ 118 об., -бни 160 об., 187, преподобнїи 184, 201 об., 219 об., -ны[х] 223, -ымъ 201 об., непреподо̑|бна 56 об.; преподо̑бенъ 198 об., 199, -бнїѝ 198 об., -бнымъ 202 и в др. местах; поко̑инѣ 28 об.; впрейспо̑днихъ 191 об., вп|рейспо̑днаа 81; бе[в]|зарво̑чна 222 об., непоро̑чнѡ 171, непорво̑ченъ 21, -чнаа 207 об., -чнїѝ 165 об.; пото̑пныа 69; понепрѡхо̑днѣ 153; одно исключение: подо́бенъ 204 об. (срвн. прискѡ́рбна 55 об.). Тотемск.: dovôl̀no, spokôi̯no 39, narôšno, vostôšnoi̯ Их. 148 (при vostóšnoi̯), исключиние posóben 39, где в *o*, впрочем, О. Брок не уверен. Костр. Шунг.: *довуо́льно* 67. Ряз.: *побо́чный, обво́дный, подво́дный* (от *подво́да*), *привозный, наго́рный, удо́бный, поднóжный, перенóсный, спóрный* (оспариваемый), *подпóльный, ссóрный, осторóжно, простóрный, перехóдный;* однако нередко: *безбо́жный, безво́дный, подво́дный* (от *вода*), *бездо́мный, подро́бный, роско́шный, раско́чный* (= разгульный), *бесплóдный* при правильных: *бескро́вный, безмо́лвный, прискóрбный.*

Сербский язык обыкновенно в этих именах прилагательных указывает на древнее восходящее ударение на звуке *o;* шток.: бѐзбожан, бѐзводан, по̀дводан, у̀годан, по̀добан, за́зоран, по̀кбjнӣ (по̀носан), на̀рочно, до̀стбjан, прейспо̀дњӣ; чак.: pokójni, podôben

как и в русском языке (*нáбожный*), возможна и приставочная акцентовка dȍvǫ̑ljan.

В словинском языке в соответствии с вышеприведенными русскими словами обыкновенно наблюдается ǫ, которое бывает или и в членной, и в нечленной формах: pobǫ́čan (pri-), (nabǫ́žan, po-), privǫ́dan (от *водить*), brezvǫ́dan (от *вода*), dovǫ́ljan, privǫ́zan (do-, iz-), ugǫ́dan, podǫ́ban, udǫ́ban, pokǫ́jan, raskǫ́šan, prelǫ́žan, odlǫ́žan, vzmǫ́žan (po-), brezplǫ́dan, porǫ́čan (porǫ́dan), posǫ́ban, dostǫ́jan (iztǫ́čan), potǫ́pan, (obhǫ́dan, od-, na-, do-, s-) или только в членной форме: zbóran — zbǫ̑rni (но: izbǫ́ran — izbǫ̑rni), prenósan — prenǫ̑sni (od-, do-), spóran — spǫ̑rni, prehódan — prehǫ̑dni[1] (nazóran — nazǫ̑rni, nad-, po-, ob-, при zazóran членной формы не отмечено. Прилаг. osǫ̑ban и obvǫ̑dan имеют ˆ под влиянием слов, производящих osǫ̑ba и obvǫ̑d, а последнее само под влиянием obǫ̑d, где ǫ̑ обусловлено исчезнувшим v. Русским с открытым *о* в слов., повидимому, соответствуют podvódan — podvǫ̑dni (срвн. еще podnóžan — podnǫ́žni, predmóstan — predmǫ́stni), spǫ̑dnji, а также nagǫ́ran, sogǫ́ran (прилагательные же potrǫ̑jan, okǫ̑lan, pomǫ̑čan, pomǫ̑stan[2] и т. п. должны бы были соответствовать в русском языке словам в роде *нâбожен*).

§ 58. Имена существительные мужеск. р. на *-ик* и женск. р. на *-ица*, образованные от имен прилагат. с суффиксом *-ьн-* при

---

1 Такое чередование нередко, срвн. еще: nadgróban — nadgrǫ̑bni, navóran — navǫ̑rni, nadvóran — nadvǫ̑rni (pri-), pozóran — pozǫ̑vni, predpóstan — predpǫ̑stni, prestółan — prestǫ̑łni, zapóran — zapǫ̑rni (od-), zavójan — zavǫ̑jni (o-), obstójan, -ǫ̑jni, odbójan — odbǫ̑jni, okópan — okǫ̑pni, opójan — opǫ̑jni, opróstan — oprǫ̑stni, oslobódan — oslobǫ̑dni, podstójan — podstǫ̑jni, ustrójan — ustrǫ̑jni. Как будто бы причиной появления восходящего ударения на *о* и развития напряженности в нем было осложнение имени прилагат. членом; срвн. также: многие имена прилагат. этого типа, без приставок имеющие наконечную акцентовку, приобретают накоренную при осложнении с приставкою: pribǫ́čan (po-) -bóčan, raznǫ́žan, -nóžan, obhǫ́dan (ad-, na-, do-, iz-), -hódan, dovǫ́zan (iz-), -vózan, izkǫ́pan, -kópan, izrǫ́dan, -ródan и др.; русск.: безро́дный — родно́й, подно́жный — ножно́й. Вспомним также приобретение восходящего ударения именами сущ. муж. рода при осложнении приставками: *вóрот — оборóт*, *гóрод — огорóд*.

2 Срвн.: pogǫ̑voran, pregǫ̑voran — nerazgovǫ́ran, prezgovǫ́ran.

ударении на *о* в слоге перед суффиксом, обыкновенно имеют это *о* напряженное.

Сворн.: разбо̑иникъ 106, 122, кразбо̑иникѣ 312 об., ра[з]бо̑йникъ 240 об.; оу̯го̑дникъ 104 об., -а ib.; подобнѝ 172 об.; по|мо̑щникъ 28 об., помо̑щника 124; по̑|стницы 15 об., по̑стникъ р. п. 26, 246 об., впо̑стницѣхъ 295 об., спо̑стника 234 об. (по̑стническиⷨ 235, по̑стническаѧ 219, ѿпо̑стничествѣ 22 (кин. sic!), по̑стничества 31; и̯сто̑чникъ 203, -цы 307, и̯сто̑|чницы 113; но правильно: безмо́лъвникоу̯ⷭ 69 об., то́ръ|жникⷨ 217, что касается сѣпо́рникъ 12 об., то здесь *о* правлено; Псалт.: оу̯го̑дника 222 об.; безъзако̑нницы 48, 143 об.; помощникъ 41, 160 об. bis, 161, 163 bis, 173, 199 об.; помо̑щьникъ 204; и̯сто̑чникъ 222 об., -ки 141 об., -цы 219, вои̯сто̑|чники 160; Тотемск.: oftôrńik 36, 147, pokôi̯ńićok 36, исключения: dvoŕńik, płóťńiki 84; Грязов.: *сро̑дственник;* Ряз.: *пово̑йник, го̑рница, дво̑рник, покло̑нник, поко̑йник, зако̑нник, помо̑щник, коро̑вник (-ица), но̑жницы, по̑стник (-ица); клопо̑вник, письмо̑вник, полко̑вник (-ица), садо̑вник,* исключения: *пло́тник, мо́дница, чино̑вник (-ица), вино̑вник (-ица), полуно́чник (-ица).*

Сербский язык указывает в данных случаях древнее восходящее ударение: шток. по̀во̑јница, у̀годнӣк, по̀ко̑јнӣк, у̀то̑рнӣк; и̏сточнӣк — под влиянием и̏сточнӣ, и̏сто̑к, срвн. за̀точнӣк; гро̀мовнӣк, ста̀но̑внӣк. Что касается помо̀ћнӣк, то здесь другая акцентовка: колебание акцентовки (ударение то на конце, то перед суффиксом) в этих словах обычно не только в разных языках (русск. *духовни́к* — сербск. дӯховник, русск. *садо́вник* — слов. sadovník), но в пределах одного и того же языка (*ле́дник,* а у Крылова: *ледни́к*), даже в пределах одного литературного про-изведения; напр., в Ратн.: полко́вник 10 об., оу̯полко́вника 25 об., полко́вникѣ ib. и рядом полковникѣ 25, полковникѝ; в Лек. Памвы Берынды: чаро́внӣ 21 и чаровни|ка̀ 25; сѣнто́в- никъ 84 и сѣнтовни́къ 136.[1]

[1] Срвн. обычное колебание акцентовки у производных имен прилагат.: *перево́дный — переводно́й; оборо́тной — оборотно́й; заповедный — заповедно́й; нагру́дный — нагрудно́й; окру́жный — окружно́й* и т. д.

В словинском языке обыкновенно наблюдается *o:* razbǫ̑jnik, -ica;[1] ugǫ̑dnik, pǫ̑stnik (название месяца марта) при postník (один из случаев вышеуказанного колебания в акцентовке), iztǫ̑čnik, dvǫ̑rnik, povǫ̑jnik (gǫ̑rnik); pokǫ́jnik, -ica, polkǫ́vnik, nǫ́žnica; о pomočník срвн. сказанное выше. Что касается gǫ̑rnjica, то здесь ǫ̑- под влиянием gǫ̑rnji, которое в свою очередь под влиянием na gǫ̑ro; такое влияние в слов. языке довольно часто: okǫ̑lnik, -ica; (okǫ̑li), obnǫ̑čnica (nǫ̑č), срвн. Ряз. *полуно́чник, -ница,* pokǫ̑stnica (kǫ̑st) и т. п. Замечательно совпадение открытого *o* в трех источниках в слове плотник (Тотемск., Ряз. и слов. plǫ̑tnik), несмотря на то, что в памятниках *плот* имеет *о́* (см. § 64).

§ 59. Имена прилагательные с суффиксом -ьsk-: скѡ̑тъ|скѡ бо ѥ̑ се Сборн. 262 об., скѡ̑тьски нар. ib. 71 об., кѡ́нстѣ̀ Псалт. 200 об., zavǫ̑tskoi Тотемск. имеют *о́* применительно к *скѡ́т, кѡ́нь, завѡ́д* (срвн. слов. kǫ̑njski, zavǫ̑dski); в гѡ̑|рскїа Псалт. 215 об. возможно *о́* такого же происхождения, как в *го́рний* (см. § 54); слов. górski имеет оттянутое ударение так же, как в póljski, mórski, sółski. Что касается бо́жьски Сборн. 110, то здесь *о,* может быть, обязано нечленной форме (но возможно влияние производящего слова, распространяющееся и на членную форму, срвн. слов. grǫ̑mski), срвн. *по́-городски* Арх. Шенк. Изв., а также срвн. несколько ниже. Правильно открытое *о* из *ъ:* нето́ржъски нар. Сборн. 110, манастырѧ̀ со́цькѧ̑ ib. 236 об.

Что касается имени сущ., прежде имени прилагательного, *во́йско,* то Ряз. *во́йско* имеет открытое *о* применительно к нечленной форме, а в Тотемск. vǫ̑jśkǫ̑ 39 *о́* обусловлено членною формою.

В именах прилагательных с суффиксами -ovьsk-, имеющих ударение на суффиксальном *o,* это *o* обыкновенно напряженно.

[1] Образующее имя прилагат. имеет наконечную акцентовку razbójan; перенесение ударения на слог перед суффиксом при образовании имен прилагат. с суффиксами -ik и -ica нередко: poskočan — poskočnica; prizoran — prizornica; nesvobódan — nesvobǫ̑dnik (но svobǫ̑dnik под влиянием svobǫ̑do); nadbrójan — nadbrǫ̑jnik; negódan — negǫ̑dnik; срвн. подобное явление при образовании членной формы.

Сборн.: бѣсо́вски р. п. 322 об., нежи|до́вьски 45, ѿклобу́ко́въ|-скѡго 235; Псалт.: попо́вскѡю 223; Ряз.: *бесо́вский;* Грязов.: *Смирно́ские, Штито́ськёй.*[1] Срвн. слов. Čehǫvski, Kozlǫvski, Orlǫvski, popǫvski, stanǫvski, volǫvski, vrhǫvski и т. п., а также сербск. по̀повскй, во̀ловскй и т. п. Есть основание догадываться, что нечленная форма этих прилагательных, при корне с нисходящим ударением, имела ударение на корне: во́ровски Улож. 3, но: воровски́мъ ib. 73 об., воровски́е ib. 74 об. Остатки акцентовки этого типа следует видеть в слов. bę̂sovski, knę̂zovski, а также с перенесенным ударением: sinǫvski, trgǫvski, в которых *ǫ* по аналогии к другим прилагательным этого типа.

§ 60. В глаголе *помнить* в разных формах его приставка *по* имеет напряженное *о́,* в этом согласны и памятники, и говоры (Сборн.: по̃мнити 228-2, непо̃мнители 306; Тотемск.: pômĺ̑t́, pômĺ̑u, -ĺ̑iš, zapômĺ̑iu̯; Грязов.: *по́мнят;* Ряз.: *по́мнить*). Славянские языки в данном случае не подтверждают *о́* (впрочем, срвн. в слов. яз. есть глагол dǫ́mnẹti или dǫ́mniti). Однако есть косвенное указание на то, что в русском языке приставка *по* в глаголе *помнить* произносилась с восходящим ударением, а потому *о* в ней напряженное.

Существует закон, по которому звук *ъ,* находящийся в одном из смежных слогов, каждый из которых при ударении на нем получает таковое в виде восходящего, переходит в *и,* если ударение падает на соседний слог.

Суффикс им. сущ. ж. р. -ica при ударении на нем указывает старое восходящее ударение: чакавск. divĺ̑ca, kraļ̑ca, mladĺ̑ca и т. п. Изв. XIV_2, 224—225. Слова *дъ́ва, сънъ* предполагают в корне также восходящее ударение (сербск. сӣн); образованные от них имена сущ. с суффиксом -ica и прилагательные от последних при ударении на суффиксе в памятниках, не знающих переход *ъ* в *и* или знающих этот переход в очень ограниченном размере, имеют в корне *и:* надиви́чье горѣ Царств. Лет. XVI в.

[1] Здесь же можно упомянуть: наростэ́в'скѡе Сборн. 223 об.

F. IV, 232, 469 об. (срвн. в Московской Жалованной несудимой грамоте царя И. Вас. Покрова Пречистые Богородицы Суздальскому девичьему монастырю 1563 г. сент. (Собр. Гос. П. Библ.): дивича; синúца Алф. 300 об. (срвн. сѣницѣ ib. 444 об., дóльнѹю сѣницѹ Сборн. 1647 г. 77 об.); может быть, сюда следует отнести гусиница Радз. лет. 98, 98 об. (срвн. гѹсѣница Псалт. 1568 г. 156).

Суффикс сравнительной степени -ějš- имел восходящую долготу: чакавск. bledȉjī, cenȉjī, gladnȉjī и т. п. Изв. XIV$_2$, 234: пéрвїе Тр. П. 1589 г. 60, Охт. 1594 г. 248 и т. д. (часто), стáрший или старїйшїй (Моск. Грам. XV в.) следует читать с ударением на *á* (срвн. у Грибоедова: Нет-с *стáрее* меня по корпусу найдутся; чакавск. stȁrijī op. cit.); сверхпíе Алф. 211 об., Мин. 1611 г. 26 об. (191 об.); дáльнїиша Погод. № 84, 157, держáвнїишй ib. 209 об. и много других; засим в глаголах, находящихся в связи с сравнительной степенью: свѣрхпивши Алф. 219 об., по|здравїетъ (без значка ударения) Служ. 1602 г. 273 и других глаголах этого же типа: ѡбезѹми|вшисѧ Тр. П. 1589 г. 58; ѡбесúлиша Погод. № 84, 299 об.

Суффикс *-nǫti, -ati* глаголов типа *летéть, кричáть* имел восходящую долготу: чакавск. držȁt, gorȉt, progorȅli и т. д. Изв. XIV$_2$, 249; поэтому в Московских грамотах XV в. часто: обидити, ѡбúдилъ Ап. 1564 г. 46 об.; вúдити Торж. XVI в. 423 об.; вѣдителю Тр. П. 1589 г. 357 об., 395 об.; вúсити Торж. XVI в. 673 об., вúсилица Косм. 401, -ѵ ib.; обратно, если ударение падало на суффикс, *ǫ* в корне переходило в *и;* свидéтель[1] (обычно в Моск. грам. и старопеч. книгах), восвидѣнїѧ Тр. Цв. 1591 г. 159; сюда относятся: сидѣти (обычно в Моск. грам. XV—XVI в. в разных формах); в более древнее время последний глагол мог иметь, подобно глаголу *висеть* (срвн. теперешнее *висéть,* а в пам. обычно вúсеть и т. д.), ударение на корне; этим я объясняю

[1] В памятниках более древних это слово часто изменяет не первое *ѣ* в *и,* а второе *свѣдитель* (напр., в Путенской еванг. XIV в.), очевидно, под влиянием ударения на слоге *-ѣ-*.

описку в Лаврентьевском списке летописи *седити* 293; означенная описка повторяется в Торж. XVI в., но с ударением на слоге *сѣ-:* нисѣ́дити ѣи мощѝ ни па́|ки на о̀дрѣ̀ своѣ̆ возлещѝ 770 об.

Возвращаясь к глаголу *помнить,* отметим, что в древнейших русских памятниках этот глагол пишется через *ѧ* (см., напр., под этим словом: Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского),[1] срвн. слов. pomnẹti, чешск. pomněti (возможно, что однородным законом *ѧ* превращалось в *і* и в других славянских языках, но мы не будем отвлекаться в сторону). Я и думаю, что *ѧ* в этом глаголе перешел в *и* в силу указанного закона, т. е. благодаря тому, что сам будучи под восходящей долготой имел перед собой слог с восходящим ударением.

Возможно, что таким же образом следует объяснить *о̂* в про̑зритъ Псалт. 47; срвн. оўзрити Охт. 1594 г. 213, призрилъ Грам. Моск. 1613 г. (С. Г. Гр. I, 608, 613), при́зри|лъ Торж. XVI в. 235 об., ўзривше Алф. XVII в. 356 об., но в Сборн. мы имеем открытое *о:* прѡ́зрѣ аор. 233, про́зриши 11. Неустойчивость характера *о* в этом глаголе объясняется тем, что ударение в нем не укрепилось, как в *помнить,* на первом слоге и, колеблясь в древних памятниках (Торж. XVI в.: про́|зра 584 и про|зра́же 609, про́зритъ 722 об., но прозрѣ́лъ 563 об.), перешло в литературном языке, как и во многих говорах, на суффиксальный слог (*прозре́ть, призре́ть* и т. д.); однако следует обратить внимание, что в глаголе заподо́зрить мы склонны писать *и.*

Случаи во́зратъ Сборн. 124, во́ззрить Псалт. 159 имеют открытое *о* из *ъ.*

§ 61. В сложных словах при второй части с ударенным *о* это *о* обыкновенно является напряженным. Сборн.: бг̑осло̑ва 30 об., бг̑ѡсло̑вѹ 253, бг̑ѡсло̑ва 64 об. (в киновари с ѡ вместо *о*); бг̑ѡсло̑въ 150 об., 157 об., 166, воѣво̑|дѣ 10,

[1] В Ев. 1616 г. (Евю): непо́мнѣти 30 об., по́мнѣли 143, злопо́мнѣти 31 об. (и злопомнѣ́ти ib.).

сердѡббла им. ед. ч. 76 об.; бл҃горо҆дьствомъ 206; прекосло҆вїе 295 (28), наславосло҆вїе 139 об., здесь же упомянем: пре^{дн}сло҆вїе 5; самово҆лїе^{и} 327; прекосло҆вїе 16, -їемъ 22 об.; бла-досло҆вїе 207, въславосло҆вїе 31, славосло҆вїю 32 об., -їй 34, гране́сосло҆вїе 31, гранесосло҆вїихъ 32, ѿмно҆госло҆вїа 42, напразнѡсло҆вїе 146, въскве́рносло҆вїи 186 об., гнилосло҆вїй 187; двѡесло҆вца 72 об., бг҃ѡсло҆вецъ 107, чюдотво҆рцꙋ 233, -рцѡвъ 218 об., молвѡт$_{ь}$брца 154 об., знаменосцемъ 15 (над *мено* надписано *но,* но другими чернилами); счетверонӧгими 293 об.; четверонӧга 203 об.; бг҃онӧсных 269, первѡро҆днꙋ 25, недобрѡро҆дныи 33 об., ѿмиротво҆рнаго 272 об., бл҃гоу҆го҆дны 13; дх҃онӧснїи 130, живонӧснаѧ 5, знаменонӧсных 6 об., е҆динаро҆дныи 5 об., 72 об., бл҃горо҆денъ 206, бл҃горо҆|днѡмꙋ 226, бл҃гото҆чныѧ 15 об., бл҃госло҆вна 181 об., непрекосло҆внѡ 31 об., бл҃гопокорнꙋ 22 об., хр҃топодо҆бнѡе 27; чл҃коу҆го҆дни-ко^{м} 23-2 об.; плѡдонӧсиши 17 об., празднѡсло҆вити 32 об., 151 об., -ва 153 об., прекосло҆ви^{и} 75, правосло҆ви^{и} ib., немно҆го-сло҆вимъ 186, злѡсло҆виши 240 об., смиреносло҆вити 89 (но правильно: краеоу҆го́лно^{м} 16, мно҆гоко́зненъ 75); замечено одно исключение: бл҃го|сло́вны 157 об.; Псалт.: е҆дино҆ро́дъ им. ед. ч. 31, и҆норо́гъ 109 об., -а 128 об.; сы́нъ е҆ди|норо́жъ 35, е҆дино҆ро́жъ р. п. 27 об.; плѡдонӧ́сна 201, плѡдонӧ́сноую 152 об., бг҃онӧсных 223, е҆дино҆ро́дноую 27 об., 44, мно҆гопло҆дны 197 об.; Тотемск.: śönokôs, na śönokôśe, samałôf, paraxôt, paroxôda 36, słovooxôtńik 38 (Их.), słovooxôćeį ib., toųstogołovaja rўba 43; искл.: połnomóšnyį 148; Грязов.: *сенокôс* и даже *рукомо́йник;* Ряз.: *парохо́д, водово́з, Иван Богосло́в, рыболо́в, водоворо́т* (но правильно: *молокосо́с*); *богоро́дица, миронӧсица; голонӧ́кий, кривобо́кий, черноборо́дый, седоволо́сый* (но правильно: *косоро́тый, белоло́бый*); *малосо́льный, судохо́дная река* (но: *мелково́дный, худосо́чный,* по ассоциации с *во́дный, со́чный* и правильно: *рукомо́йник*).

Сербский язык вполне подтверждает восходящее ударение в сложениях такого рода: самòток, водòпој, житòрод, празнòслов; књигòноша, главòбоља, колòвођа, коњòмора; богòмо́ље;

рудòслȏвье; мишòлȏвка; богòродица; крвòточина; црнòгорац, божòгробац; главòбољан, четверòножац; првòстȏлнȋк, кривòрȏтнȋк; вргòмоскȋ; двòрогаст; празнòсловити, костòломити.

Словинский язык свидетельствует о напряженности *о* во всех вышеприведенных, а также и некоторых других категориях:

1) Им. сущ. м. р. (без особых суффиксов): listobòd, -bǫ́da; zobobòł, -bǫ́ła; parobròd, -brǫ́da; sẹnokòs, -kǫ́sa; samokòł, -kǫ́la; glinokòp, -kǫ́pa; ladjelòm, -lǫ́ma; ljudolòv, -lǫ́va; samomòr, -mǫ́ra; vodonòs, -nǫ́sa; samoròg, -rǫ́ga; bogoslòv, -slǫ́va; časoslòv, -slǫ́va; samosòv, -sǫ́va; parostròj, strǫ́ja Хостник (у Плетершника с *ó*); pesmotvòr, tvǫ́ra; krvotòk, -tǫ́ka; vodotòč, -tǫ́ča; drvotòn, -tǫ́na (drvotan имеет *а* из *ъ*, срвн. ц.-слав. тати — тьнжⷦ); vodovòd, -vǫ́da; им. прилаг.: blagovòlj, -vǫ́lja; dvodòm, -dǫ́ma; suhokòst, -kǫ́sta; črnokòž, -kǫ́za; krivonòg, -nǫ́ga; krivonòs, -nǫ́sa; samoòk, -ǫ́ka (в членной форме с нисходящим ударением: samoǫ̑ki Хост.); ravnoplòsk, -plǫ́ska; šesterostòp, -stǫ́pa и т. п.; рядом с этими формами обычны, но встречаются реже, формы с открытым *о*, предполагающие наконечную акцентовку: dvobòj, -bója, rakolòv, lóva (ribo-, samo-), zlatokòp, -kópa, kozodòj, -dója, kołodvòr, -dvóra, svẹtozòr, -zóra и т. п.; предположить древнее нисходящее ударение можно лишь в одном случае: listognȏj[1] (да еще в слове ж. рода: slonokǫ̑st), срвн. еще в срощении: polubǫ̑g.

2) Им. сущ. ж. р. (грам.), без особых суффиксов: zabobǫ́lja, sadjegǫ́ja, snohǫ́ja, krvomǫ́ča, pismonǫ́ša, osamosvǫ́ja, delovǫ́dja, (četo-) и т. п., повидимому, в этих словах возможно и нисходящее ударение (črevobǫ̑lja, см. еще у Хостника 4-е и 6-е из приведенных), оно, конечно, нового происхождения; krvomǫ́ka, srakonǫ́ga, črmnoǫ́ka; исключениями являются samorǫ̑ga, vójvoda vǫ́jvoda (срвн. сербск. вȏјвода) или vẹvǫ̑da.

[1] В сербском языке этому типу акцентовки соответствует: сȗнцокрȇт, лȋстопȃд, цȋнокрȗг, срвн. у других категорий слов: хȋтропрȇља, дȋвокоза, ȗхолажа; прȍписак; зȋмомбран, мȃлокрван; вȍдоплȃван; лȋстопȃдскȋ; (обычно и для русского: кóновязь, жȋвопись); из далее приводимых словинских сложений и срощений отнюду сюда: slonokǫ̑st, samorǫ̑ga, vẹvǫ̑da, drugǫ̑rje, sẹnodǫ̑łka, prǫ̑tidǫ̑mac, pustopǫ̑ljina, obadvǫ̑jan, skozinǫ̑san, dobrodǫ̑jnica (почему не с ǫ?), tretjegǫ̑rski.

3) Им. сущ. ср. р. с суффиксом -ije: glavobǫ̑lje, četrtogǫ̑rje, samohǫ̑tje, rudokǫ̑pje, koristolǫ̑vje, enakonǫ̑čje, blagorǫ̑dje, bogoslǫ̑vje, besẹdotvǫ̑rje, šesterostǫ̑pje и т. п.; очень редко сохраняется ọ, свидетельствующее о древнем нисходящем ударении: drugogǫ̑rje, tretjegǫ̑rje, что касается blagovǫ̑nje, то оно заимствовано из сербск. яз. так же, как sredotǫ̑čje (с *о* из *ѣ*) из русского.

4) Им. сущ. м. р. с суффиксом *-ъk-:* dołgonǫ̑sak, zimorǫ̑dak; в срощении: polutvǫ̑rak.

5) Им. сущ. ж. р. с суффиксом *-ъk-:* vratolǫ̑mka, mišelǫ̑vka, detomǫ̑rka, širokonǫ̑ska, rdečenǫ̑žka, hrbtoplǫ̑vka, domorǫ̑dka, rdečerǫ̑žka, zlatotǫ̑pka, dobrovǫ̑ljka; исключения редки: sẹnodǫ̑łka.

6) Им. сущ. м. р. с суффиксом *-ъc-:* bogobǫ̑rac, vzporednodǫ̑mac, jezikodrǫ̑bac, pẹšehǫ̑dac, zlatokǫ̑pac, suhokǫ̑stac, novcekǫ̑vac, debelokǫ̑žac, kamenolǫ̑mac, zvẹzdomǫ̑lac, očetomǫ̑rac, listonǫ̑sac, dvonǫ̑žac, ladjeplǫ̑vac, inorǫ̑dac, samorǫ̑gac, votlorǫ̑žac, modroslǫ̑vac, ognjestrǫ̑jac, krvotǫ̑čac, računovǫ̑dac, radovǫ̑ljac и т. п. реже встречаются с открытым *о,* свидетельствующим о наконечной акцентовке: kolodvórac, samosvójac (срвн. сербск. првозо́рац, чудотво́рац); нисходящее ударение встретилось только в срощениях: prǫ̑tidǫ̑mac, но: prọtinǫ̑žac, trirǫ̑gljac.

7) Им. сущ. ж. р. с суффиксом *-ic-:* glavobǫ̑ljica, samokǫ́lica, motorǫ́žica (но: bogorodíca против русск. *богоро́дица*).

8) Им. сущ. ж. р. с суффиксами *-in-, -ьn-:* samotǫ́čina (vodo-), domorǫ̑dkinja, но: pustopǫ̑ljina.

9) Им. прилаг. с суффиксом *-ьn-* и производные от них имена сущ. ж. р. с суффиксом *-ost-:* umobǫ́lan (-łnost), dẹlobǫ́jan, mnogobǫ́žan, rogobǫ́ran, parobrǫ́dan, malobrǫ́jan, novodǫ́ban (eno-, staro-), istodǫ́ban (-bnost), dvodǫ́man, bẹlognǫ́jan, glubokohǫ́dan, blagohǫ́tan (-tnost), tvrdokǫ́ran, debelokǫ́stan, enokǫ́san, želẹzokǫ́van, bẹlokǫ́žan, starokrǫ́jan, krvolǫ́čan, ledolǫ́man, plenolǫ́van, polnomǫ́čan, malomǫ́čan (от могт-), težkomǫ́čan (от мок-), samomǫ́ran, ladjenǫ́san, dvonǫ́čan, dvonǫ́žan (osmo-,

kratko-), svętloǫ́kan, beloǫ́čan, četveroǫ́stan, enoǫ́san, blagoplǫ́dan, lomopǫ́ran, bogoprǫ́san, malorǫ́dan (-dnost), krivorǫ́tan, peterorǫ́žan, četveroslǫ́včan, nravoslǫ́van, težkosǫ́pan, enostrǫ́pan, zlatotǫ́pan, blagotvǫ́ran, sladkovǫ́dan (от vóda), plinovǫ́dan (от vóditi), radovǫ́ljan (-ljnost), brzovǫ́zan и т. п.;[1] то же наблюдается иногда и в сращениях: polurǫ̂dan, medsebǫ̂jan (-jnost); впрочем, нередко встречаются эти слова и с открытым *o:* kratkodóban (-bnost), drugogóran, rudokópan, pustolóvan, pravomóčan, svętonóčan (veliko-), čistopójman, srędopóstan, solzorósan, kugosópan, samostójan (-ójnost), samosvójan, prvostólan, malovódan; в сращениях: posihdóban; в сращениях же возможно нисходящее ударение: obadvǫ̂jan, skozinǫ̂san. Неясно, почему samosǫ̂ban имеет нисходящее ударение в нечленной форме.

10) Им. сущ. м. и ж. родов с суффиксами *-ьnik-* и *-ьnic-*: в этих именах обыкновенно наблюдается *ǫ* с нисходящим ударением подобно членным именам прилагательным с суффиксом *-ьn-* (novodǫ̂bni, rudokǫ̂pni): duhobǫ̂ľnik, mnogobǫ̂žnik, dvodǫ̂mnica, stirigrǫ̂šnica, samokǫ̂vnik, zrakoplǫ̂vnica, blagorǫ̂dnik, krivorǫ̂tnik, -ica, dvorǫ̂žnik, zemljevǫ̂dnica, četovǫ̂dnik, radovǫ̂ljnik и т. п., это наблюдается даже в тех случаях, когда имена прилагательные с суффиксом *-ьn-* и имена сущ. на *-ьnost-* имеют открытое *o:* samostǫ̂jnik, samosvǫ̂jnik; особо стоит: bęloǫ́čnica, изредка сохраняется открытое *o:* velikonóčnica (срвн. сербск. зимомо́рница); кроме того: dobrodǫ̂jnica (срвн. dobrodǫ̂šlica).

11) Им. сущ. ж. рода с суффиксом *-ьnj-:* rudokǫ̂pnja, sęnokǫ̂šnja, kamenolǫ̂mnja, zrakoplǫ̂vnja и т. п.

12) Им. прил. с суффиксом *-ьsk:* kolodvǫ̂rski, četrtogǫ̂rski, bratomǫ̂rski, jezikoslǫ̂vski и т. п.; редко: tretjegǫ̂rski.

13) Им. сущ. ср. рода с суффиксом *-ьstv-:* dvobǫ̂jstvǫ, kruhobǫ̂rstvǫ, parobrǫ̂dstvǫ, dvodǫ̂mstvǫ, dędinolǫ̂vstvǫ, verolǫ̂mstvǫ, krvolǫ̂štvǫ, samomǫ̂rstvǫ, ladjeplǫ̂vstvǫ, bogorǫ̂dstvǫ, krivorǫ̂tstvǫ, samosvǫ̂jstvǫ, zlatotvǫ̂rstvǫ, računovǫ̂dstvǫ и т. п.; редко: prvorójstvǫ (срвн. сербск. богомо́льство).

[1] Срвн. еще državnozbǫ́ran при zbóran.

14) Имена прилаг. с суффиксом *-ast-:* koconǫ́gast, kljukonǫ́sast, motorǫ́gast, samo- (срвн. не в сложении: kósast, lózast, sóhast; lǫ̑jast, nǫ̑sast, rǫ̑gast, zvǫ̑nast, vǫ̑skast; но: ostrǫ́vast, vǫ́njast, ибо и производящие имеют *ǫ:* ostrȍv, -ǫ́va, vǫ́nja).

15) Глаголы на *-iti-:* rogobǫ́riti, -ǫ̑rim; opołnomǫ́čiti, ǫ̑čim; jezikoslǫ́viti, -ǫ̑vim; osamosvǫ́jiti, -ǫ̑jim; oživotvǫ́riti, -ǫ̑rim; krvotǫ́čiti, -ǫ́čim; rokovǫ́diti, -ǫ̑dim; dobrovǫ́ljiti, -ǫ̑ljim; реже: blagoslovíti, -ím; неясно: blagovǫ́liti, -im, имеющее, кроме странной акцентовки, l вм. lj.

Что касается изредка встречающихся в словинском языке сложений с так называемым соединительным ǫ́: vinǫ́grad, vertǫ́grad, makǫ́tar, krvǫ́sačan, samǫ́tež нар. с произв. samǫ́težar, то их следует сравнивать не с великорусскими и сербскими сложениями, а с довольно обычными сложениями малорусского наречия: круго́ворот, пізно́цвіт, первобзір, дурно́слов, біло́бок; біло́верба, дибо́коса, первокраса, маки́тра; сухо́золото; перволи́ток; добродійка, однолітка; одностеблець, крутоголовець; земнородний; сухолісний; самостійность; добродійство; живопись, рукопись, самоpосль (лѣтоpосль Лекс. Памвы Бер. 102); наречия: сухоручь, рукопашь (изредка такая акцентовка возможна и в белорусском наречии: самодруг нар., а также см. Белоруссы Е. Ф. Карского, т. II, 1, стр. 544, где указаны: сыpоводка, одномасны, и очень редко в великорусском: *чернослив* Орл. Брянск. (Тиханов, не заимствовано из малорусского наречия?).

Особенного внимания заслуживает производное от слова gǫ̑vor имя прилаг. gǫ̑vorαn, когда оно входит в сложение второю частью: при prostogǫ̑vorαn (под влиянием gǫ̑vorαn так же, как samorǫ̑močαn под влиянием romǫ̑čαn) имеются: malogovǫ́rαn (-rnost), radogovǫ́rαn, lẹ̑pogovǫ́rαn (опечатка вм. lẹ-?), lẹpogovǫ̑rnik (срвн. samogovǫ̑r, которому в сербск. яз. мы ожидали соответствие в виде **са̏моговор*). Своим перемещением ударения с первого слога на второй оно напоминает русские полногласные формы (срвн. *го́лову, бо́роду, во́лос,* но в сложениях: Тотемск. toqstogołôvaja, Ряз. *черноборо́дый, седоволо́сый*).

§ 62. В сложных словах при сохранении второстепенного ударения на звуке *о* первой части сложения, имеющей при самостоятельном ударении напряженное *о*, звук *о* в памятниках иногда отмечается напряженным.

Сборн.: немно̂гослове̂вимъ 186; мно̂гоко́зненъ 75; мно̂гоо̂чи́таѧ 115; немно̂горе̏чивы̏ 21; о̂зло̂твѡра́щи̏ 28 об.; зако̏нополага́ютъ 262 (срвн. при обозначении второстепенного ударения в но́вонача́лны̏ 30 об. напряженность *о* не отмечена вполне правильно); Псалт.: мно̂гоми́ло̂тивъ 198, мно̂гоми́ло̂тиве 221 об., мно̂гои́мени́тыи ib., мно̂гопло̂дны 197 об.; зако̏ноположи́ 167 об., зако̏нопрестоупова́хѫ 169, зако̏|нопрестоу́пнѫ 136, зако̏нопрестоу́пнї|цы 171 об., зако̂нопрестоу́|пныѧ 173, зако̂нопрестоу́пнїцы 6; до||бро̂гла́сны̏ 202 || 202 об.

Срвн. словинск.: mnǫ̂gǫkatę́ri, mnǫ́gǫkedǫ̀, mnǫ́gǫkjè, ǫ̂čivę́stiti, -vę̂stim и, может быть, mnǫ́gǫkráten (у Плетершника не совсем ясно).

О сохранении первоначального характера гласного звука в первой части сложений при главном ударении на второй части сложения см. объяснение 3 в нашей работе: «К истории звука ѣ в московском говоре в XIV—XVII веках», Изв. X_2, 177—227, в котором мы указали на сохранение звуков: 1) *ѣ* в подобном положении в говорах, изменяющих вообще неударенное *ѣ* в *е*, и 2) *о* в том же положении в акающих говорах.

§ 63. Кроме того, напряженное *о̂* в закрытом срединном слоге имеют следующие наречия: 1) Сборн.: ко̂лми 177 (при колмѝ 177 об.); 2) Грязов.: *то̂лькё*, Тотемск.: skô'kŏ, tô'kŏ, stô'kŏ 147, Ряз.: *ско̂лько, сто̂лько*.

ГЛАВА VIII.

Напряженное *о̂* в закрытом конечном слоге.

§ 64. Напряженное *о̂* наблюдается у имен существительных муж. рода в им.-вин. пад. ед. ч. и двусложных формах множ. числа при ударении на корне; в других падежах ед. ч. *о̂* не

встречается, ибо ударение падает на окончание. К этим словам относятся:

Сборн.: ко̑нь им. п. 273 об., нико̑неи 212 об. (ударение ´ над *е* перечеркнуто); пло̑дъ им. и вин. пад. ед. ч. 37, 174 об. bis, 175, 189 об., 190, 325; по̑пъ 150 об., по̑пъ 185 об.; напо̑стъ 41 об., 47, по̑стъ 18, вро̑стъ 47 об.; ско̑тъ 124; исключение представляет слово: во́жъ 5 об., 207 (*о* из *ъ*: до́жь 143 об., может быть, сюда же следует отнести: со́нъ 40, сѡ́нъ 136 об.). Псалт.: дво̑|ръ 90 об. и 91; ко̑нь 39, нако̑нехъ 24 об.; пло̑дъ 3 об., 96 об., 145 об., пло̑дъ 25 об., 76, 85 об., 117, 152 об.; пло̑тъ 79 об.; как исключение, дважды отмечено: ко́нь 41, 205 об. (*о* из *ъ*: до́ждь 200 об., 218 об., вдѡ́ждь 224 об., сті́лпъ 78 об., может быть, сюда же следует отнести со́нъ 183 об., со́|нъ 181 об., и здесь же отметим: со́нмь 99, срвн. ѥсѡнмѡ́мъ 31 об.). Тотемск.: предполагаемое О. Броком *bôbr или *bôp, kôĺ, kôń,[1] kôńi мн., kôt, nôš, pôp, stôu̯, xvôs 36, dvôr 105, korôĺ 43; исключениями являются bop 37 и заимствованное voĺ (срвн. твор. пад. vaĺóm 113, если только наблюдатель не смешал этого слова со словом *вал*); отнесенное сюда О. Броком krôt хотя и имеет ô, но это *о* из *ъ* (срвн. сербск. кр̀тица, чешск. krtek, слов. kŕt и др.), но правильно: doš, sou̯, stou̯p 34. Грязов.: *kôni, kôt, stôŭ*. Костр. Шунг.: *за стуо́л* 65, *на стуол* ib. Ряз.: *bôb, dvôr, klôn, kôvш, kôl, kôнь, kôt, nôж, nôn, nôst, slôn, snôn* (но, повидимому, слышится и *snóп*), *stвôl, stôl, xvôst, xvorôst, korôlь* (срвн.: *горб, дош, крот, огóнь, сон, столб, холм — холмà*); исключениями являются: *грош — грошà, вол, плод — плодà, дрозд — дроздà*.

В производных от них именах существительных с суффиксом *-ик* напряженное *ô* удерживается: *kôvшик, kôник, kôtик, nôжик, snôпик, stôлик,* но: *dóждик* Ряз.; nôžyk, bôbŕik Тотемск. 36 (при bóbŕik ib.); срвн. открытое *о* в подобных именах существительных, образованных от имен существительных с открытым *о* (§ 5).

[1] На стр. 136: kóń ržot возможна неточность записи.

В памятниках наконечная акцентовка этих слов в ед. ч. является для них единственно возможной и, кроме того, в отличие от слов, разобранных в § 5, они почти никогда не подвергаются энклизе при предлогах: бобрà Алф. 342; бобȣ̀ р. п. Косм. 194 об., бобóмъ тв. п. Триф. Кор. 58 об.; вожà р. п. Кн. Степ. 674 об., вожѝ м. п. Нов. Зав. XIV в. 59; волà р. п. Хрон. 254 об., на- ib. 295 об., волѣ̀ м. п. Сборн. 1647 г. 213, о̀- Новг. Ам. 84 об. (как редкое исключение: нивóла Новг. лет. 397 об.); додворà Нов. Зав. XIV в. 15, из̀- Сборн. 1647 г. 569, к̀дворȣ̀ Кн. Степ. 188, кодворȣ̀ Журн. Шерем. 50 об., здворóмъ Новг. лет. 575 об., задворóмъ Улож. 56 об., вод̀ворѣ̀ Новг. лет. 394, вод̀вóръ ib. 394, Торж. XVI в. 222, Тр. П. 1589 г. 97, Улож. 274 об., надвóръ Новг. лет. 416, Сим. лет. 123 об., 489 об., зад̀вóръ Арифм. (Г. П. Б.) 109 об.; вковшѝ Новг. лет. 330 об., ковшѣ̀ Новг. Ам. 125 об.; накóлъ Лет. 312 об., 350; скона̀ Новг. лет. 618 об., коню̀ Сборн. 1647 г. 126 об., накóнь Пал. XVI в. 27 об., Новг. лет. 448, 451 и в др. м., Сим. лет. 32 об., 344 об., Лет. 54, Косм. 54, Пат. Скитск. 123, Ратн. 30 об., Сб. 1647 г. 214; откорола̀ Новг. лет. 623, королю̀ ib. 529 об.; ѿножà Кормч. 1650 г. 241 об., ножéмъ тв. п. Новг. лет. 425 об., Улож. 112, Сб. 1647 г. 49, нанóжь Лет. 209; плода̀ Нов. Зав. XIV в. 5 об., 34 об., 129 об., Псалт. 181 об., 213 об.,[1] плодóмъ Ратн. 198 об., съ- Кормч. 1650 г. 316; плотȣ̀ р. п. Кн. Степ. 592, наплотѣ̀ Лет. 51, наплóтъ ib. 51 (но в Сим. лет.: зáплотъ 7 об.); ѿпопà Пал. XVI в. 356, попȣ̀ д. п. Ратн. 25, попóмъ Новг. лет. 580 об., за- Подл. 223 об., припопѣ̀ Новг. лет. 632 об.; постà ib. 401 об., Улож. 100 об., ѿ- Обих. К.-Б. 376 об., постȣ̀ д. п. Новг. лет. 555, к̀- Пат. Скитск. 375 об., впѡ|стѣ̀ Сборн. 47 об., впостѣ̀ Новг. лет. 400, ѡ̀- Кормч. 1650 г. 578, напóстъ Пат. Скитск. 230, Сб. 1647 г.

---

1 Рядом с этим в нашей Псалт. трижды отмечена ѿплѡда 5 об., 142, 184; в виду редкости такой формы в древнерусских памятниках я склонен отнести ее насчет южнославянского влияния, хотя и русский язык знает накоренную акцентовку этого слова.

226; скота̀ Нов. Зав. XIV в. 156 об., Пат. Ск. XVII в. 90 об.; до- Псалт. 186 об., Новг. лет. 429, Кн. Степ. 25; соското́мъ Кормч. 1650 г. 250 об., над- Ратн. 199 об.; скотѣ̀ м. п. Хрон. 352, на- Пат. Скитск. 239 об., ѡ̀- Сб. 1647 г. 198 об. (редко: вскотѐ Пал. XVI в. 49, срвн. ib. доскота̀ 61, нискотѫ̀ д. п. 58 об.), наско́тъ Торж. XVI в. 269 об., Сим. лет. 139 об., Сб. 1647 г. 454 об.; достола̀ Ратн. 48 об. (но: въстблѐ ib. 45 об.); стола̀ Новг. лет. 513, до- Новг. Ап. 77, столѹ̀ Сб. 1647 г. 195 об., застолбмъ Обих. К.-Б. 298, настолѣ̀ Новг. лет. 441 об.; застблъ Лет. 158, настблъ Сим. лет. 24 об., 53, 61 об., Новг. лет. 442, Улож. 99; ѫ̀хвоста̀ Косм. 273, Новг. Ап. 103 об., ѿхвоста́ же Алф. 183, хвостѹ̀ д. п. Торж. XVI в. 602 об., Новг. лет. 440, схвосто́мъ Новг. лет. 600.

Итак, в пределах тех памятников, к которым по характеру ударения принадлежат и Сборник, и Псалтырь, все эти слова обыкновенно имеют в ед. числе наконечную акцентовку и в вин. пад. ед. ч. и формах мн. ч. энклизе при предлогах не подвергаются. Однако было бы ошибочно распространять последнее наблюдение на современный русский литературный язык и великорусское наречие, ибо и в том, и в другом можно услыхать от этих слов энклитики в вин. и дат. пад. ед. ч., которые, впрочем, в отличие от энклитик типа *на́ год* и т. п. встречаются значительно реже. Представляют ли они отстатки еще более глубокой древности, чем то состояние, которое нам представляют памятники, или новообразования по аналогии, или диалектические особенности, этот вопрос я оставляю в стороне и приведу лишь примеры, подтверждающие энклитики этого типа: *по́ двору* обычно, «не пришло поле *ко́ двору,* пускай его под гору», Даль, Посл. 29, «жить двор *о́ двор*» Даль, Слов.; «не колом *по́ боку,* а боком *по́ кому*» Даль, Посл. 952, *на́ кол* обычно; «люди, *на́ конь!* эй живей!» (Пушкин); «невеста родится, а жених *на́ конь* садится» Даль, Посл. 381, «вижу, едут стремя в стремя, *о́-конь-конь* богатыри» (А. Коринфский, Бывальщины; под влиянием былинных ударений?), «верхом мы ездили далеко, и всю дорогу шли *конь-о́-конь,*

я говорлив был, как сорока, а ты был нем, как сонный окунь» (Минаев);[1] «кто тонет, нож подай, и *за́ нож* ухватится (Даль, Слов.); *по́ столу* довольно обычно, *об стол* Моск. Рузск. (Н. Дурново).

Прежде чем перейти к сравнению с другими славянскими языками, отметим, что слово плот отнесено мною к словам с наконечною акцентовкою на основании таковой акцентовки, встречающейся в древних памятниках, однако там же встретилось *за́ плот* (Сим. лет.); в современном языке акцентовка его колеблется, но в Ряз., где плот имеет открытое *о*, ему свойственна накоренная акцентовка (срвн. сербск. шток. плȏт — плȍта и чак. plȏt — plȍta, слов. plȏt); срвн. слово *хворост*, идущее в одном говоре по одной акцентовке, а в другом по другой, а также вышеприведенные уклонения от русской акцентовки в сербском и словинском языках.

В сербском языке русским словам с наконечной акцентовкою в большинстве случаев соответствует таковая же акцентовка: бȏб — бȍба, кȏњ — кȍња, снȏп — снȍпа, пȏп — пȍпа, двȏр — двȍра, нȏж — нȏжа, вȏ — вȍла, стȏ — стȍла, хрâст — хрáста, крâљ — крáља. Чакавское наречие указывает, что долгое нисходящее ударение в им. пад. вторично и явилось на месте старого восходящего: dvór — dvorà, stól — stolà, vól — volà, hrást — hrastà, kráļ — kraļà; рядом со шток. пȏст — пȍста в чак. нар. pȍst — postà. Уклоняются от русской акцентовки, с одной стороны, плȏд — плȍда, а с другой скȏт и вȏļ, повидимому, имеющие выдержанную накоренную акцентовку во всех падежах, однако краткое *о* в им. пад. указывает на старое восходящее ударение.

Словинским языком также подтверждается наконечная акцентовка большинства этих слов: dvòr — dvóra, klòp — klópa, kòł — kóła, kònj — kónja, nòž — nóža, pòp — pópa, pòst — pósta, slòn — slóna, snòp — snópa, stòł — stóla, stvòł — stvóla, vòj — vója, vòł — vóla. Напряженное *о* в им. пад. не сохрани-

[1] За точность редакции не отвечаю, ибо привожу на память.

лось, ибо произошло сокращение гласной; за то это ǫ выступает в других падежах: v bǫ́ju, na grǫ̑bu, na kǫ́ńu (почему разница в ударении?), na kǫ́ńih, s vǫ̑li, s kǫ́ńi (Rad 132, 168). Может быть, не случайно, что отклонение от наконечной акцентовки в ед. числе среди вышеприведенных примеров наблюдается в древнерусских памятниках в местном падеже *(в ско́те, в ство́ле);* впрочем, здесь другое окончание, нежели в словинском языке. Накоренная акцентовка форм множ. числа сохранилась в русск. *ко́ни — ко́ней — ко́ням — ко́нями — ко́ня́х* при параллельной наконечной *кони́* и т. д.; другие слова, как и *конь,* сохранили память о накоренной акцентовке в древнерусских памятниках[1] и вместе с тем памятники ясно указывают, что ударение в этих формах было восходящее, а не нисходящее: они не подвергаются энклизе при предлогах *(по дво́ром, под ко́ни, о ско́тех),* срвн. *на́ годы,*

[1] Для примера приведем рядом с накоренною акцентовкою и наконечную. Им. п.: вожѝ Нов. Зав. XIV в. 12 об., плодѝ Хрон. 265, нѡжѝ Сборн. 176 об., конѝ Нов. Зав. XIV в. 152 об., Торж. XVI в. 269 об. и рядом: нако́ни Ратн. 13 об., по҃ко́ни Кн. Степ. 283 (большая редкость: на́кони Новг. Лет. 519 об.); ско́ти Новг. Лет. 428, Пал. XVI в. 3 об., Тр. П. 1589 г. 251, Св. 1647 г. 780 об.; дат. пад.: конѐмъ Нов. Зав. XIV в. 155, 157 об., ското́мъ Торж. XVI в. 156, Новг. Лет. 264 и рядом: ко́немъ Новг. Лет. 456, Лет. 13 об., ско́томъ Пал. XVI в. 45 об., подво́ромъ Лет. 256; вин. пад.: бобы̀ Новг. Am. 55 об., бобры̀ Улож. 152, волы̀ Новг. Лет. 552 Св. 1647 г. 670 об., дворы̀ Новг. Лет. 520, Улож. 35, водворь̀ Псалт. 83 об., плоды̀ Торж. XVI в. 418, Новг. Лет. 265, Мин. 1608 г. 16, плоты̀ Улож. 19 об., попы̀ Обих. К.-Б. 305 об., посты̀ Кормч. 1650 г. 59 об., скоты̀ Тр. П. 1589 г. 124, на- Новг. Лет. 431, скѡты̀ Псалт. 108 об., в'снопы̀ Торж. XVI в. 417 об., столы ib. 240 об., хвосты̀ Новг. Лет. 462 и рядом дро́зды Алф. 294, пло́ды Торж. XVI в. 355 об., ско́ты ib. 186, Пат. Скитск. 5 об., Кн. Степ. 183 об., Алф. 384, Св. 1647 г. 418; твор. пад.: ножѝ тв. п. Торж. XVI в. 483, скоты̀ Кормч. 1650 г. 46 об. и рядом съско́ты Пал. XVI в. 24; местн. пад.: водвѡрѣ́хъ Псалт. 116, 162 об., Сборн. 279 об., дворѣ́хъ Улож. 121, скотѣ́хъ Св. 1647 г. 864, впостѣ́хъ ib. 224, опопе́хъ Новг. Лет. 612 об. и рядом: ѡ҃ко́нехъ Пал. XVI в. 63, вко́не҃ Сим. Лет. 69, 399, нако́нехъ Новг. Лет. 406, вод'во́рехъ ib. 496 об., надво́рехъ Лет. 259, (во)дво́рѣхъ Улож. 24, 35, ѡ҃ско́те҃ Пат. Скитск. 223; в род. пад. означенное колебание наблюдается лишь при окончании древней основы на -ĭ: ко́неи Новг. Лет. 565 и сконе́и ib. 491 об., при окончании же -овъ ударение падает всегда на это окончание: вожде́въ Св. 1647 г. 227 об., ѡволо́въ ib. 272, дворо́въ Новг. Лет. 498, коне́въ Нов. Зав. XIV в. 156 об., Торж. XVI в. 418 об., но|же́въ ib. 483, плодо́въ Нов. Зав. XIV в. 128, отпопо́въ Новг. Лет. 454, ското́въ Пс. Брюн. 25 об., снопо́въ Кн. Степ. 586 об.

о́ громех, со́ духи (впрочем, в дат. пад. и для этих слов мне не удалось найти энклизы). О словах drq̂zd, plq̂d, hvq̂st см. выше. Слово skȍt — skǫ́ta = сербск. скȍт — скȍта.

Мы видели, что иногда слова муж. рода не только в разных славянских языках примыкают к разным типам акцентовки (русск. *плод — плода̀* — сербск. плȏд — плȏда), но это наблюдается и в пределах одного и того же языка (сев.-вел. *хво́рост* и южнорусск. *хворо́ст*, сербск. рȏв — рȍва и рȏв — рȍва). В виду сего нисколько не удивительно, что в чешском языке ů наблюдается не только в словах, которые должно отнести к типу слов с наконечной акцентовкой: půst, dvůr, nůž, stůl, vůl, kůň, kůš при koš, kůl, но также с накоренной (нисходящее ударение): bůh, důl, dům, hnůj, lůj, vůz.[1]

§ 65. Подобно словам *двȏр — дворà* и двусложные имена сущ. муж. рода с наконечною акцентовкою имеют в им.-вин. пад. ед. ч. *ȏ: живȏт — животà,* срвн. сербск. шток. жȉвот — живȍта, чак. živȍt — životà, указывающие на восходящее ударение в форме им.-вин. пад.; слов. živòt, -óta подобно dvòr — dvóra; в tórog ударение оттянуто, род. пад. torógа. Сюда относятся: Сборн.: живо̏тъ 259 об., живȏтъ 5, в- 7, 11 об., 162; Псалт.: живо̏тъ 120, вживо̏тъ 84 об., живȏтъ 195, 215 об.; сапо̏гъ 153 об.; однажды отмечено: живȍтъ 80 об.; Тотемск.: torȏr, pirȏk 36, Их. tvarų́k 47; Грязов.: *тонȏр, сапȏг;* Костр. Шунг.: *сапуо́г, творуо́г* 21; Ряз.: *тонȏр, творȏг, -ıù.*

Повидимому, сюда следует отнести и mozȏl' Тотемск. 36 и *музо́ль* Ряз., но слов. mozȩ̀lj при mozȩ́lj указывает как будто на начальную акцентовку с нисходящим ударением.

§ 66. В повелит. наклонении на -ȏj глаголов разных классов является напряженное *ȏ*. Сборн.: небо̏исѧ 48, бо̏исѧ 197 об.; сто̏ите 306 об.; по̏ите 68 об.; Псалт.: бо̏итесѧ 42, неѹбо̏исѧ 65; по̏ите 143 об., 200 об., вос- 143 об., 189, въс- 201 об., пȏите

[1] Наблюдение, что ů в чешском языке чаще встречается в односложных словах под перенесенным ударением, сделано проф. С. М. Кульбакиным (К истории и диалектологии польского языка... 156 и след.).

186, 218 об. неск. раз; Тотемск.: stôi̯ 141, stôi̯t̕e 142, dôi̯ (но рядом есть и новообразования ńe bóiśö 10, ńe bói̯t'öś 100, 142, что касается trôń Их. 40, то здесь *о* может быть из *ъ*); Ряз.: *бóйся, стóй.*

Сербский язык указывает в данном случае восходящее ударение: шток. пòстôj, òпôj, òпôjте (от пòјати), нàпôjте (от напòјúти, чак. bói se. Напряженность *о* отразилась в чешском языке: stůj, диалект. bůj sa (срвн. еще диалект. huň — huňće, skuč, старочешск. wuol, а также růsť, můž). I. Gebauer, Hist. mluvn. jaz. českého I, 605.

§ 67. Не вызывают сомнения в древности восходящего ударения формы неопр. накл. и причастия прошедшего времени действительного залога глаголов: *колóть, молóть, полóть, порóть;* срвн. сербск. клàти — клàо — клàла; мљèти — млѝо — мљèо — мљèла; пљèти — пљèла; пràти; слов. kláti — klàł — klálǫ, mlę́ti — mlèł — mlę́la, plę́ti — plę́la; pràti; здесь всегда напряженное *ô.* Тотемск.: kołôť, mołôť, połôť, porôť 137, połôu̯, połôła, porôu̯, porôła (при porółа 43), kolôu̯ 137, mołôu̯, mołôła 43 (при mołóu̯, mołóła 137), Ряз.: *колóть, молóть, полóть, борóться, расколóл;* вероятно, восходящее ударение имел и глагол *полóзть, уполóз* Ряз. (срвн. народн. *полóзиют*); в глаголе *волóчь* Ряз., vołôk Тотемск. 134 восходящее ударение явилось как следствие переноса ударения (слов. vlę́či), точно так же, как и в следующих глаголах: помо̋глъ|быми Псалт. 130 об. (срвн. ѝзнемôгшаѧ Сборн. 185), môk (= мог) Тотемск. 135, *мóг, занемóг* Ряз. (срвн. слов. mǫ́gαl); rôs Тотемск. 133, *зарóс* Ряз.; мы бы ожидали иметь напряженное *о* и в *пробол,* срвн. слов. bǫ́dαl, но Брок отметил probóu̯ 133; *я измóк* Ряз. можно сравнить с словинским отглагольным прилагат. zamǫ́kαl, mókla.

В следующих словах имеем *о* из др. *ъ:* ѡ̀бблъ|кшесѧ Сборн. 111 об., półs Тотемск. 133, toųk ib. 134, *засóх, издóх* Ряз.

§ 68. Формы причастий прошедшего времени действительного залога в краткой форме (т. е. без *в*), может быть, не всегда книжные (Б. М. Ляпунов, Рассуждение о языке синодального

списка 1-й новгородской летописи, СПб., 1900 г., 98—99), от глаголов с выдержанною накоренною акцентовкою имеют обычно *о̂* (примеры см. в § 42), также имеют *о̂* в этих причастиях глаголы типа *хожу́ — хо́дишь:* преклонѣсѧ Сворн. 14 об., преклонь Псалт. 196 об., с *о̂* ib. 20. Что же касается глаголов типа *рожу́ — роди́шь,* то данные памятников распадаются на две группы: 1) если перед суффиксом был согласный *р,* то пишется *о̂:* сотворь Сворн. 33 об., 39, сотворши 33, -аго 36, -аго̂ 156; сътворшаго̂ Псалт. 178 об., 199 об., -емъ 161, 187 об. неск. раз, 225 об. bis, -имъ 131 об., о̀сътворшѣ 201 об., створшаго̂ 180, 208 об., сътворшаго̂ 148 об.; 2) если же — шипящий, то — *о́:* ро́жшагосѧ Сворн. 197; ро́жшагѡтѧ Псалт. 208 об., ро́ждьшимсѧ 28, поло́жшаго̂ 84 об. Чем объясняется означенное различие, трудно сказать; однако укажем, что судьба глухого ъ после *р* и шипящих была различна: после первого ъ исчезало ранее, нежели после вторых (см. нашу работу: «Одно соображение в защиту написаний *ѣрь, ѣръ, ѣрѣ, ѣлъ* древнерусских памятников, как действительных отражений второго полногласия», Ж. М. Н. Пр. 1909, № 8, стр. 298 и 302).

§ 69. Для несклоняемых имен прилагательных: *осо́бь, свобо́дь, удо́бь* нормальные явления *о̂*. Сворн.: неоудобь 73 об., 238, 275 об., 281; о̀собь 49 об., 121 об., ѡсобь 96 при одном исключении оудо́бь 210 (срвн. йспо́лнь 253 об., 293); Псалт.: свѡбодь 120, но: ѱлѡ о̀со́бъ писанъ 203 (срвн. йспо́лнь 40). Срвн. Тотемск.: osôbe 42).

§ 70. В притяжательных местоимениях *мой, твой, свой* и в памятниках, и в говорах обычно отмечается напряженное *о̂;* для оттенения этой особенности в памятниках я сопоставляю эти местоимения с им. пад. ед. ч. указательного местоимения *тъ* в членной форме *той* с открытым *о* (< тъи).

Сворн.: пр҃тлъ сво҃и 298 об., свѣ҃ свои 300 об.; бже҃ мо̂и 4 об., ѡре́мъ мо̂и 17 об., слугà мо̂и 173; ѡц҃ъ тво̂и 10 об., тро҃у тво̂и 104 об., сво̂и хлѣ҃ 7, оумъ҃ сво̂и 39 об. и так в других местах без исключения (срвн. то́иже са́мъ 5 об., то́и им. пад. ед. ч. м. р.

28 об., 105, 260 и в др. местах), сюда, повидимому, относится им. пад. ед. ч. кѳ̀иждѡ 215, кѳ̀и̓ждѡ 193; Псалт.: мо̑и им. п. 153 об., бо́гъ мо̑и 56 об., бг̑ъ мо̑и 57; цр̑ю̀ мѳи и бж̑е мѳи 57, жре́бїи мѳи 37 об.; гнѣ̀въ твѳи 110 об., ра́бъ твѳи 162 об.; поуть свѳи 166, гла̑ свѳи 88 об. и так во многих других местах без исключения (срвн.: втѡ́и день 199 об., то́и им. п. ед. ч. м. р. 11, 30 об., 40 об., 50, 79, 144, 168, 183 и т. д. без исключения); Тотемск.: mȏ̯i, tvȏ̯i, svȏ̯i 37, kȏ̯i, kȏ̯ia, мн. kо̑i 125; но: po-mо́i̯ömu 33; на стр. 143 несколько раз отмечено moi̯, но видимо это опечатка (срвн. mȏ̯i 33, 125); Грязов.: *сво̑й*, *мо̑й*; Ряз.: *мо̑й, тво̑й, сво̑й*.

Чакавск. mój, tvój Изв. XIV_2, 237 ясно указывают на восходящее ударение; штокавск.: мо̑j, тво̑j, сво̑j имеют нисходящее ударение такого же характера, как в кра̀ль (см. § 64). Показания же моих словинских источников расходятся: Хостник отмечает mȏ̯j, tvȏ̯j, svȏ̯j (Грамм. 115), Плетершник mój, tvój, svój, а Valjavec (Rad 132, 159) — mój, tvój, svój; последний и признает здесь старое восходящее ударение. Интересно, что Плетершник в подобных звуковых комплексах числительных dvȏ̯j, trȏ̯j отмечает нисходящее ударение, срвн. серьск. штокавск. дво̏је, тро̏је и чакавск. dvȍje (dvȏ̯je), trȍje, а также энклизу их при предлогах у̏ двоје, ясно указывающую на древнее нисходящее ударение. Русские памятники и говоры в этих числительных указывают а) открытое *о* дво́е Псалт. 80, dvóio, tróio Тотемск. 130 (33), *дво́е, тро́е* Ряз. и б) обычную энклизу при предлогах: на́двое Охт. 1594 г., Ратн. 39 об.; на́трое Тр. П. 1589 г. 371 об., Грам. Смотр. 1648 г. 18; литер. и диалект. *на́ двое, за́ двое, по́ двое* (трое) — часто. Числительное же *обо̑и* в Ряз. имеет напряженное *о̑* в согласии с шток. *о̏боје;* что касается словинск. obȏ̯j, то оно имеет перенесенное ударение (срвн. древнерусск. о̆ковы, о̆бои Торж. XVI в. 565, ѡ̆бою р. п. ib. 328, ѡ̆бои[x] ib. 448; о̆бои поля̀цы Новг. лет. 421 об., о̆боем^{ъ} ib. 409; ѡ̆боимъ Хрон. 363; о̆боегѡ Ратн. 25; эти формы чередуются с формами с наконечною акцентовкою: ѡ̏ѡ̆бою̀ Торж. XVI в.

тики Хостника: а) род. пад. мн. ч.: darǫ̑v 95 и по аналогии, как в Тотемск.: kupcǫ̑v 62; б) им. п. мн. ч.: glasǫ̑vi 113, darǫ̑vi 95, valǫ̑vi 318, zvonǫ̑vi 85, sklepǫ̑vi (Плетершник); в) род. пад. ед. ч.: sinǫ̑va, zvonǫ̑va, glasǫ̑va 84; г) им. п. дв. ч.: dva zvonǫ̑va 84. Нисходящее ударение во всех падежах, кроме род. пад. мн. ч., не подлежит сомнению: оно явилось, как следствие переноса ударения с предыдущего слога (срвн. сербск. дат. пад. ед. ч. гра̏дови, дру̏гови, им. пад. мн. ч. дру̏гове;[1] нисходящее ударение подтверждает и M. Valjavec (Rad 132, 195—197), но указывает не напряженное ô, а ǫ: godǫ̑vi, gradǫ̑ve,[2] что, вероятно, первоначальнее для слов с нисходящим ударением на корне. Что же касается отмечаемого Хостником нисходящего ударения в род. пад. мн. ч., то оно или является опечаткой, или развилось по аналогии к другим падежам, которые в свою очередь заимствовали из род. пад. ǫ, ибо M. Valjavec (op. cit 172) вполне определенно оттеняет в этом случае восходящее ударение: bobǫ̑v, kolǫ̑v, sokolǫ̑v, poslǫ̑v. Чешский язык своим -ův, в противоположность словацкому языку, знающему -ov, подтверждает восходящее ударение на *o*.

Здесь же отметим Тотемск. domô̯ 39, Костр. Шунг. *домуо́й* 68, Ряз. *домо̑й, долȏй* из древних *домо́въ, долóвъ*. В слов. domǫ̑v перенесено ударение; но чешск. domův, dolův вполне соответствуют русскому языку.

§ 72. Род. пад. мн. ч. имен сущ. женского рода с основою на *-a*, муж. (в старой форме без *-ов*) и ср. родов с основою на *-o* имеет напряженное *ô*.

Псалт.: ѿво̑дъ | мно̑гъ 197, ѿго̑|ръ 102, но̑гъ 84 об., 157, во̑дъ 90, 104; ѿво̑дъ 21, во̑дъ 83 об., 129 об., во̑|дъ 39, го̑ръ 101, 131 об., 141 об.; одно исключение: наве́рхъ го́ръ | 96 об.; ѿро̑|гъ 27 об.; доро̑гъ о̀лтаревыхъ 164 об. Сборн.: сто̑пъ 25, во̑дъ 5, 323 об., но̑гъ 141; но в муж. роде только один раз и то

[1] При древнем же ударении на -ov- это o в сербском языке носило восходящее ударение, срвн. дат. пад.: соко̀лови, ва́лови, ду́бови, пру́тови.

[2] Срвн. еще в других падежах: sinǫ̑vom, sъsinǫ̑vi, pri sinǫ̑vih.

с открытым *о:* а̊невтѣ́саща ро́дъ 261 (правильно: патьсо́тъ 273, 278 об. (262), дева́со́тъ 312). Тотемск.: nôk, kôs (от коса и коза), gôr, s-têx pôr 33, с полногласием: storôn, goɫôf, poɫôs, skovorôt 43; sirôt, gospôt 37; slôf, pôl′, môŕ 33 и лишь иногда слышится kos, por 33 (Их.); но правильно: snox 34, dostók 39, drof 34, dvux sot 130, ṕeť sot ib. Костр. Шунг.: *волуо́с* 71. Ряз.: здесь правильно сохраняется напряженное *ô* лишь в словах с полногласием: *полôс, голôв, борôд;* другие же слова или имеют открытое *о* по аналогии к вин. пад. ед. ч., накоренная акцентовка которого иногда сохраняется (*го́ру, во́ду, зо́лу, по́лу,* обычнее: *расу́, казу́* и т. д.), а главным образом к им.-вин. пад. мн. ч. и звучат так: *вод, гор, гроз, коз, пол, рос, сов,* или же имеют напряженное *ô,* но тогда это *ô* слышится и в вин. пад. ед. ч. и в им.-вин. пад. мн. ч. и даже в других падежах мн. числа: *нôг* срвн.: (*нôгу, нôги*),[1] *вдôв (вдôвы),* и даже с *ô* из древнего *ъ: снôх, снôхи, снôхами.* В других случаях слышится *о* из *ъ: блох.* Для имен сущ. ср. рода имеется пример слов, где открытое *о* по аналогии к падежам ед. ч. при правильных: *дров, пятьсо́т.*

О древнем восходящем ударении в этих формах прежде всего свидетельствует отсутствие в русских говорах и памятниках энклизы этих форм при предлогах: 1) догóръ Сим. лет. 97, ѿгóръ Пат. Скитск. 112, Тр. П. 1589 г. 367; оу̊нóгъ Подл. 96, ѿнóгъ Кн. Степ. 150; срвн.: безроу́къ Сборн. 1647 г. 474, отроу́къ Новг. лет. 506, 582, достѣ́нь Тр. П. 1589 г.;[2] 2) изрóгъ Новг. лет. 483, и̊згрóбъ Тр. П. 1589 г. 285, Св. 1647 г. 465, ѿгрóбъ Чин Страшного Суда (Москва) 42, ѿро̀дъ Нов. Зав. XIV в. 130 об.; срвн. ѡтво́лкъ Новг. лет. 370 об.;[3] 3) для слов

---

[1] Напряженность *ô* тем загадочнее, что энклиза этого слова в разбираемом говоре при предлогах обычна: *по́д ногу, на́ ногу, за́ ногу, на́ ноги,* срвн. *на́ воду, за́ воду, на́ воды, за́ полу, по́д полу, за́ гору, на́ горы.*

[2] Как на единственное мне известное исключение я могу указать лишь на случай, отмеченный М. Колосовым: *до́ гор* Муромск. (Заметки, 302).

[3] Примеры энклизы на последнее слово в других падежах: попала *на́ волка* овца (Измайлов), на́волка Св. 1647 г. 488 об., на́волки ib. 474.

ср. рода я приведу лишь примеры на слово с некогда долгим гласным: ѿмáсъ Злат. XVII в. 191 об.[1]

Сербский язык для слов женск. рода указывает восходящее ударение: штокавск. кóсâ, кóзâ, нóгâ, чакавск. gór Изв. XIV_2, 226, также и для среднего рода: штокавск. пóљâ; что касается род. п. мн. ч. слов муж. рода, то мы в параллель словам с долгими гласными штокавск. дрýгâ, кýмâ, лúстâ (от дрýг, кýм, лúст), чакавск. vlásīh, предполагающая *vlás Изв. XIV_2, 218, ожидали бы в словах с кратким *o* иметь нечто подобное, но чак. brôd ib. 217 указывает на нисходящее ударение.

Также и словинский язык подтверждает восходящее ударение: vǫ́z (Rad 132, 172), kǫ́s, nǫ́g (ib. 173), но напряженность *o*, как показывают приведенные примеры, здесь подобно Рязанскому говору исчезла; однако Хостник в своем словаре в наречных выражениях dosih dǫ̑b, posih dǫ̑b отметил *ǫ* в противоположность Плетершнику: dosih dô̑b, posih dô̑b; нисходящее ударение в последних случаях свидетельствует о переносе ударения с sih, срвн. zásihdob (Плетершник), где ударение с среднего слога оттянуто на первый. Напряженное *o*, кроме того, слышится в род. пад. ǫ́vας и многосложном слове konǫ́palj. I. Gebauer[2] указывает долгое *o*, откуда *uo, ů*, в старых чешских памятниках и говорах чешского языка в род. пад. мн. ч. имен сущ. ср. и женск. родов: стар. z těch kuol, tych sluow; диал. slův; стар. všech huor, jeho nooh, s nuoh, podle stoky wuod; диалект. nóh; как и в других случаях я здесь вижу отражение напряженного *o* под старым восходящим ударением.

§ 73. I. Твор. пад. ед. ч. имен сущ. муж. и ср. родов с основою на *o* имеет всегда открытое *o*.

Сборн.: животóмъ 8 об., сѫдóмъ 11, соврагóмъ 23-2, стωлпóмъ 31, 151, крт҃óмъ 40, 111 об., 319, снѡ́мъ 44, 137 об., стрѫдóмъ 44 об., 205 об. (262, 313), полкóмъ 307 об., прѣ҃пол-

[1] Энклиза при других падежах: ѿмаса Торж. XVI в. 528, намасо Требн. 1623 г. 231 об.

[2] Historická mluvnice jazyka českého. I, 599.

кѡ́мъ 115, солвѡ́мъ 129 об., жеѯлѡ́мъ 146 об., 226 об., хѡ́мъ 169 (197, 305); перо́мъ 157, числѡ́мъ 171 об., вино́мъ 207, чело́мъ 328, всеѳр҃ѯьствомъ 23-2, добрѡ́мъ 46. Псалт.: сра-бо́|мъ 170, стоудѳ̀мъ 124 об., 184 об., постѡ́мъ 44, 89 об., снѡ́мъ 102, с҃ѡнмѡ́мъ 31 об., жеѯлѡ́мъ 123 об., съѳ̀трѡко́мъ 209; вино́мъ 78, с҃сребрѡ́мъ 146, сребрѡ̀|мъ 88, числѡ̀мъ 144 об., бѫ́тво̀мъ 222. Тотемск. без исключений *о:* gńozdóm, stołóm, ćeŕedóm и др. (35), pöškóm 22. Для Грязов. имеется один пример в наречии *нутро́м* с *ô,* а потому трудно сказать что-либо положительное.

Ряз.: всегда открытое *о: орло́м, коло́м, молотко́м, сапого́м; село́м, перо́м* и в наречиях: *пешко́м.*

Сомневаться в том, что здесь *о* из древнего *ъ,* не приходится (срвн. об этом с указанием на древнерусские памятники и малорусское наречие, а также со сравнением с другими славянскими языками у Б. М. Ляпунова, Исследование о языке синодального списка 1-й новгородской летописи, вып. I, 1900 г., 54 и след.; кроме того, на древнее *ъ* указывает особый характер аканья некоторых русских говоров, см. Изв. IX_1, 350).

II. Неясным является открытое *о* в дат. пад. мн. ч. имен сущ. муж. и ср. родов с основою на *о.*

Сборн.: грѣхо́мъ 38, 122; вѣко́мъ 16 об., 30, 41, 127 об., 210 об.; зѳ́бо́мъ 121 об., 302 об.; бѣсо́мъ 154 об., 203 об. ter; бого́мъ 311; бѣсово́мъ 100; ѳ̀бразо́мъ 234, помы|слѡ́мъ 140 об., помыслѡ́м҃ 283, ѳ̀блако́мъ 143, оу҃чн҃ко́мъ 14 об., 170 об., долъжнико́мъ 45; ковато́мъ 210 об., къоу҃стѡ́мъ 320; срвн. еще в дв. ч.: крыло́ма 162. Псалт.: рабо́мъ 217 об., скѡто́мъ 64 об., 200 об., скѡто̀мъ 142, врато́мъ 12 об., 25 об., 54 об., 70 об.; врагѳ̀мъ 109, 210 об. bis, 216; бого́мъ 65, 208 об.; богѳ̀мъ 187 об., 225 об.; зоу|бо́мъ 180; вѣко̀мъ 219 об., 223, сыно́мъ 161; оу҃сто́мъ 51, оу҃стѡ́мъ 172 об.; злѡ́мъ 45; срвн. еще в дв. ч. вѣко́ма 183 об.

Может быть, в живом произношении писца существовали лишь формы, явившиеся по аналогии, на *-ам,* и этим обстоятель-

ством следует объяснить неправильное обозначение *о* в этой форме (открытое вместо напряженного), хотя в других несуществовавших в его произношении формах (напр. в аористах) писец по традиции обозначил *о* правильно. Только один раз писец Псалтыри обозначил *о* в форме дат. пад. мн. ч. напряженным: рабо̀мъ 216 об.

Решение вопроса о звуке *о* в этой форме затрудняется прежде всего невозможностью дать определенный ответ на другой предварительный вопрос, а именно, насколько были живыми для писцов наших памятников означенные формы. Если они были мертвыми, то, конечно, можно ожидать разного рода неожиданностей, в частности, например, писцы могли их уподоблять формам твор. пад. ед. ч., где открытое *о́* правильно. Но мало того, если эти формы были живыми, то трудно настаивать, что ото всех слов *о* в окончании было одинаковым; ибо слова с нисходящим ударением в корне на глазах историка приобрели наконечную акцентовку (в Нов. Зав. XIV в. еще обычна накоренная акцентовка:[1] повсѣ́мъ гра́домъ 69, вла́сомъ 84 об., до́момъ 136 об., зꙋ́бо̀м 6, вѣ́комъ 112, 146, 153, да́ромъ 113, слѣ́домъ 101, и очень редко: поградо̀мъ 73 об.; изредка она встречается в Новг. лет. и Хрон.: полꙋ́гомъ 614, зꙋ́бомъ 364, дрꙋ́гомъ 566 об., но здесь уже чаще: градо́мъ 401, вѣко́мъ 388, бого́мъ 425 об., сыно́мъ 478 об., зꙋ́бо́мъ 441 и др.; в нашей Псалтыри: бѣ́сомъ 208 об., проу́гомъ 108; кроме того, в Мин. 1608 г.: ѿ о̑ца свѣ́томъ 205; срвн. еще для дв. числа в Кн. Степ.: грббома 112, рбгома 138, Кормч. 1650 г.: слоу́хома 67), в отличие от форм род. пад. мн. ч. на *-ов,* которые от слов с коренным нисходящим ударением издревле имели наконечную акцентовку (напр. Нов. Зав. XIV в.: дарò̀въ 108, громо́|въ 157, Новг. лет.: бѣсо́въ 424, дарбвъ 428 об., чино́въ 547, крꙋ́бо́въ 606 об., возо́въ 316 и т. п.). Поэтому если у последних форм обычно *о̀* (см. § 71), то у первых его могло не быть, потому что ударяемым *о* стало

[1] На таковую же акцентовку указывают чакавские говоры vo̯zo̯n, vlāso̯n (Изв. XIV$_2$, 208—209), так что в древности ее сомневаться трудно.

в очень недавнее время. Под влиянием этих форм с открытым *о* могли исчезнуть и формы с напряженным *о*, употреблявшиеся от слов с наконечною акцентовкою; сохранение древности я вижу в единственной форме из Псалтыри: рабо̂мъ 216 об. Однако, повторяю, вопрос не может быть решен окончательно. Ко всему этому присоединяется загадочное какое-то взаимодействие между падежами дательным мн. ч. и творительным ед. ч. в словинском языке: в говорах, имеющих дат. п. на -am, появляется и твор. пад. ед. ч. на -am (Arch. f. Slav. Phil. XI, 551—552, статья В. Облака); впрочем для последнего возможно объяснение из -ъmь. Чешский язык, в противоположность древнерусскому, сохранил и распространил на другие категории слов формы с напряженным ô, откуда теперешнее -ûm (в словацком языке -om).

§ 73а. Кроме того, напряженное *ô* в закрытом конечном слоге имеют следующие наречия: Сборн.: ѿ̀ ко̂ль краты 116 об., Псалт.: ко̂ль 37 об., 97, 108, 115, 172, 184 об. и в других местах при одном исключении ко́ль 84, Грязов. *сто̂лъ*.

ГЛАВА IX.

Напряженное *ô* в конечном открытом слоге.

§ 74. Им.-вин. пад. ед. ч. имен сущ. ср. рода, а равно прилагат. (и образовавшихся от них наречий), причастий и местоимений нечленной формы того же рода имеет обыкновенно напряженное *ô*.

Сборн.: число̂ 258 об., бревно̂ 11 (*е* исправлено на ъ), хѵ́до̂-ство̂ 292; дно̂ 291 об.; сребро̂ 9, брьвно̂ 11; вѣ́но̂ 15 об., вино̂ 23 об. bis, 122 об., 238 об.; окно̂ 227, число̂ 153, платно̂ 174, млеко̂ 293, мѫ́жество̂ 39 об., дѣ̀вство̂ 107,[1] ро́ство̂ 121 об.; [с поправкою: чи́сло̂ 133 об.]; красно̂ 42 об.; сло̂

[1] Акцентовка последних двух слов, как и нижепомещенного из Псалт. бѣгъство̂, хотя и странна, но для памятников колебание ударения в словах с суффиксом *-ство* обычно: моуже|ство̀мъ Псалт. 86/86 об.; художества̀ ib. 209 об.; мѫ́жества̀ Сборн. 43 об., хѫдо^{ж}ства̀ ib. 30 об., поже|стѡчьство́уже ib. 285; обратно: соу́щество ib. 250, ѣ́стество^{м} 32 об.; то́ржество Торж. XVI в. 172;

нар. 111, злѡ 19, 23, 239 об., наѕлѡ 135 об., злѡ заѕлѡ 28 об., незлѡ 23 об., кра|снѡ 249, бѣлѡ 116, 311, набелѡ ѡ҃зеро 223 об., быстрѡ нар. 19-2, легкѡ ѥ҃ 17 об., ровнѡ 161, добрѡ 6, 15, 28 об., 101 об., 109, 164 об., 299, надобрѡ 18, ѕѣлѡ 34, 42 об., 58; данѡти 164 об., данѡ бы́сть 319; прѡшлѡ 254; ѡ҃нѡ 36 об. bis; ѡ҃нѡ 145 об., мѣ́сто ѡ҃нѡ 268; таковѡ смире́нїе 171; таковѡ дѣ́ло 137 (191 об., 230 об.); каковѡ | слѡ́во 153 об. (171 об.); а҃кѡвѡлюбо ѥ҃ 33, а҃ковѡ 35; [с поправкою: та́ковѡ 281 об.]. Псалт.: селѡ́ 61, числѡ́ 51 об., ви|нѡ́ 142, гнѣздѡ́ 115 об., сребрѡ́ 187, бѣгъствѡ́ 194 об.; винѡ́ 89 об.; наронѡ́ 95 об. (= роу-); сребрѡ 160 об. (84 об.); винѡ 208 об., 209 об., 210; гнѣздѡ 208, млекѡ 170, 208, сребрѡ 15, 225; тръжествѡ 1; ѕлѡ́ 127, злѡ́ 68 об., 193, назлѡ́ 73 об.; ѕѣлѡ́ 25, 37, 47 об., 62 об.; ѕлѡ 8, 207; добрѡ 182, 184 об., 186, 224 об.; ѕѣлѡ 7, 141, 145, 153, 156 об., 162, 165 об., 168 об., 169, 172, 175, 191, 191 об. и в друг. местах. Исключением можно было бы считать: вначалѡ ѱа҃лм҃ 1 об., если бы самая акцентовка не внушала подозрения в описке.

О. Брок отмечает, что напряженное *ǒ* в окончании им.-вин. пад. ед. ч. вышепоименованных форм слышится «постоянно» (стр. 41): śǒlǒ, ŕǒbrǒ, śeŕebrǒ, koľösǒ, molokǒ (41); oknǒ, píśmǒ, krylǒ, pörǒ, źornǒ (122), gńozdǒ (127); Их. ŕešotu̯ǒ 46; davnǒ, rovnǒ, šyrokǒ, dou̯žnǒ, dobrǒ (41); böŕǒ, gŀybokǒ, ľo͞kǒ, ťoplǒ, vysokǒ (128) и даже, по аналогии, после шипящих на месте *o* из древнего *e:* xorošǒ, d'úžǒ, gožǒ (128); nasažonǒ (41); rostŕešönǒ (ib. 133); ćvǒlǒ (ib. 41); onǒ (ib. 41). Исключений отмечено 5; из них 3: rožostvó, pal itó (ib. 41), davnó 114 явились, вероятно, под влиянием чужого произношения (таково

ме́ньшеньство ib. 587 об.; празднествѡ Триф. Кор. 107 об.; познакомъствоу Улож. 333 об., в'послѣшествѡ ib. 141. То же самое наблюдается и в великорусских говорах: *знакомствó* Новг. Устюж., Мат., № 28; Вятск. Орл., Мат., № 42 (*знáкомство* Псковск. Холмск., Мат., № 54); *мужествó* — мошонка с детородными ядрами, Арх. (Подвысоцкий); *óбчество* и рядом *в абчествѣ* Моск. (Чернышев), срвн. еще *свóйство* и *свойствó*.

мнение и О. Брока); четвертое samó (ib. 125) — неясно; а в пятом naćaló 135 возможно видеть опечатку.

У В. Мансикки отмечено: *молокô, давнô, тяжолô, грешнô* и по аналогии *дюжô; отошлô, онô.*

У Н. Виноградова можно отметить следующие подходящие сюда случаи: *всё роўнуò* 76, и по аналогии явившееся *хорошуò* 73.

Ф. Тоньшин привел следующие примеры: *днô, селô, помялô, колесô, ремеслô, обществô; веселô, краснô, сильнô, далекô, серô, теплô, холоднô, голоднô, студенô, злô, на злô,* и по аналогии: *вонючô, горячô;* исключением являются имена существительные на *-цо* и *-чо* с открытым *о: кольцó, яйцó, лицó, плечô;* в *виньцô* хотя наблюдатель и отметил напряженное *ô,* тем не менее видно из поправок в этом месте, что первоначально он обозначил его открытым.

Характерным исключением и в памятниках, и в говорах является числительное *сто:* стѡ́лѣ̀ Сборн. 269 об., sto Тотемск. 130, *сто* Ряз. Ответ на это явление можно найти путем сравнения с сербским и словинским языками: в то время, как в сербском языке во всех приведенных выше категориях *о* является кратким и не передающим своего ударения предшествующему слогу в виде ̏, шток. сѐло, вретѐно, жу́то, грѐбло, гребѐно, ѐно, са́мо, чакавск. mlīkȍ, vīnȍ, golȍ, bēlȍ, onȍ, zorānȍ, в числительном же *сто* наблюдается долгота и нисходящее ударение: шток. и чакавск. stô: вряд ли означенную особенность можно объяснить только исчезновением глухого после *с,* ибо в подобных случаях у имен существительных и прилагательных наблюдается сокращенное *о:* шток. днȏ, цклȏ, злȏ; словинск. stǫ̑ не так характерно, ибо при dnò имеется zlǫ̑.

Сербский и словинский же языки указывают в местоимении то долгое *о* с нисходящим ударением (шток. tô, но чакавск. tȏ; слов. tǫ̑, zatǫ̑, obtǫ̑, natǫ̑). Данные Сборника свидетельствуют исключительно об открытом *о:* тѐ 37, тó 47, тóже нар. 155, втó|же числô 133 об., тó 18 об., тó соу̑ кôзлища 120, тѐ са́мое 211, йтѡ́ ѣ̀ 317, прѡтѐ 318 об., втóврема 219, 227 об., втѡ́

врéмА 222 об., 223. Псалтырь дает противоречивое показание: затѡ̀ 38 об. и тѡ̂ 22. Брок слыхал форму to с открытым *о* (подстрочное примечание на стр. 125), но в парадигмах выставляет тѡ̂,[1] считая первую форму чужою; мы думаем в виду вышеизложенного, что форма тѡ̂ новее формы то.

В отличие от сербских форм štѡ̀, tkѡ̀, но в согласии со слов. kdó, а у Хостника kdǫ̂, и Брок, и Тоньшин отмечают эти формы с открытым *о:* хто, ščo, што (124), štó-žo (144) — *што, кто (що).* Однако Тоньшин при двукратном расспросе подтвердил, что при сложении с предлогами форма што звучит с *ô: зашто̂, нашто̂.* Памятники удивительным образом подтверждают сообщение Тоньшина.

Сборн.: ктѡ́ 8, 9 об., 70 об., ктѡ́ͫ 25 об., ктѡ́ли 25 об., ктѡ́ ѣсмъ 33 об., чтѡ́ 6, 8 об., 10, 11, 12, 76, 249, что́ 7, йнѡ что̀ 45, чтѡ́же ѣ̂ 129, что́ | ради 130 об., зайнѡ что̀ 325 об., но: нивочтѡ̂же 16, вочтѡ̂ 8 об., почтѡ̂ 11 bis, 69 об., 104 об., почтѡ̂мА 295 об.; впрочем, возможно и: почтѡ́ 147 об., 182, 282, 285, 286 об., 310, почтó 291; срвн. еще: ничтѡ́ͫ 20 об. bis, ничтѡ́же 49 об., 107, 134 об., кроме того: ни|ктѡ́же 139. Псалт.: ктѡ́ 102, 147, 153, 154 bis, 159 об., 183, чтѡ́ 116 об., 162, 163, чтѡ́ти 160, чтѡ́сА хвáлиши 68 об. (4 об.), чтѡ́ ради 13, но: нивочтѡ̃|же 51 об., почтѡ̃мА 56, ничтѡ̃же 28 об., 102, 123, ничтѡ̃же 191 об.

Что касается местоимения кóждо Сборн. 289, кóжѡ ib. 184, кó|ждѡ̃ ib. 297 об., кóждѡ ib. 28, 132, 193, 197 об., 308, 313, то в нем открытое *о* правильно из древнего *ъ* (къжьдо), так же, как в тьı̀ же тóжде ѣсѝ Псалт. 139 об., относительно кбиждо см. § 70.

Трудно определить, чем объясняется нисходящее ударение и вместе с ним открытость *о* в числительном *сто* и местоимениях *то, что, кто;* однако, можно догадываться, что означенные слова имели таковую особенность благодаря тому, что им часто прихо-

[1] Вероятно, под влиянием этой формы явилось *ô* в tôt, где мы ожидали бы открытое *о* (< tъtъ).

дилось стоять не в абсолютном конце звукового комплекса: срвн. *кто́-нибудь, что́-нибудь, кто́-либо, что́-либо* (что́любо Кормч. 1650 г. 61; в этой Кормчей, как в Улож. и Ратн., строго проводится употребление значков ´ и `; последний всегда в конце слов), *кто́ это, что́ это,* народн. *кто́-йто, что́-йто, то́ есть, не то́ што, на то́ места* Моск. Клинск. (Чернышев, 27), срвн. у последнего местоимения в других падежах: вте́поры Улож. 49, 52, 119 об. и в других местах часто *ф те́ поры* Тверск. Каш., Смирнов, *ф ту́ пору* Терск. Греб., Караулов, наше *то́тчас* при *тотча́с*); числительное *сто* также сливалось со следующим словом: сторубле́въ Улож. 107 об., столе́тъ Ратн. 31, стокра́тъ Сборн. 1647 г. 866; в Сборнике, наоборот, теряет ударение не *сто,* а *лет;* срвн. слияние со следующим словом других числительных: два́года Улож. 299, три́годы ib. 300, три́дни ib. 185, Кормч. 1650 г. 589 об.; в говорах очень обычно: купить и в *три́дорога,* да *втри́мила* ДСл., I, 242; *два́ года, два́ ряда, два́ раза, три́ рас* и даже *сто́ рас.* Словинский язык дает некоторое указание на перемену характера ударения в конечном слоге при присоединении к нему энклитики. M. Valjavc'om (Arch. für Slav. Phil., V, 157 и след.) указано, что формы ед. ч. повелительного наклонения с кратким ĭ меняют это краткое i на долгое с нисходящим ударением, если к ним примыкает местоимение в виде энклитики (leží, nesí, но: ležî mi, nesî me). Объясняется это явление Валявцем влиянием форм дв. и мн. ч. ležîva, nesîte; нам же думается, что в последних формах характер î обусловлен окончаниями -va, -te, которые являются такими же энклитиками по отношению к основам leži-, nesi-, как mi, me к формам 2-го лица ед. ч. ležî, nesî. Срвн. выделение в русском языке окончания *-те* в особую частицу, то присоединяющуюся к другим формам: *пойдемте,* то отделяющуюся в форме 2-го лица мн. ч. другими частицами и даже словами: сев.-великорусск. *глядикоте* (у Кирши Данилова: *бегикате*), Олон.: *дай волю те-тко,* победные соседушки! (Е. Барсов. Причитанья северного края).

§ 75. I. Род. пад. ед. ч. местоимений с окончанием на *-го́* в памятниках всегда имеет напряженное *о̂*.

Сборн.: накогѡ̂ 23 об., нинакогѡ̂же 246 об., чегѡ̂ 156 об., ничегѡ̂ 154 об., когѡ̂жѡ 25, егѡ̂ 13 об., нанегѡ̂ 19 об., всегѡ̂ 172 об., ѿвсегѡ̂ 7 об., сегѡ̂ ради 9 об., сегѡ̂бо ра́ди 5, ѡ̀ногѡ̂ 228, само|гѡ̂ 145 об., насамогѡ̂ 19 об., твѡ̀егѡ̂ 4 об. и в других местах. Псалт.: когѡ́са оу̀бою̀ 32 об., ѐгѡ́же 143, 164, ѿнегѡ́же 40 об., сегѡ́ради 38, 55 об., 59 об. bis, 60 об., 85, 157 об., 170, 173 об., 174, 174 об., ѿтогѡ́бо 79, тогѡ́ ѐсть 131 об., ѿтогѡ́ 79 об.; ѐгѡ̂ 12 об. (26 об., 40 об., 201), рѡда тогѡ̂ 132, моѐгѡ̂ 36 об., 173 об., твѡ̀егѡ̂ 186, 216 об., свѡ̀егѡ̂ 199 об.; ѿкогѡса... 32 об., ѐгѡ̂же 82 об., 145, ѐгѡ̂ 23 об., 141 н. раз, 143 об. bis, 144 н. раз, 148 об., 152, ѿнегѡ̂ 155 об., сегѡ̂ ради 172 об., 174, 214 об., тогѡ̂ 131 об., 201, моегѡ̂ 63 об., 173, 183 об., твоѐгѡ̂ 122 об. (141 об.), свѡегѡ̂ 145 (147 об.). Исключение замечено лишь одно: ѿ́рода сего̀ 15.

Русские говоры в отношении разбираемой особенности резко распадаются на две группы: 1) северновеликорусские, в которых напряженное *о* сохраняется очень хорошо и 2) южнорусские, в которых напряженность *о* потеряна.

В Тотемск. О. Брок отмечает: «в род. пад. местоимений опять находим при ударении *-о̂:* kovô кого, tovô, ćovô» (41); из других мест описания: jövô 124, samovô 2, śovô 123; впрочем при sóvôdńi 125 встречается śovódńi 99, которое Брок объясняет, повидимому, заимствованием из других говоров.

В. Мансикка также отмечает в Грязов. *ничево̂*.

Н. Виноградов указывает, что в Шунг. в этой форме слышится самое резкое *уо* (стр. 7) и, действительно, в его записях здесь чаще всего отмечен этот звук: *ковуо̀* 68, 71, *човуо̀* 7, 9, 44, 45, 56, 71, 75, 78, *ничоуо̀* 7, 9, 22, 38, 60, 64, 65, 69, 73, 78, *ёвуо̀* 7, 8, 56, 66, 67, 68; *всёвуо̀* 7, 8, 22, 56, 57, 59, 74, 77, 79; *оттоуо̀* 68, *одноуо̀* 67, 68, 72, 76, *твоёвуо̀* 8, 22; *своёвуо̀* 65, *своуо̀* 78, реже: *ёво* 56, *тово* 64, *всёво* 71, *твово*

23 и в др. местах; отметим, что в совбдни звук *уо* не отмечен, хотя слово встречается нередко (см. 9, 17, 23, 58, 64, 69).

Среди трех примеров, приведенных Далем на вятское *уо*, отмечено как раз: *ничевуо* (О наречиях и пр., 27).

Обращаясь к акающим говорам, мы не найдем здесь в этой форме *ô*. Ф. Тоньшин категорически указывает на открытое *о*: *таво, каво, чаво, его, таго, каго, чаго, моего, своего, одного, самого*. В обоянском говоре, как нам удалось выяснить (Гласные в слоге под ударением в момент возникновения в обоянском говоре, СПб. 1904 = Изв. IX_1, §§ 8 и 9), аканье предударного слога находилось в зависимости, между прочим, и от того, было ли в слоге под ударением древнее *о* или *о* из древнего *ъ* *(сяло — лисок);* в настоящее время мы можем дополнить в зависимости от древнего *о* из напряженного *о,* ибо все примеры, приведенные в § 8 вышеназванной работы, имеют $o < \hat{o}$; что касается аканья перед древним открытым *о,* то данные обоянского говора, которые мы имеем в своем распоряжении, на этот вопрос ответа не дают, ибо аканье в предлогах *без, перед, через* и отрицании *не,* при которых можно было бы встретить в следующем ударенном слоге открытое *о* с его влиянием на предыдущий слог, было нарушено аналогией (см. § 11, срвн. еще не только *ня пол* IV, 23, 42, 94, но и *ня гот* IV, 87, *ня бох* IV, 17, 102, 103, *ня вор* IV, 30, *ня рот* (= род) IV, 23; не только *ни скора* III, 17, IV, 35, 79, 88, но и *ни добрая* IV, 54; не только: *ня ломя* IV, 32, *ня сходитца* IV, 15, *ня носють* IV, 27, но и: *ни сломитца* IV, 36, *ни ходить* IV, 27). Так вот, в этом говоре вместо ожидаемого *я* перед окончанием *-го* обычно встречается *и* при редком *я* (§ 10): по моему мнению, это было обусловлено переходом конечного напряженного *ô* в открытое *о,* какое мы наблюдаем в Рязанском говоре.[1]

[1] Ни акад. А. А. Шахматов в материалах для *ô* из Кал. губ., ни проф. Е. Ф. Будде в материалах для дифтонгов для Тульск. и Ряз. губ. также не привели ни одного достоверного случая на *ô* в род. пад. местоимений.

Возможно, что в связи с потерей в акающих говорах напряженности *о̂* в этой форме находится одно характерное отличие акающих говоров от окающих, а именно обычное *-ho* при обычно окающем *-vo:* последнее именно обусловливалось напряженным *о̂;* когда выпадало *г* звук *о̂* развивал перед собою *в* (а может быть, и само выпадение звука *г* было обусловлено тем, что его выпирал вновь образовавшийся звук *в*) так же, как в начале слов (см. § 3); эта причина в акающих говорах исчезла, а потому *-vo,* успевшее, может быть, в некоторых говорах развиться в то время, когда еще было *о̂,* если только эти формы не заимствования из других говоров, — в них редко.

II. Почему в окающих говорах означенное явление не ограничилось местоимениями, в которых *о̂* находилось под ударением, объясняется не новою аналогией со стороны местоимений, а сохранением издревле, может быть, под тем же влиянием этого *о̂* и у имен прилагательных, числительных и местоимений с ударением не на *о̂.*[1] Наши памятники дают великолепный материал для этого явления.

Сборн.: йноческагѡ 71, ви́димагѡ 5 об., йстиннагѡ 6, ѿдобрѡдѣ́телнагѡ 6 об., найскренагѡ 23 об., нѣ́коегѡ 35 об.; вы́шнагѡ 12, 317 об., нѡвагѡ 30 об., теле́снагѡ 103 об., оу̀бо́гагѡ 105 об., ма́лагѡ 129 об., оу̀ти́шнагѡ 141, вели́когѡ 78 (кин.), ѐди́ногѡ 12 об., на́шегѡ 5 об., 17 об.; вѣчна́гѡ 5, страшна́гѡ 131, хв̑да́гѡ 132 и др.; впрочем, чаще без ˆ над *го:* о̀бращáющагоса 21 об., вели́кого 22, ниеди́ного 24 об., молчали́ваго 141, сла́внаго ѝстрашна́го 23-2, смире́ннаго ѝкротка́го 16, тр̑бна́го 114 об. и др. Псалт.: йскреннагѡ 136, спаса́ющагѡ 148 об., пра́веднагѡ 8 об.; оу̀бо́гагѡ 156 об., льсти́ваго 154, вы́шнагѡ 151, сътвѡршагѡ 148 об., о̀бра|щъшагѡ 160, небе́снагѡ 126 об., си́лнагѡ 178, непови́ннагѡ 12 об., нани́щагѡ 14, ѐди́|нагѡ 6, доеди́ногѡ 69 об., вса́когѡ 1, 151 об., 172, на́шегѡ 134, 135, 179 об.; горда́гѡ 122, свата́гѡ 148, морска́гѡ 215, ч̑тна́гѡ 221 об., втѡра́гѡ 62 об.; значительно реже без ˆ над *-го:* ни́ща|го 13, а иногда сохранено ˆ над *-го,* но отсутствует основное

[1] О возможности сохранения *о̂* не в слоге под ударением см. § 62.

ударение: до́единого 16, твѡрѧщаго 199 об., нашего 122 об., 135 об., ва|шего 75 об., вашего 112 об.

Но самое интересное в этой Псалтыри заключается в знаке ударения над о при основном ударении: о́бидящаго 93 об., и́згѡнящаго 58 об., пра́веднаго 101 об., 211 об., пра́веднаг|о (на подклеенном 47 листе), вы́шнаго 103 об. и однажды при отсутствии основного ударения: въста́ющаго 98. Последнее явление (если только здесь не случайный пропуск главного ударения на -ств-), конечно, следует сравнивать с великорусскими фамилиями на *-во́: Дурново́, Благово́, Сухово́*. Следовательно, хотя *о́* у имен прилагательных в окончании *-го* в общей массе и не имело на себе ударения, но оно могло притягивать на себя таковое, если имя прилагательное выходило из категории имен прилагательных, которые своей акцентовкой других падежей препятствовали перенесению ударения на окончание (срвн. сербск. диалект. staregà, staremù, starimì, starimà).

ГЛАВА X.

Напряженное *о́* в окончании членных имен прилагательных, а также местоимений и в твор. пад. ед. ч. имен сущ. женского рода и местоимений.

§ 76. Во всех падежах ед. ч. членного склонения имен прилагательных, порядковых числительных и местоимений, где имеется ударенное *о*, за исключением имен. пад. ед. ч. муж. рода это *о* является напряженным.

Сборн.: им.-вин. п. ср. р.: седмо́е 257 об.; зло́е 11 об., ѧ́зло́е 74, назло́е 210, бл҃го́е 13, 76, 126 об., 135 об., 225 об., прѡсто́е 164 об., слабо́е 241 об. (акцентовка для великорусских памятников редкая), дрꙋго́е 5 об., 37, 71 об., 121 об. bis, 141 об., 144 об., второ́е 129, 251 об., втѡро́е 133, 152 об., 162, 173, вовтѡро́е 111 об., ветхо́е 15 об., вседмо́е 266 об., ѡ̑смо́е 256, кротко́е 141, бѣсовско́е 41, мирьско́е 37 об., ч҃тно́е 136, 244, долъжно́е 30, 149 об.; оу̑мно́е 5 об., блꙋдно́е 72, кр҃тно́е 19 об., страшно́е 23-2 об., 113 об., 129 bis, 142, 145 об.,

ввѣчнѣе 234 об., мощнѣе 241 об., земнѣе 136 об.; распатѣе 240; и҃нѣе 47, 174, 226 об.; таковѣе 187 об.; род. пад. ед. ч.: и҃нѣго 23-2 об., 93, 263; сверѣ҆стнѣго 212; и҃нѣго 4, 74, 156 об., 185 об., 205 об.; дат. пад. муж. и ср. р.: шестѣ҃мъ 266, квѣ|чнѣ҃мъ 260, кне|мощнѣ҃мъ 16 об., и҃нѣ҃мъ 102; злѣмъ 32 об., слѣпѣ|мъ 15 об., постѣ҆мъ 139, 190 bis, дрѣгѣмъ 99 об. (кин.), блг҃ѣмъ 73 об., 195, 220, 315; прѡстѣмъ 190 об., сѣ҃мѣмъ 256, ѣ|смѣмъ ib., грѣстѡкѣмъ 124 об., мирьскѣмъ 20 об., 149, бѣсовьскѣмъ 165, сладкѣмъ 249 об., вѣчнѣмъ 17, 176, 211 об., кземнѣмъ 136 об., 141; къи҃нѣмъ 39 об. (193, 205 об.), коѝнѣмъ, таковѣмъ 145 (249), и по аналогии болшѣмъ 35; дат. пад. ж. р.: шестѣ҃и 266, 271 об. ковтѡрѣи 133, мѷ҆скѣи 326 об.; твор. пад. ж. р.: блг҃ѣю 42 об., нѧ҆ст҃ѣю 119 об., плѡ҆скѣю 327, таковѣю 204 об.; местн. пад. м. и ср. р.: воѡ҆смѣ҃мъ 255 об., врѡ҆дѣ и҃нѣ҃мъ 63 об.; ѣ҆торѣмъ 111 об. (кин.), вост҃ѣмъ 174 об., вветхѣ᷄ 177; местн. пад. ж. р.: навтѡрѣи 287 (срвн. правильно в им. п. ед. ч. м. р.: сѣхѣи 221 об., ѡ҆смѣи вѣкъ 256). Псалт.: им.-вин. пад. ср. р.: сват҃ѣе 123 об., 146, сват҃ѣе 144, ст҃ѣе 189 об., ст҃ѣе 199, благ҃ѣе 69 об., чермн҃ѣе 188 bis, вче|рмнѣе 147 об.; сватѣе 218, 221 об., ст҃ѣе 139 об., страшнѣе 221 об., чермнѣе 226, честнѣе 1; род. пад. м. и ср. р.: и҃нѣго 214; дат. пад. м. и ср. р.: крѣпк҃ѣмъ 55, страшн҃ѣ|мъ 102 об. bis, че|(рмно)᷑моу 147 об.; живѣмъ 55; ст҃ѡ҆моу 150 (с ѡ вм. *о*); твор. пад. ж. р.: морск҃ѣю 122, крѣпк҃ѣю 188; немощнѣю 222; замечено четыре исключения: ст҃ѡ҆мъ 202 об. (значек ударения поставлен киноварью), ст҃ѡ҆ю 4, инѣю 9, красн҃ѡ҆ю 227.

В род. и дат. пад. ед. ч. ж. р. и местн. пад. того же числа всех родов местоименного склонения в памятниках также отмечается *ѣ*.

Сборн.: род. пад. ед. ч.: и҆ст҃ѣи 267 об.; болѣ тѣи пѣчести 45 об. (вероятно, под влиянием дат. и местн. пад.); местн. пад. м. и ср. р.: и҃натѣ҃мъ 5 об., потѣ҃мъ᷄ 261 об., потѣ҃мже 257; втѣмъ часѣ 19-2, потѣмже 140, 140 об., 141, 146, 147, 162 об., потѣмъ 31, 39 об., 137 об., въхрамѣ тѣмъ 153, натѣмъ 74

(146), ѡ̑тѣ̂мъ 49 об., 161, втѣ̂мъ 47, 165 (122), всѣ́момъ тѣ̂мъ нѣ̄бси 32, ѡ̑нѣ̂мъ 181, 219, 223 об., 225 об., 230; вчесѣ̂мъ 104 об., нивчесѣ̂мъ 100, нивчесѣ̂мже 102; местн. пад. ж. р.: ѡ̑тѣ̂и 126 bis, ѣ̑тѣ̂и 81 (кин.), тѣ̂и 123, ѡ̑нѣ̂и 181, 219. Псалт.: местн. пад. м. и ср. р.: врѡ́дѣ̀ и̇нѣ̏мъ 63 об., ѣ̑тѣ̂мъ 8, потѣ̂мъ 13 об.

В Тотемск. О. Брок в схеме склонения членных имен. прилагат. и местоимений отметил им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. с *o* открытым: zlǫ́o 126, kakǫ́o 125, однако на стр. 41, где идет речь об *ô*, указал, что у длинных (= членных) прилагательных обычно *ô*, и привел 3 примера: ṕrosnôo̯, moło̯dô̯o̯, parnô̯o̯ moło̯kô, так что можно думать, что в парадигме опечатки. Что касается случая muśḱǫ́o̯ płato̯ 88, то здесь *o* вместо ожидаемого *ô* под влиянием обычного произношения, знающего после мягких согласных лишь одно открытое *o*. Формы других падежей (род., дат. и местн. пад. ед. ч. м. и ср. рода, род., дат., твор. и местн. пад. ед. ч. ж. рода имен прилагательных членных, числительного *один* и местоимений) в схеме склонений они отмечены с *ô*[1] (стр. 125 и 126): złôva, głuxôva, złômu, złôm, złô̯, tôm, tô̯, kakô̯, samô̯, кроме того: o kôm (стр. 40), odnô̯ (стр. 129), drugô̯ dorôgo̯ (40), при чем это *ô* переходит по аналогии в мягкое склонение: tŕeto̯ôva, tŕeto̯ômu, tŕetiô̯, но: ftŕeto̯óm (стр. 131), bol'šô̯ тв. п. (стр. 40), ć̣ô̯ (стр. 125), fšô̯ ib., o̯ô̯, o̯ôm (стр. 124), mo̯ô̯, svo̯ô̯, mo̯ôm (стр. 125), svo̯ôm (стр. 40), fšôm (стр. 34).[1] Относительно твор. пад. ед. ч. ж. р. Брок предполагает заимствование со стороны род., дат. и местн. пад., указывая на žonó̯ (стр. 40). Зато им. п. ед. ч. м. р. правильно с *ó*: ńomó̯, kosó̯ 35.

В Грязов. сюда относятся: *потѣ̂м* нар., *тѣ̂й, такѣ̂, оржанѣ̂*.

В Ряз. здесь без исключения *ô*: *другѣ̂, злѣ̂ва, никакѣ̂га;* косв. пад. ж. р.: *больнѣ̂й, прямѣ̂й; слепо́му, в глухо́м, в пусто́м, в дру-*

[1] Kakóva (стр. 125) возможно считать за опечатку так же, как и fšom ib. В случаях xudóva (стр. 73, 144), v-odnóo̯ šołuchó 25 и na šõmóm ńeb̆e (стр. 124) возможно видеть неточности записи, так как примеры приводятся для выяснения других фонетических особенностей. Что касается v' odnóm-to mést'é (115), то О. Брок допускает в этом случае влияние извне.

го̑м; то̑й косв. пад. ж. р., *на то̑м, о само̑м, о како̑м* и по аналогии: *большо̑й, меньшо̑й, старшо̑й* косв. пад. ж. р.

Дат. и местн. пад. ед. ч. женск. рода шток. mо̑j при чак. tо́j, местн. пад. ед. ч. муж. рода шток. то̑м (то̑ме) при чак. tо́n ясно указывают на древнее восходящее ударение. Род. пад. ед. ч. ж. р. *то̑й* и твор. пад. *то̑ю* и *то̑й* являются как следствие приноровления к другим падежам. Слов. язык не дает материала для сравнения, за исключением местн. пад. о ko̩m (Валявец) или о ko̩m (Хостник), где o̩ находится вместо ожидаемого *o̩* или *o* под кратким ударением. Что касается *o* в членных формах, то чак. наречие своим нисходящим ударением novо̑ga, novо̑mu, novо̑j вряд ли может свидетельствовать об исконном нисходящем ударении, ибо таковое по общему закону перешло бы на предыдущий слог; с другой стороны, старое восходящее ударение явилось бы виде ̏; это нисходящее ударение, конечно, обусловлено стяжением гласных, из которых в сербском языке первый был ударенным, и явилось в сравнительно новое время. Какой процесс переживал русский язык, трудно сказать; однако по согласному показанию в этой форме *о̑,* даваемому памятниками и говорами необходимо предположить, что здесь было восходящее ударение. Мне представляется здесь допустимым влияние местоименного склонения, в котором *o* в известных падежах было безусловно под восходящим ударением (см. выше), и затем проникновение такого *o* в другие падежи (род. и дат. пад. ед. ч. муж. рода и род. и твор. пад. ед. ч. ж. рода), хотя возможно, что и *o,* получавшееся по стяжении, имело восходящее ударение (срвн. особый характер в этом случае нисходящего ударение в сербск. языке).

§ 77. В этом параграфе рассмотрим употребление звука *o* в окончании твор. пад. ед. ч. а) имен сущ. женского рода с осно-

---

[1] Шток. mлâдо̑га, mлâдо̑м, mлâдо̑ме, mлâдо̑j имеет на первом слоге нисходящее ударение вместо древнего восходящего (чак. mlа́dī и т. д.), так что также не может свидетельствовать о переходе нисходящего ударения с суффикса на первый слог.

вою на *-a*, а также б) личных и возвратного местоимений. Данные Сборника всегда указывают таковое *о* напряженным: а) рѫ̑кѫ̑ю 102, согрѡзѫ̑ю 307 об., ѷвѡдѫ̑ю 277 об., 278 bis, 278 об., лѫ̑нѫ̑ю 278 об.; водѫ̂ю 14 об., 38 об., 275 bis, 278, 278 об., 318 об., рѫкѫ̂ю 234 об., стѣнѫ̂ю 31, 151, ногѫ̂ю 225 об., цѣнѫ̂ю 171 об., 174, съженѫ̂ю 42 об., прѡстотѫ̂ю 13, красотѫ̂ю 160 об., чтотѫ̂ю 7, 263; б) сомнѫ̂ю 16 об., 235; пре̮|мнѫ̂ю 23-2; подомнѫ̂ю 237 об. bis; предтѡбо̑ю 36 об., пре̮тобо̑ю 70, подтобо̑ю 217; пре̮собо̑ю 181 об., по̮сѡбо̑ю 198 об., сѡбо̑ю 20 об.; Псалт. имеет: а) для имен сущ. лишь один раз *ô:* красо|то̑ю 59 об. против двух случаев с открытым *о:* горо́ю 4, надъглаво́ю 192 об.; б) для местоимений всегда *ô:* предомно̑ю 98, со|мно̑ю 90 об., предтѡбою 51 об., стѡбо̑ю 98 об.; предтѡбо̑ю 222 об., предсѡбо̑ю 6 об., подтѡбо̑ю 59 об.

Говоры не дают согласного указания. В Тотемск. О. Брок определенно указывает (стр. 40), что твор. пад. ед. ч. имен сущ. ж. р. имеет открытое *о* и примеры, взятые из разных мест его описания, подтверждают его слова: žonói̯ 40, wdowói̯ 73, sovói̯ ib., rukói̯ 102, gorói̯, za ŕokói̯ 126, boronói̯ 139; точно так же и в твор. пад. ед. ч. личных и возвратного местоимения отмечено открытое *о:* mnói̯, tobói̯, sobói̯ 124. Наоборот, в Ряз. и в тех, и в других случаях всегда *ô: рукốй, ногốй, головốй, спинốй, сосно̑й; со мно̑й, тобо̑й, собо̑й.*

Сравнение с другими славянскими языками в данном случае не может оказаться полезным, ибо и в словинском, и в сербском языках окончание в отмеченных формах произошло путем стяжения и не может отражать характерных особенностей, связанных с этим звуком *о;* к тому же в местоименных формах была иная акцентовка (сербск. шток. то̏бо̑м, со̏бо̑м, чакавск. на̏mūn, то̀būn, со̀būn Изв. XIV_2, 235; одна лишь штокавск. mnо́me при mnо̑m могла бы свидетельствовать, что по стяжении образовалось восходящее ударение; в слов. tebǫ̑(j), nemǫ̑(j) надо видеть перенесенное ударение; напряженность *о* свидетельствует лишь о напряженности нового звука, явившегося по стяжении).

Как решить вопрос, что древнее, Тотемск. ли открытое *о*, поддерживаемое, правда, слабо данными Псалтыри, или Рязанское *о̂*,[1] согласное с данными памятников. Я присоединяюсь к мысли О. Брока, имевшего, правда, данные лишь одного говора (стр. 40), что открытое *о* для этой формы древнее, ибо стать из напряженного открытым для него не было особых данных в этой форме, между тем как оно могло легко приобрести напряженность по аналогии от членных имен прилагательных, где оно было законно. К этому мнению меня склоняет и еще одно соображение, а именно наши памятники указывают, что древнейшей акцентовкой этих форм была наконечная; Псалт.: а) роукоꙋ̀ 226, роукоꙋ̀| 188, смѡлоꙋ̀ 217 об., оуздѡꙋ̀ 39, троубоꙋ̀ 112 об., [землеꙋ̀ 133 об.]; б) сомнѡꙋ́ 28 об., 50, 66, предомнѡꙋ́ 50 об., 58, 66; тобоꙋ́ 21 об., предт҃ѡбоꙋ́ 50, 76 об., 90 об., предъ|тобоꙋ́ 217, предсѡбоꙋ́ 55; предомноꙋ̀ 17, предомнѡꙋ̀ 21, 51, 124, сомнѡꙋ̀ 154 об., съмноꙋ̀ 182, предтѡ|боꙋ̀ 12, 24, 120, предътобоꙋ̀ 195, предс҃ѡбоꙋ̀ 70 об., 119, 125 об., с҃сѡбоꙋ̀ 136 об.;[1] Сборн.: а) трꙋ́боꙋ̀ 301 об.; б) сомнѡꙋ̀ 9 об., 25 об.,

[1] Оно подтверждается, кроме того, характером обоянского аканья (Курск. губ.). Одним из обычных примеров, приводимых проф. Е. Ф. Будде для дифтонгов в акающих говорах, является именно форма твор. пад.

[1] Спешу оговориться, почему я склонен считать в данном случае значки ´ и ` над *ѭ* за знак ударения. Дело в том, что в этой Псалтыри часто над конечною гласною после другой гласной стоит знак `, который затруднительно считать за обозначение ударения (в Сборнике такой значок встречается лишь над *и*, которое следует произносить слоговым, а потому значок над *ѭ* не вызывает сомнения, что им обозначалось ударение), ибо современный язык не допускает подобной акцентовки, да и в самой Псалтыри этот значок является обыкновенно *вторым* значком ударения, помимо главного, соответствующего современному ударению. Такие двойные знаки наблюдаются в следующих категориях: 1) в твор. пад. ед. ч. имен сущ. и прилагат. женск. рода (при условии, если главное ударение находится не на предпоследнем слоге), напр.: прáвдѡ̀ю 195 об., соу́тво̀ю 69 (срвн. соу́ета 51 об., ѿсоу́ѣты 80, всоу́ѣтѣ 191 об., въсоу́ѣтѣ 107 об.), желѣ́знѡ̀ю 4, съкроушéннѡ̀ю 217 и др.; 2) в дат. и местн. пад. ед. ч. членных имен прилагат. женск. рода, напр.: повели́цѣ̀й 67, на|вселéннѣ̀й 40 об. и др.; 3) в род. и особенно часто в местн. пад. ед. ч. имен сущ. ср. р. на *-ïе*, напр.: в҆склицáнïà 202 об.; ввесéлïѝ 86, въ҆бличéнïѝ 52, ѻ҆спсé|нïѝ и др.; 4) в им. пад. ед. ч. членных причастий наст. врем. действ. зал. муж. рода, при чем здесь нередко вместо одного ` стоит двойной значок ^, напр: творя́̀й 15 об., стрегïѝ 181 об.,

46 об., 295, 312 об., 313; сомною| 313; предо|мнѡю 294 об.; тобою 317 об., межоу тобою 261, стѡбою 325 об.; сѡбою 72, предѡ|бою 234, собою 244 об., 272. О наконечной акцентовке формы, из которой образовалось чакавск. rūkún, догадывался А. Белич (Изв. XIV_2, 228—229). Таким образом, *о* в рукóю, тобóю стало ударенным на глазах истории и первоначально было открытым.

ГЛАВА XI.

Звук *о* в глаголах на *-овать*.

§ 78. Глаголы на *-овать, -ую* очень часто в Псалт. и Сборн. имеют вместо обычной накоренной насуффиксную акцентовку в согласии с другими др.-р. памятниками. Псалт.: въслѣдоуе и 217 об., наслѣдовáша 146 об., сѣтоуѧ 50, 56, 56 об., радовá-

---

ѣзбавлáмѝ 67, спасáаѝ 22 об. (следует отметить, что в им. пад. ед. ч. членных имен прилаг. муж. рода такого двойного значка никогда не бывает; всегда: вы|шнїи 119 об., нощны̀и вранъ 138); 5) в им. пад. мн. ч. м. р. членных имен прилагат., местоимений, причастий наст. и прош. времен действ. и страдат. залогов, напр.: прáвїѝ 39, чоужúѝ 70 об., тúѝ 32 об., 46 об., любáщей 54, стѣжáющей 4 об., всѣдшей 102, зúждемѝ 138 об. и др., и 6) в следующих отдельных случаях: нажрé|бїѝ 180 об., воѣоудéѝ 101 об. Иногда вышеприведенные формы встречаются лишь с одним конечным значком, напр.: небеснѣѝ 218 об., глаголáѝ 136 об., вѣдáщей 122 об., велерѣчующей 45. В виду последних форм можно было бы отрицать и за значком ` самостоятельное значение в твор. пад. ед. ч. имен сущ. ж. рода и местоимений (троубою, мною). Против такого заключения я выставлю следующие возражения: 1) двойных значков в формах твор. пад. им. сущ. ж. р. при главном ударении на предпоследнем слоге в памятниках не отмечено ни разу; 2) в отличие от второстепенного значка ударения, никогда не заменяющегося ′, значок над *ю* в этих случаях очень часто заменен ′ (примеры см. выше); 3) у тех местоимений, у которых ударяемость *ю* в твор. пад. поддерживалась ударяемостью подобных форм, формы с ударенным *ю* встречаются во многих древних русских памятниках, в которых уже формы типа рукою и тобою, как не поддерживаемые аналогией, исчезли совершенно; напр.: Торж. XVI в. прѣнею 69 об., тою 557, Новг. лет. совсею сúлою 477, своею 408 об., Триф. Кор.: снею 50 об., тою 26, Ратн.: ѡдною | рóтою 165, сею 3 об., тою 4 и много др. (тою, ею, своею поддерживались род. пад. тоѣ Улож., 139, сѣ, своѣ); в Псалтыри сюда относятся: надъ|всею 133 об., сúлою твѡею 25, надъглавóю моéю 192 об. и т. д.; здесь же отметим форму род.-местн. пад. дв. ч.: роýкѕ твоею 195 (срвн. твоéю рýкѕ Тр. П. 1589 г. 83 об.); в Сборнике: снею 232, éюже 45, всею 76, 168 об., со- 38 об., прѣ- 20 об.; всею двѡю зáповѣдїю 107 об.

нїа 55 об., но: рáдо|ванїемъ 62 об., возрáдоуюсѧ 77, оўтреневаховъ 107 об.; Сборн.: ц҃ѹтéмъ | шествовáвъ 320, впоўть шествоўѧ 110 об., сѣтоўющѣ 72, ѵ҃сповѣдоўи 40, наслѣдоўи|те 13, послѣдовáша 13 об., требоўемъ 27 об., [спратоўѥтсѧ 35 об., наказоўюще 100,] ѻ҃правдѡвáти 23 и др., но: непомúлова|хѫ 117 об., рáдѹитесѧ 100, назнá|менѹющи 146, знáменовати 215 об., рáтованїе 316 об., рáтѹющеисѧ 317; срвн. Пал. XVI в.: ратоўѭть 59, но: рáтовахѹсѧ 168; Нов. Зав. XIV в.: вѣровáли 44 bis, вѣровáвшїи 72, требоўюще 89 об., вслѣдовáвше 86 об., вслѣдоўюща 41 об., но: вѣровавшии 144, послѣдоуѥте 84 об., послѣдоваху 157. Срвн. слов. radováti se, slędováti, izpovędováti, znamenováti, milováti при mílovati, но: vę́rovati (суффикс с древним восходящим ударением). Мне думается, что мы имеем дело в этом колебании в устах одного и того же писца[1] с русскою особенностью, отразившеюся в современном языке колебанием акцентовок по разным говорам, срвн. совр. *мúловать* (прощать), а в народных говорах *миловáть (холить, нежить),*[2] *бáловать* и *баловáть, рáтовать* и белор. *ратовáць, лéтовать* Колымск. Богораз (срвн. лѣтовáть Кн. Степ. 675, но: зимовáти ib. 410) и *лéтовать* Арх. (Подвысоцкий). Если присмотреться к современным глаголам с накоренною акцентовкою, то окажется в них входят такие корни, которые имеют восходящую долготу в словах, образующих эти глаголы: *мúловать* (сербск. мȉло, мȉла, мȉло), *рáдовать* (сербск. рâд), *вéровать* (сербск. вȅра), *рáтовать* (сербск. рâт, рâти), *лéтовать* (сербск. лȅто), *пéстовать* (сербск. пȅст), *гáдовать* Арх. (Подвысоцкий, сербск. гâд)

[1] Писец Сборника, иногда отметив ударение на корне, находил его неудобным и зачеркивал, а вместо него ставил другое на суффиксе: назнáменоўютъ 135 об., ѻ҃брá|дованїе 154 об., и обратно: невѣровáша 290. Такое колебание писца в обозначении места ударения, можно догадываться, обуславливалось тем, что в этих словах, имевших по две восходящих долготы, каждая из долгот с одинаковою силою притягивала на себя экспиритарное ударение. Писец же Новг. лет. в этом случае ставил особый крючок ˆ: жáлѹютъ 409 и обратно нежâлѹетъ 500 об. (жâловати 408 об.); срвн. молôдые 610 об. при молодые 491 об. и молôдыя 491, 517; однако спешу оговориться, что этот крючок далеко не всегда стоит, где мы ожидали бы восходящее ударение.

и т. п., наоборот *голодова́ть* (сербск. гла̑д), *вековáть* (сербск. ве̑к), *гостева́ть* Терск. (Караулов, сербск. го̑ст), *мужева́ть* Арх. (Подв., сербск. му̑ж), *толкова́ть* (русск. *бе́з толку*), *зимова́ть* (сербск. зи̑му), *торгова́ть* (сербск. тр̑г) и т. п. Итак, для того, чтобы глагол имел ударение не на суффиксе, необходимо было восходящее ударение на корне или на том слоге, который носит ударение, а потому вполне понятно обычное *о̑* в корнях глаголов этого типа.

Сборн.: по̑лꙁѡва|ти 158 об., непо̑лзовавша 241, по̑льзу́е̑тъ 149 об., по̑лзу́е̑тъ 102 (145 об.); бе̑зако̑нну́ющаѧ 147 об.; спѡсо̑бьству́ю̑щїи̑ 230 (срвн.: беꙁмѡ́лъство|вати 103); Псалт.: зло̑́боу|ющеи̑ 32 об.; беззако̑́нноующеи̑ 30, -нѡвахомъ 147 об., беззако̑нноуите 207, -нѡваша 171 (срвн. еще со вторым ударением: беззако̑ннѡва́хомъ 216); Тотемск.: porốtšyvať 39 [но: prospóćivať 143]; Костр. Шунг.: *попруо́бовал* 65; Ряз.: *по̑́льзоваться, расхо̑́довать, по̑́тчевать,* но: *про́бовать* (срвн. § 29).

Характерно, что основа *способ-,* образуя глагол на *-ствовать,* принимает акцентовку слов типа *зако̑н,* в которых надо предположить восходящее ударение (см. § 5, 27), а не сохраняет акцентовку *спо́соб,* при которой он в великорусском наречии имел бы нисходящее ударение, срвн. *по́вод* (см. § 13).

ГЛАВА XII.

Звук *о* в именах собственных и книжных заимствованиях.

§ 79. В заимствованных именах собственных при ударении на *о* такое *о* в большинстве случаев отмечается напряженным.

Сборн.: е̑но̑́хъ 297б об., а̑мо̑́съ 300 об., ло̑́ть 265 об. (место не ясное), соло̑́монъ 254 об., 266 об., соло̑́|мо̑́скиѥ 255, содо̑́мланы 278 об., пахно̑́тїа 236 об., григо̑́рїа 64 об.; а̑виро̑нъ 19, зино̑на 201 об. спиридо̑нъ 233 об., -о̑на 223 об., мамо̑нта 30 об., і҃ѡа́номъ коло̑во̑́ 152 об., о̑и́ва́ннѣже коло̑вѣ 189 об., фегно̑стъ 320, е̑но̑хъ 310, село̑мо|нъ 255, а̑ндро̑нико|вскїи 233 об., а̑́фо̑ньскїа 235 об., горо̑нтїа 223, соѳо̑нїа 301 об., феѡдо̑сїе

217 об., -їа 226, а҃нтѳ҃|нїе 190 об. (217 об.), а҃ммѳ҃нїе 150 об., варсѡнѳ҃ёа 105, 228 об., -їе 229, григо҃рїа 72 об., -їе 159 об. (166), пахѳ҃мїю 16 об., февро҃нїю 226. Исключений замечено одно: нико҃|лѣ д. п. 233.

Псалт.: а҃а҃ро҃нъ 135, -а 145, 148, а҃а҃ро҃нь прил. 160 об., -ню 184 об., -нею 104, а҃виро҃на 148, въ҃е҃лфего҃ръ 149, і҃е҃рмо҃нъ 122, вавило҃на 119 об., фаво҃ръ 122, заѳ҃ло҃ни прил. 88, а҃ммо҃нъ 114 об., воа҃е҃ндо҃|рѣ ib., салмо҃на ib., сило҃мьскоую 109, а҃е҃рмо҃нъскаѧ 185, е҃до҃мскїа 205, ѿгомо҃рры 209 об.; дщи҃ вавилѳ҃нѧ 189 об. (227 об.), вавилѳ҃ньстѣи҃ 188 об., а҃а҃рѳ҃нь прил. 161, 163, е҃дѳ҃ма 77 об., е҃дѳ҃мскїа 227 об., всеи҃мѳ҃нѣ 87. Исключений замечено одно: е҃до҃мскїа 189.

Тотемск.: Ontôn 37, Grigôŕeį 146, но: Jogóŕei 65, 147, L'övónťeį 99, 146, Ovdótįa 144.

Грязов.: *Онтѳ҃н, Тимѳ҃шка, метропѳ҃лия.*

Ряз.: *Антѳ҃н, Спиридѳ҃н, Григо҃рий, Сѳ҃ня, Пѳ҃ля,* но: *Про҃хор.*

Сравнение с другими языками, за недостатком материала, затруднительно, отметим лишь приведенные в словаре Хостника слова: Grǫ̂ga (Григорий), Polǫ̂na (Аполлинария), Tǫ̂ne (Антон).

§ 80. В заимствованном слове *суб҃о́та* памятники имеют напряженное *о҃* (всѵбо҃тѵ Сборн. 257; с҃соубо҃тѣ Псалт. 49 об., соубо҃ты ib. 62 об.) в согласии с слов. sobǫ̂ta; в слове же *ико́на* открытое (и҃ко́ны Сборн. 171 об., 234, и҃ко́нникъ ib. 224, пре҃и҃ко́ною ib. 233; и҃ко́ны Псалт. 225 об.) в согласии sykónoį Тотемск.; у Плетершника отмечена лишь долгота *o:* ikōna. Слово *апостол* имеет напряженное *о* в Рязанском говоре в согласии со слов. apǫ̂stol (но в Сборн. *o:* а҃по҃|сто҃ 274, а҃пѡ́столъ 15 об., а҃пѡ́|сто҃скими 184 об., а҃по҃сто҃скимъ 115, а҃по҃сто҃ское 278 об.).

Здесь же отметим другие заимствованные слова: анагнѳ҃сти ѿана|гнѳ҃стъ Сборн. 123 об., и҃кѡнѳ҃ма ib. 204; а҃нафо҃ры ib. 71 об., а҃нафо҃ре ib. 71 об. (слов. anāfora); кивѳ҃тъ Псалт. 184; Тотемск.: prokurôn 37, kartófeĺ 147, pótšta, dóxtur 148 (слов. dōktor); Грязов.; *кардѳ҃н, картѳ҃шка, ладѳ҃н, ремѳ҃нту.*

Кроме того, следует отметить открытое *о* на месте вставочного в слове *псалом:* ѱалѡ̀мь Псалт. 112 об., 192, 202 и в других местах, ѱалѡ́мь 24, ѱл҃ѡ́мь 13 об., ѱл҃ѡ̀мь 141, 190 об., псалѡ́мс҃тѣ 134 об., ѱалѡ́мскихь 95.

ГЛАВА XIII, ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

Некоторые общие выводы из наблюдений над русским ударением.

§ 81. Нам приходилось читать (Hirt, Indogermanische Accent), что ударение есть «душа слова»; однако согласиться с таким положением мы не можем: «душа слова» это его значение, без значения слово мертво. Если говорить образно и брать образы из той же области, то к ударению (мы имеем в виду главным образом славянское) может быть приложено всего лучше название «центра тяжести слова». В самом деле, чтобы «поднять слово на ноги», т. е. произнести его, мало того, чтобы последовательно произнести все звуки, необходимо еще знать, около которого звука сконцентрировать все эти звуки, т. е. необходимо знать место его ударения. В сложном слове (2—5 слогов, редко более), ударение может занимать безразлично любой слог, в многосложных же словах ударение, как бы боясь нарушить равновесие слова, чуждается конечных слогов и стремится занять *срединный* слог. Наглядным образом, это видно при сравнении простых слов со сложными. Слова, осложненные приставками: *бытиѣ́,* но: *собы́тие, званьё,* но: *назва́ние, столѧ̀,* но: *престо́ла, валѧ̀,* но: *отва́ла* р. п., *бедѧ̀,* но: *побе́да, слугѧ̀,* но: *заслу́га,* кроме того, срвн. сказанное о причастиях страдательного залога на *-ан* в § 22, односложным не чужда наконечная акцентовка, многосложные же таковой чуждаются: *зван, званѧ̀, званѡ̀, обе́щан, обе́щана, -но.* В виду того, что осложнение приставками не делает еще слова многосложным, то часто при сложении сохраняется место ударения простого слова: *бытиѐ* и *забытъѣ́, бедѧ̀* —

др. р. *победа̀, хвала̀ — похвала̀, звана̀ — позвана̀* и т. п. В словах же сложных, образованных путем сложения двух слов, что делает обычно слово многосложным, этот закон выступает ярче; отсылаю читателя за примерами к § 61, где приведены примеры из русского, словинского и сербского языков.

§ 82. Вышеприведенный закон — стремление ударения занять срединный слог — есть результат времени: чем дальше в глубь веков пойдем, тем чаще встретимся с наначальною и наконечною акцентовками: *челобитьѐ — челоби́тье, по́ложил — положила̀ — положи́л — положи́ла; на́ город — на го́род; на́ сковороду — на ско́вороду; ка́менистый — камени́стый, пра́витель — прави́тель* и другие привлечения ударения на суффиксы с корня. Обобщая предыдущее наблюдение, мы можем построить догадку, что при возникновении экспираторного ударения в славянских языках (вероятно, в общеславянский период) ударение всегда падало на первый слог с Nebenton'ом на последнем слоге. Такое допущение тем вероятно, что и другие родственные индоевропейские языки переживали наначальную акцентовку (срвн. древнеиталийский, древнегерманский и кельтский языки), остаток ее я вижу в чешском языке (германские языки не развили ее, а только поддержали сохранение), а также в северозападных говорах русского языка, где следует видеть не развитие новой особенности, а лишь сохранение старой под влиянием финских наречий. Первыми стали приобретать срединную акцентовку слова, имеющие в середине восходящую долготу при отсутствии ее в первом слоге *(набра́на,* но: *на́ духа,* однако, в др.-р. пам. можно встретить *на́право* — и затем *напра́во,* это очень редко, но очень часто: *на́ сухо, за́ просто; свяще́ник,* но *пра́витель* и затем уже на глазах истории *прави́тель);* другим и, вероятно, более поздним фактором отвлечения ударения с первого слога было исчезновение глухих: слог, за которым исчезал глухой, привлекал на себя ударение: др.-р. *не́су,* но: *несе́шь, несе́ть, несу́ть; те́рплю,* но: *терпи́шь, терпи́ть, терпя́ть; зу́бы — зубо́мъ, зубѣ́хъ, лю́ди — люде́й, люде́мъ, люде́хъ,* но в памятниках еще есть: *зу́бомъ* —

зу́бихъ, на́ зубѣхъ, лю́дий, лю́демъ, по́ людемъ, лю́дехъ,[1] *на́ людехъ,* совр. *лю́дям, лю́дях,* предполагающих **не́сешь, не́сеть, не́суть, те́рпишь, те́рпить, те́рпять* (срвн. греч. φέρω, φέρεις, а в Новг. губ. *бе́ру, бе́рутца*).

§ 83. Академиком Ф. Ф. Фортунатовым установлен закон, по которому при восходящей долготе в русском языке имеется орб, олб, ерé (морбз — мра̂з), а при нисходящей бро, бло, ере (пброх — пра̂х). Нам думается, что этот закон есть проявление более общего закона, по которому слова произносятся то с повышающимся тоном (задóр), то съ понижающимся (пóгреб), то со смешанным (побéда). К этому нас побуждает сравнение подобных с полногласными формъ:

гóрод — огорóд — прúгород: гóвор — разговóр — прúговор;

хóлод — хóлодно — холóдный: свобода̀ — свóбоду — др.-р. свóбодни — свободный;

вéчер — вечéрний; дóчерь — дочéрний;

мóлод — молодóй — диал. молóдый: дýбов — дубовóй — дубóвый;

грóмов — громовóй — громóвый;

сýров — суровóй — сурóвый;

вóлос — волóсья; пóвод — повóдья;

полоса̀ — пблосу — чересполбсица; бколо — окóлица;

полощȕ — полбщешь: хлопочý — хлопбчешь (хлбпоты);

хохочý — хохбчешь (хбхот);

перебью̀ — др.-р. перéбьют; др.-р. отóбьетъ (срвн. еще др.-р. бтобью, нéумру);

пережгȕ — др.-р. перéжгȕтъ; др.-р. отóшлет (срвн. еще бтошлю).

Кроме того, срвн. еще слов. gǫvorǫn — malogovǫrǫn; gorǫčem, klokǫčem и мн. других.

---

[1] Отметим, что если перед глухим был звук *а*, то он привлекал ударение сильнее других гласных: *рукáм, рукáх,* в памятниках нет *рýкамъ, рýкахъ,* срвн. при частых *пóложил, бтлучил* и т. п. почти полное отсутствие *пóказал, бсязал.*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПИСЬМА ПСАЛТЫРИ F. I № 7 И ОТРАЖЕНИЕ В НЕМ ЗВУКОВЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЦА ЭТОЙ ПСАЛТЫРИ.

Манера южнославянской орфографии сказалась в Псалтыри в следующих чертах: 1) очень часто *а* вместо ѣ или ѧ в начале слов, напр.: прї а́слехъ 213 об., мѣдна́а 151 об., спаса́аи 22 об., о̀скѡр́бла 43, моеа̀ 88 об., дш̄а моа̀ 80, ѿпрерѣка́нїа 38 и т. п.; 2) очень часто ъ вместо ѣ в конце слов, напр.: посѝхь 17, грѣ́хь 77, съгрѣшѝхь 67, доу|ша́мь 106 об., вькрѡ́вь 145 об., [сьвѣщаша 37 об.] и т. п.; 3) чаще, чем в памятниках этого времени с чисто русскою орфографиею, встречаются *-рѣ-, -лѣ-* вместо *-ре-, -ле-,* напр.: посрѣдѣ́ 107, члѣновны́а 75 об. и т. п., при чем иногда *е* в таких случаях намеренно переделано писцом в *ѣ:* жрѣ́бїи 37 об. *(ѣ* ясно из *е).* Другие особенности южнославянской орфографии, наблюдаемые в русских памятниках этого времени, или вовсе не сказались, как, напр., употребление *ѫ,* или встречены мною в небольшом количестве случаев, как, напр., написание *ръ* вместо *ор, ер,* всего 2 раза: тръжествѡ̀ 1, о жрътва̀̄ 65 (на поле) и *и* вместо *ы,* всего 1 раз, да и тот сомнительный: прикри́ ны̆ 58 об. (влияние буквы *и* предыдущего слога?); особо: ми́лостиню 40. Кроме того, мною отмечен один случай написания *ѣ* вместо ѣ или ѧ в слове прѣмо 41 об. (киноварью, при чем ею же надписано ѧ); этот случай позволяет думать, что если не ближайшим, то одним из первоначальных оригиналов нашего памятника могла быть южнославянская псалтырь: трудно допустить подражание в орфографии отдельного слова и легче помириться с машинальною перепискою, переходившею из одного списка в другой. В заключение об южнославянской манере нашего

писца отметим, что в употреблении вышеуказанных черт отнюдь не замечается какой-либо последовательности, т. е., напр., рядом с случаями *а* вм. ѣ и ѧ встречаются случаи употребления и последних букв в том же самом фонетическом положении и т. д.

Из особенностей орфографии Псалтыри, которые бы передавали звуковые явления говора писца, отметим: 1) обычное употребление ѧ после *ч:* чѧ́сты 212, поо́чѧ́хоусѧ 50 об., въ прите́чѧхъ 105, при более обычном *а* после других шипящих согласных, указывающее на мягкость звука č сравнительно с другими шипящими звуками; 2) нередкое *ы* после *щ:* щы́тъ 43, щыты́ 61 об., защы́ти|тель 54, указывающую на особую твердость этого шипящего звука сравнительно с другими шипящими звуками; после *щ* — *ы* обычно: прѡ|тцы́й 41 об., концы́ тв. п. 77, о҃цы́стиши 82 об.; 3) изредка встречающееся употребление *щ* вместо *ш* после согласных: о҃бетща́ша 38 об., указывающее на упрощение звука šč в š, наблюдаемое во многих великорусских говорах, именно в этом фонетическом положении (т. е. после согласного); 4) обычные *ки, ги, хи* (но есть, впрочем, и: пото́кы 100, ро́гы 101 об.); 5) *и* вместо *ѣ* в словах: о҃цы́стиши 82 об.; свидѣ́нїе 105 об., -їа 171, засвидѣ́тельствоую 113 (при: свѣдѣ́нїе 112 об., свѣдѣ́те|ль 124); силѡ́ 60 об., 62 об., силѡ́ 107, 109 (в последнем случае над *и* надписано киноварью *е*); 6) *е* вместо *ѣ,* встречающееся главным образом в слоге без ударения, что нередко в рукописях этого времени, свидетельствуя о лучшем различении звуков *ѣ* и *е* в слоге под ударением (хотя еще: пѣсо́къ 107); напр.: пререканїа 149 (срвн. пре|рѣканїе 71), зе|лѡ́ 110 об. (над *е* киноварью надписано *ѣ*), кра́стели 146, въсвѣте 122 об., дѣлех 103 об., вчеловѣцехъ 87, ни вы́стехъ 200 об., вселе́нней 134 об., срвн. еще: о҃возлюбленнѣмъ 59 *(ѣ* из *е),* сре́то́ста 117 *(ѣ* из *е);* повѣда́ть 198, где *ѣ* из другой буквы *(е?),* вдѣлехъ 128 *(ѣ* из *е);* наоборот *ѣ* вместо *е* отмечено редко: воло́вѣ 66, прите́дѣть 134 об., четырѣ^{мо}сѧ̀ 62 (киноварь), лицѣ́ в. п. 41 об. (в киновари *ѣ* переделано из *е*); лѣва 127 (при лево́мъ д. п. 75 об.); особо *ѣ* в дв. ч.: похвали́тѣ 80 об., помрачитѣ́сѧ 90 об., подвижастѣ́сѧ 97; 7) употребление *а* вместо *о* в покла́на҃тисѧ (3 л.) 84, которое можно объяснить влиянием покланѧтисѧ; в понаша́ѥтъ 99 об., бразды́ 83 об. *а* старое; 8) отсутствие *г* в разнѣ́васѧ 99; 9) кромѣ того: времла 41 об., завжеже 77 об., завжего́ша 99 об.; сонемь 79 об. при со́нмь 99, сне́мь 119.

Приложение № 2.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПИСЬМА СБОРНИКА СОФ. № 1460 И ОТРАЖЕНИЕ В ЭТОМ ПИСЬМЕ ЗВУКОВЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЦА ЭТОГО ПАМЯТНИКА.

Влияние югославянской графики в письме Сборника выразилось: 1) в одном случае написания *ж*: вотмѫ́ 122, 2) в двух случаях постановки плавной согласной со следующею глухою вместо русских *ор, ол:* тръжа́не 127, о́бл҃кшеи҃сѧ 31 и 3) в довольно частом написании *а* вместо ѧ, ѩ после гласной в роде случаев твоеѧ 101, сп҃са́ющїа 106 об., ѿзмїѧ̀ 238 об. и т. п.

В следующих употреблениях букв можно видеть отражение фонетических особенностей говора писца:

1) Отсутствует смешение букв *а* и *о*, что указывает на оканье писца. Следующие случаи не противоречат этому наблюдению, как могущие иметь иное объяснение: бразды̀ 5 = древн. бръзды (здесь смешение со словом бразда = русск. борозда), златаоу̀стъ (срвн. сказанное нами об этом случае *а* вм. *о* в работе нашей: «Богдановский Златоуст XVI века» § 5, ИОРЯС, X_3), колачѧ̀ 164, оу̀по|латы 136 об. (в обоих случаях *о* древнее). Интересно параллельное употребление им. пад. ед. ч. ж. р. от местоимения *кыи:* ка́ѧ 105 об. и рядом обычно при наконечном ударении коѧ̀ 105 об., неск. раз, 107, никоа́же 158, и один раз каѧ̀ 259 об.

2) Буква *о* на месте древнего *е* встретилась несколько раз исключительно после букв *ц* и *щ:* кчр҃ньцо҃ 24, ста́|рцѡмъ 152 об., Быва́лцѡвѣ 235 об.; соу́щомѣ 152, преслѡ|воу́щомѣ 190, вода́щомѣ 192 об., хота́|щомѣ 15, и҃моу́щои 304 об. (в последних 5 случаях можно допустить и влияние южнославянских оригиналов).

3) В употреблении буквы *ѣ* следует отметить: во-первых, замену ее, с одной стороны, буквою *и*, а после *ц* — *ы* (редко, в определенных случаях), а с другой, буквою *е* (главным образом в слоге без ударения), и во-вторых, замену ею буквы *е* (= др. *е* и *ъ*). К первым случаям относятся: а) пе́рвїе 32 об., 200 об., ра́звїе 45 об.; б) о҃чи серде́|чнїи҃ 4 bis, оу̀мнїи о҃чи 75 об.; в) несверѣ́питисѧ 22 об., свидѣ́тѣ́ствѣ́тъ 182 об., процыже́нїе 166 (но: сѣдѣ́ти 32 об., сѣди́ши 22, сѣдѧ̀ 136 об.); ко вторым: набелѣ́ 223 об., тесноѡтоу̀ 36, стре|лѧ̀ 301 об., вогресѣ̀ 245, поцелоу́и ю҃ 22, целова́|нїе 149 об., спешаще 137, ѿсе-

ца́ти 100 об., ѿсече́мъ 162, седѣ́ти 151 bis, 152, запрети́ши 216, лени́сѧ 4, лени́выхъ 38, лени́ве наречие 72, дела 212; лѣни́веишїй 216 об., ста́рейшїй 223, грѣ́шне|иши 206, и҃зра́днее 135, ни́щее сравн. степ. 45 об., 46; блудѣ́ и҃скве́|рне 8 об., насобо́|ре 223, о҃дѣ́ле 40 об., на́сѣне 209, на́страшнѣ мѣ́сте 160 об., подо́бне 23-2 об., худо́жне 30, колѣ́не дв. ч. 160, вне|доузѣ́ 10, о҃по́мыслѣ́ 22 об., олѣтѣ́ 226 и т. п. В слоге под ударением *е* вместо *ѣ* редко: кѹпе́лїю 119 об., злѡпомне́нїе 28; особо стоят случаи *е́* вм. *ѣ́* в формах в роде: о҃горде́и 123, страшне́и 123, намѣ́стѣ лобне́мъ 111, ѡ҃горде́мъ 126, сте́мъ 175 об. (здесь *е́* вм. *ѣ́* обычно во всех памятниках, знающих *е* вместо *ѣ* в слоге без ударения). Буква *ѣ* вместо *е* (= др. *е* и *ь*) отмечена и в слоге под ударением: нисѣ́делъ 212-2 (см. примеры на этот случай из других памятников в моей работе: «Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквою *е*»... § 2, ИОРЯС XV_3), непремѣ́дливъ 71 об., мѣ́|длитъ 136 об., болѣ́ тѳи по́чести 45 об. о҃бѣ́щникъ 35 об., прилѣ́жнѡ 4, трезвѣ́нна 6 об., и в слоге без ударения: а) бѣсѣ́|дѹю 187, бѣсѣдовати 131 об., бѣсѣ́|довати 209, бѣсѣдѹе́тъ 17 и рядом: бесѣ́ды 20, бесѣ́дѹа 14, бесѣдо|вати 191 об.; б) свѣ́рѣпое 113, свѣ́|рѣпаго 196 об. и рядом: сверѣ́пѹ 245; в) о҃бранѣхъ 19. Отметим еще несколько интересных употреблений буквы *ѣ*: 1) в ц.-слав. -лѣ-: члѣ́|новъ 305 об., о҃плѣ́|не́нїи 313; 2) дѣ́моньскаго́ 119, вкѣ́лїю 38 об.; 3) смѣ́житъсѧ 113; 4) в суффиксе -е́ј-: ка|жачѣ́ю 173 об., фотѣ́ю 228-2 об., андрѣ́и 234, досифѣ́и 320, моисѣ́и 284 об., моисѣ́а 320 (при моисе́и 310, а҃лексе́е 234 об.), е҃врѣ́иски 257, наа҃рхїерѣ́ствѡ 165 об. (а без ударения *е*: дми́|треевича 224 об., васи́лей 129 об.).

4) Употребление букв *ы, и, а*, как показателей мягкости и твердости предыдущих согласных, следует отметить в следующих случаях: а) после *ц* обычно пишется *ы*, свидетельствуя о твердом великорусском произношении звука *ц*, напр.: кѡнцы̀ 106, о҃вцы 119 об., процыже́нїе 166, дрѹго́бицы 190 об.; из других согласных *ы* вместо *и* отмечено после *р* в скрыпа́нїа 18 об. и после *щ* один раз: нагнѡйщы 106, обычно *и*: клещѝ 148; возможно, что буква *щ* соответствовала в произношении писца двойному твердому *шш*; б) после *ж, г, х* обычно пишется *и*, свидетельствуя о смягченном произношении заднеязычных звуков в этом положении: и҃ски́и 12 об., во́вѣки 18, оубогїи 33 об., ѿтно|гѝ 151, ветхи́и 116, похи|ти́ша 126 об., и в) после *ч* гораздо

чаще писец писал букву ѧ, нежели *а*, выделяя тем мягкое великорусское произношение звука, соответствующего этой букве, напр.: молчáнїю 6 об., вѣнчáѥтсѧ 10, чáсъ 26 об., ѿклича 114 об., высочáиши 134, мечѧ̀ род. пад. 305 об. и т. п. (реже: далечáиши 293 об., прⷭчаѧ 11 об.).

5) Глухие согласные пишутся на месте звонких перед глухими и наоборот. Сюда относятся: въ҃пщѣ҃ 105, ъ҃пщагⷭ 168 об., ъ҃пще|жи́телнаѧ 155; оу҃скїи 162, оу҃скимъ 114; зженáми 232. Букву *с* в мерзъскíа 158, мерзъскаѧ 309 я рассматриваю, как переходный глухой свистящий звук от звонкого свистящего к глухому взрывному звуку *к*. Из других изменений согласных отметим: мá|хкими 110, лоу҃тши 47 об., лоу҃тшоую 168, лоу҃тче 144 об. (срвн. ветшáное 174). Русское *ч* вместо церк.-слав. *щ* сравнительно редко: нешéпчюще 139 об., шé|пчющи҃ 31 об., скрéгъчюще 124 об., ѝдꙋ҃чи҃ 70 об. Выпадение *в* отмечено в безмⷭ́лъствⷭ̀|вати 103, бе҃мⷭ́ствꙋ҃ю҆ще 28.

6) В области форм отметим: а) род. пад. ед. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. слов ж. рода на *а* с мягкою основою оканчивается обычно на *и*, после *ц* — *ы:* блúцъ кѣ́лїи҃ 18 об., ѿкѣ́лїи 189 об., ѿземлѝ 35, ѿбратїѝ 149, допе|рвы́а стражѝ 40, тѣ҃ ъ҃вцы 120; б) местн. пад. этих же слов может оканчиваться на *ъ*, а без ударения на *е:* наземлѣ҃ 7, ⷯземлѣ҃ м. п. 132, вкѣ́лье 156 об. (срвн. еще надвѡрцѣ҃ 224); *и* вместо *ъ* отмечено в местн. пад. ед. ч.: въ|бесѣ́довници 146 об.; г) им. пад. мн. ч. в функции вин. пад.: вьáмы ивбрéзи впáдаютсѧ 37 об. (срвн. еще оу҃стáвиша сва|тцы 272 об.); д) окончание *ои* в им. п. ед. ч. м. р. вместо *ыи* отмечено в следующих случаях: сꙋ҃хóи 221 об., ѡ҆смóи вѣкъ 256, мúмо колазинскѡи монасты҃ 238, котврои 70 об., 155, 156, 156 об.; е) влияние других лиц на 1 л. ед. ч. отмечено: ѝсчезю҆ ѝ҆опечáлю 36 (срвн. слезю҆ Тр. П. 1589 г. 228 об., Охт. 1594 г. 394 об., в рукописи XVI в. Погод. № 84: ⷭснабдю 343, оумⷣрдюсѧ 93 (235); в Лексиконе П. Берынды 1653 г.: вазю҆ вѣ́нцы, которое, впрочем, может быть вместо вазꙋ҃, ибо ibidem: оу҃вастѝ вѣ́нцы); ж) однородное влияние на причастие прош. врем. страдат. залога: ъ҃бе|счéстенъ 43 (срвн. ѡ҆бесчéстеное Охт. 1594 г. 216 об., ъ҃брóстенъ Ев. 1616 г. в Евю 94 об.); з) очень интересна форма неопр. накл. ѝзженоу҃ти 148 об., 150 (срвн. наше вы́нуть); и) встречается форма *есмя:* ѣсмѧ̀ 323 об., 326; і) в местоименном склонении отметим следующие формы: натобѧ̀ 325 об., всо|бѣ҃ 6, сѣ́мъ тв. пад. ед. ч. 146 об., скѣ҃ 212-2 об., ничѣ́мъ 156.

Приложение № 3.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КАМОРЫ НАД НАПРЯЖЕННЫМ О НЕ В СВЯЗИ СЪ СИСТЕМОЮ ОБОЗНАЧЕНИЯ УДАРЕНИЙ, ПОДОБНОЮ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ УДАРЕНИЯ.

Камора (ˆ) над напряженным *о̂* и в Псалтыри, и в Сборнике встречается, как не трудно видеть из предыдущего исследования, среди прекрасных и ясных систем обозначения места ударения в словах; однако последнее не обязательно, и мы можем указать правильное употребление ее для обозначения напряженности *о* и в таком памятнике, в котором значкам, и притом очень многочисленным, затруднительно приписать значение знаков ударения. Таково ее употребление в рукописи в малую осьмушку, доставленной в Архив синода из Юрьевского Новгородского монастыря и хранящейся там за № 3.874. Эта рукопись представляет из себя служебник, писанный двумя почерками XVI и конца XVII веков. Для нас интересен почерк XVI в., обнимающий листы: 1) с 14 по 83 об. включительно, 2) с 224 по 3-ю строку снизу оборота 239-го, 3) с 248 по 4-ю строку снизу оборота 269-го и 4) с 272 до конца.[1]

Прежде чем перейти к рассмотрению каморы в этом памятнике, скажем несколько слов об употреблении других значков. Значки ´ и ` встречаются безразлично и в средине, и в конце слов, часто по два и по три в одном слове; напр.: жи́|вотво́ра̀щи́ 265 об., лю̀бо̀|вїю 66, свидѣ́тѣ̂ствѣ̀тъ 62, є̀гѡ́ 60; трудно сказать, что они обозначают, но отрицать известной последовательности в постановке их мы не будем. Значок ˝ обычно стоит над ы̆: про́кы̆менъ 42 об. Над начинающими слово гласными обычно ставится ˇ: ằпо|сто́л̀ 255, ѡ̆чи 67, оўмно̀жи 50 об. Значок ˘, иногда вместе с ˇ, стоит над начинающими слог гласными; напр.: йспра̀вля̀ю̆ще 231 об., своёю̆ 234 об., ӗли́ко 239, сѣ̆|да̀й 266; ӗко 233 об., ве́черня̀ӑ 254 об., сі̆не 44.

Камора употреблена в вполне определенных (над *о*)[2] и знакомых нам из предыдущего исследования случаях.

---

[1] Из особенностей в области звуковых явлений отметим: 1) *и* вм. *п*: свѣ̀ди́тѣ̂ство̂ 233 об., свидѣ́тѣ̂ствѣ̀тъ 62, ѡ̆ищенїе 35, вѣ̀рнїишй 228 об., пер'вїе 63, ѡ̆чи сра̂чнїй 67; 2) пропуск *т* в к'на̀йню 51; 3) *п* вм. *б*: Фоўсоп'ны̆а̀ ра́ти 67, и 4) мягкость *н* в к'на̀жню 78. Влияние югославянской графики сказалось очень слабо: вьседрѣ́жителю 18 (так пишется это слово и в других местах).

[2] Над другими гласными камора не встречается, за исключением начинающего слог й, где она вместо ˇ: троичны 41.

Над *о* из древнего *о:* жи́вѡтъ в. п. 14 об., 226 об., 235 об.; ѿпотѡпа 67; кво́стѡкѫ 253 об.; вѡлею̀ 53 об.; щедрѡтъ 31 об.; щедрѡ᷑ 33, 36 об.; щедрѡта́ 235 об., щедрѡты в. п. 255 об.; ще|дрѡты᷑ 29 (54); щедрѡта́ми 22, 232, 236, 265 об. (37); помнѡжествѫ 36 об., 54, 231 об. (18, 255 об.); мнѡ|жество᷑ 261; на᷑прѡчими 27 об.; мнѡга́го 262 об., мнѡгымъ д. п. 36 об.; мнѡгомо᷑лтиве 48 (23, 25); мнѡго|мо᷑лти́въ 38 (см. еще 41 об.); неѯлѡби́въ 71 об.; грѣхѡ|вны᷑а̀ 67; прѡсимъ 19 об.; принѡсимъ 37 об.; прекло᷑ни́те 257; мѡлимъ 32 об., 37 об.; мѡлимсѧ 23, 64 об., 255 об.; мѡлимсѧ̀ 18 об., 19 (23 об.), помѡли᷑сѧ̀ 39, мѡли᷑мсѧ̀ 256, помѡ|ли᷑мсѧ̀ 39 и однажды в неопределенном наклонении: мѡлитисѧ̀ 35 (уклонение от употребления каморы в Псалтыри и Сборнике); оу᷑мнѡжи́ 50 об.; въпреоу᷑мнѡ|женїѥ 237 об.; принесѡша 228; что́ 71 об. (чаще: что́ 82 об., ничто̀же 16 об., на́то 27); грѣхѡвъ 70 об.; пре᷑омнѡю̀ 63.

Над *о* из древнего *ъ*: плѡть 63, бе|сплѡтныхъ 25 об., бесплѡтны᷑ыхъ 47 об. (22 об.), плѡ|тьскаѧ̀ 41 об. | 42; воплѡщьша́го 66 об.; вѡнь в. п. местоимения *и*. Поразительно, что здесь те же исключения, что и встреченные нами в Псалтыри и Сборнике.

Четыре раза встретилась ◌̂ в соединении с ◌́: ще|дро̑тъ 32 об., щедро̑та́ми 48; мно̑го 71 об., мно̑жа᷑ша́ 72.

Впрочем, очень часто вышеприведенные слова написаны и без ◌̂, а кроме того, порядочно слов, над которыми мы ожидали бы видеть ◌̂, не имеют ее; напр.: жи́вотъ 238 об., волѧ̀ им. п. ед. ч. 290 об., волею̀ 37 об., щедро́тъ 83 об., щедрота́ми 47, пре|кло́ни́ше 25, воѯно́сите 274 об., мо́лимтисѧ 255, мо́лимсѧ̀ 18 об. (256), помо́ли᷑сѧ̀ 249, помоли́мсѧ 14; грѣ̑ховъ 69 об., грѣхо́въ 24 и т. п.; пло́ти р. п. 233 об., по᷑ло́ти 75, плотьскы᷑ѧ̀ 63; кроме того: водво́ре̑ 16 об., ѣ́хо́ды 35 об. (на́покро́въ 277 об., сокро́вище 32 об.), собо́р᷑ны᷑ѧ̀ 227 об.; *о* в родит. пад. ед. ч. местоимений на *-го* ниразу не отмечено напряженным: ѣ́сего́ 51 об., ѐгѡ́ 60, твоѐгѡ̀ 230. Я объясняю все эти случаи простым пропуском обозначения напряженности *о;* гораздо важнее, что писец ниразу не поставил каморы над открытым *о:* ро́гъ в. п. 47; сло́во 29, 231 об.; сло́во᷑ тв. п. 256; сло́ве зв. п. 70 об.; мо́ре 279 об., ѣ́мори 25; по|морю̀ 74 об., про́мы᷑сло́мъ тв. пад. ед. ч. 268 об.; и᷑ѯноши 40 об.; ѣ́по́мощь 273; по́мощи р. п. 20 об.; ѿпо́|хоти 63, поло́жѫсѧ̀ 42 об., непо́стыᷤжѫсѧ̀ 272 об. и т. п.; кроме того над *о* из *ъ:* до́лгъ 70 об., кровь 276 об., лю̀бо́|вїю̀ 66 и др.

Приложение № 4.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ В СБОРНИКЕ СОФ. № 1460 НАДСТРОЧНЫХ ЗНАЧКОВ.

Употребление значка ’. ‘Значок ’ употребляется исключительно над неударенными гласными, начинающими слоги, за исключением последнего открытого слога слова, при чем довольно часто он бывает пропущен. Напр.: оу҆҃ѧзвѣ́но 212 об. и рядом: нѣ́приѧзнь 48, сѣ́анїа 158 об.; и҆зо҆҃брѣта́юще 316, де҆҃ни́сїе 217 об. и рядом: о҆҃wсо҆҃бны҆҃ 132; дѣ́ла҆҃ю҆҃щ҆҃ 194 и рядом: оу҆кора́ютъ 43 об.; посмѣ҆҃ва́ѥтсѧ 315 об., почи҆҃ёмъ 29 и рядом: смwлъча́нїемъ 156; но всегда без значка: ра|зграбленїа 166, нощна́ѧ 279 об., ходата́ѧ 144, ле́стїю 202, водо҆҃ю 275, види́мое 251, тре́тїеѥ 201 об. Исключения в роде тре́тьеѥ 163 — очень редки.

Но главный интерес употребления его заключается в том случае, когда он стоит над буквою *и:* над нею он стоит лишь тогда, когда на основании современного произношения можно предположить, что эта буква в произношении писца соответствовала слоговому гласному. Напр.: та́и҆҃нъ род. пад. мн. ч. 147, 323 об. (в современном произношении 2 слога), но: та́ина 16; та́ины҆҃ 48 bis; вта́инѣ҆҃ 10 об., 177, 177 об.; та́ины 48, 292; та́инодѣ́ланїе 6; та́инwи҆҃да́нїе 160 об. (161); ѿтаинwи҆҃да́нїа 157 об., 159; таиноу҆҃дца 159 (в современном произношении во всех только что приведенных случаях букве *и* соответствует неслоговой звук i̯ или, может быть, даже j); (не)досто҆҃инъ 13 об., 38, 42, 49 об., 104 об. bis (167), 175 об., 228 об., 264; досто҆҃иньствѡ҆҃ 161 (171 об.); но: досто҆҃инw 14 об., 24, 73; досто҆҃ина 25 об., и҆недосто҆҃и|ны҆҃ 35 об.; досто҆҃инѣ҆҃ 276 об.; досто҆҃ини 44 об.; недостоиныи 17, 17 об., 128 (128 об.); ѿнедосто҆҃инаго 244; досто҆҃инаѧ 325; досто҆҃иныѧ 249 об.; недосто҆҃иныꙗ҆҃ 276 об. (см. еще лл.: 9 об., 136, 200, 232 об., 262 об., 328); бл҆҃гоговѣ҆҃иньствѣ҆҃ 131 об., -омъ 141, 205, -о 149 об., 235 об.; но: бл҆҃гоговѣ҆҃инw 225 об., -ѣ҆҃инwѥ 320, -ѣ҆҃инwмы҆҃ 226, -ѣ҆҃ини 316, -ѣ҆҃ины҆҃ 154 (см. еще лл.: 228, 318); далее приводятся примеры без столь наглядного противоположения, но не менее убедительные: вои҆҃нъ им. пад. ед. ч. 10, ка́и҆҃нъ 138, ѥ҆҃маноу҆҃и҆҃лъ 105, і҆ѕекі҆҃и҆҃ль 300, и҆зра́и҆҃льтано҆҃ 257 об., шоу҆҃ица 10, двѡ҆҃и|чны҆҃ 284 об., нѣ́коимъ тв. пад. 152 об., поко҆҃йти 156 об., оу҆строи҆҃ти

327 об., достѳйтъ 22, 44, 89; оуꙋстрѳйтъ 216, стрѳйтъ 276 об.; но: михаи́ло 221 об., оуꙋбіи́ца 74 об., любодѣ́ицамъ 122 об., дрꙋгѳ́ицы 190 об., писа́неице 325 об., разбѳ́иникъ 122, 312 об. неск. раз, келе́иныі 172 об., ла́инѡа̀доуꙋщихъ 153 об., житеи́скими 169 об. (10), житеи́скими 304, житеи́скіѣ 324 об., ра́ска᷉ 75, сина́искїе 255 об., ѐврѣ́иски 257, кесарі́искїи 18, стꙋ́діискїи 156 об., 178, оуꙋбіи́ствы 287 об., наа̀рхіѐрѣ́иствѡ 165 об., пре|любодѣ́иствы 252 (287 об.), дѣ́иствено 305 об., дѣ́иствовати 161, сѣ̄щеннодѣ́иствꙋ᷉ 247 об., свѳи́ствено 274 об., 288 об., 317 об., ходá|таиствено 205, -а (316 об.), ходáтаиствꙋ|ѐть 197.

Затрудняюсь высказаться категорически за отсутствием критерия в современном произношении о случае кѳи́ждѡ 193 им. п. ед. ч. ‖ кѳи́ждѡ 215.

Подобно тому, как при других гласных, всегда слоговых,— значок ’ иногда опускается и при *и*, соответствующей слоговому гласному, напр.: достѳинъ 34 (см. еще лл. 33 об., 243 об., 296), нестрѳинъ 75, бл̄говоѣ́иньство 141, -ѣ 231, посла́нїихъ 160, ѡ̑си́хъ пре|да́нїихъ 134 об., гранесословїихъ 32, покѳити 156, пѡкѳи|тиса᷉ 201; возможно, что в следующих случаях *и* равно неслоговому звуку: вѳ̑ини 111 об., ка́инѡва 194, 194 об., і̑ѐзекѣ́илю 245. Все эти случаи (с пропуском ’) легко объяснимы забывчивостью писца; гораздо важнее, что там, где *и* равно неслоговому звуку, писец ни разу не написал этого значка, за исключением одной категории, именно, когда это *и* при переносе начинает строчку, напр.: недостѳ|йне 11 об., недостѳ|йни 287 об., нестро|йна 270 об., раа̊бѳ|йникъ 240 об., бл̄годѣ́|йства 255 (в виду этого обстоятельства нами были игнорированы при перечислении примеров с ’ случаи в роде: оуꙋстрѳ|йлъ 291 об., стрѳ̑|йтиса᷉ 257). Этот прием письма мне напоминает другой из древнейших памятников, в которых писцы доканчивали строки не имеющими места в произношении буквами ꙗ, ъ.

Однако этими данными наблюдение над употреблением значка, над буквою *и* не может быть закончено. Есть одно противоречие современному произношению в употреблении й, а именно в отличие, но не всегдашнее, от современного произношения й, т. е. слоговой гласной (предполагаем, что оно равно и здесь слоговому звуку, доказательство чему см. ниже) сохраняется перед слогом с ударением. Сюда относятся следующие случаи: натаи́ныа᷉ 19-2 об., 237; наипаче̑ 326 об., наи̯|па́че 322 об., наипа̑ 326 об.; моисѣ́и 106, 284 об., 297 об., 298; моисѣ́а᷉ 294 об.,

320; моисѝи 310 (срвн. современное произношение: наипаче, моисе́й); но особенно характерны следующие случаи с чередующимся местом ударения: прїи́доу́щаѧ 112, прїи́доу́щїи 259 об., 260, прїи́дѳ̄ 195 об., прїи́дѳхъ 100 об., 181, 196 об., 235; прїи́дѳхомъ 185 об. (238), прии́дѳсте 69 об., прїи́дѳша 147 об., 193, 232, 235; но: при́идеши 20, 100 об., 103 об. (без значка ударения); при́идет 37 об., 48 об., 136, 137, 138 об., 139, 167 об., 170, 215 об., 249 об., 253, 255 об.; при́и|детъ 31 об.; при́идѣ̄ 44 об., 76, 298, 298 об. и в др. местах, прїидѣ̄ 40, 258, 265; при́идѳ̑тъ 238 (274 об., 275 об., 281 об.); при́иде 33 об., 69 об., 166 об., 196 об., 210 об., 212, 226 об., 228-2 об., 231 об., 233, 253, 258 об., 267 об., 274, 280 об., 287, 287 об. неск. раз; прейди́ 318 об., прейти́ 29 об., 32, прейдѳша 130, 267 об., 289 об., 297а об., прейдѳ̄ша 267 об., 278 об., 310; прейдоша 310, 310 об., прейдоша 310; но: пре́идешь 318, непре́идетъ 180, пре́идѣ̄ 310 об., пре́иде 271 об., 273 об., 276, 280, 287, 287-2, 292 об., 310, 311 bis, 320; прѡ́йди́ 264 об., прѡ́йдѳ̄хомъ 269 об., но: прѡ́идѣ̄ 19-2, прѡ́идемъ 162; прѡиде 280, пойди́ 264 об., 324 об.; пойдоу́ 135, пойти́ 137; но: по́идеши 137 об., пѡ́идѣ̄ 76 об., по́идѣ̄ 26 об., по́идѳ̑тъ 121 об. bis, 124 об., 247, по́идѳ̑т 125 об., по́иде 229; дойти́ 191, но: ѡ́то́иде 228 об., не́иде 33,[1] оу́иде 272 об., за́идѳ̑тъ 124 об., на́идетъ 176 об., на́идемъ 178 об.; прїи́ма́ти 36 об., 262, 283; непрїи́ма́и 48, прии́ма́|ли 273, прии́ма́нїе 107, прїи́ма́хѳ̑ 49 об., но: при́имеши 32 об., 37 об., 48, 135 об., 201, при́имешь 327 об., при́и|метъ 126 об. | 127, 133 об., 188; при́имѣ̄ 75 об., 137 об., 244 об., 313; воспри́имет 141 об., прїимемъ 140, при́имѣ̄ 32, 180 об., 211, 243; при́имете 144 об., при́и|мѳ̑т 75 об. | 76; воспри́имѳ̑тъ 328. [2]Как и выше, иногда писцом пропускается значок ’: таина́ѧ 116, прїидѳша 309, поидоу́ 97 об., прiима́ти 21, 118 об.; в следующих случаях, хотя мы и ожидали бы значок ’, его ни разу не отмечено: прїиди́ 264 об., прїиди́те 120, 120 об. неск. раз (123 об.), прїидѣ̑те 17 об., 327; прїими́ 17, 38 об. bis, 39 об., 40, 48; прїими́же 40; прїими́|те 118, 120 об.,

[1] Срвн. неи́щи́ 251, -и́ 284 об., неи́ми́те 313 об., неи́моу́ще 123 об., 281 об.; кроме того: неи́меноу́|е́ши 46 об., произво́литъ 238 об.

[2] Мало говорят случаи: Ѿи́ди́ 49, Ѿи́ди́те 167, Ѿи́ти́ 186, Ѿи́|доу́ 293 об., которые можно читать и ot’id’i с слогоделением после t, и otoid’i, раскрывая титло Ѿ в ото- (срвн. Ѿи́деши 49, неѾи́детъ ib., Ѿи́де 182 об., 192 об., 223, 228 об., 231 об.).

121; прїити 34, -ти̑ 262, 306 об., прїи|ти̑ 276. Значок над и̑ при переносе слова с одной строки на другую не имеет значения (срвн. сказанное выше): пре́|и̑де 309 об., прї|и̑дѫтъ 45, при|и̑де 299 об., пре́|и̑де 183 об., 280 об., при|и̑метъ 283 об.; поэтому нами не приняты во внимание, с одной стороны: та|и̑ноую 19-2, пре|и̑ди̑ 33, прѡ|и̑дѳша 166 об., по|и̑ми̑ 191 об., мо|и̑сѣа 107 об., мо|и̑ сѣѡви 277, а с другой: на|идѣ̑ 304, пре́|иде 310, где возможно предполагать пропуск обычного в таком положении значка.

При срощении слов с предлогами значок ᾽ над *и* ставится не только тогда, когда на этих предлогах нет ударения, но и тогда, когда оно есть. Напр., не только: вои̑нѣ̑х 223, вои̑спра|вле́нїе 325 и т. п., но и: во̑има 115, 116 об., 127 об., 308, 313 об., ѳ̑име|ни 169 (в следующих случаях возможно предполагать простой пропуск ᾽: ꙁа̑има 319 об., ѳ̑имени 169).

Употребление значка ` над буквою *и*, стоящею в конце слова после другой гласной. В этом положении над буквою *и*, как и над другими гласными (см. выше), совсем не употребителен значок ᾽; случаи: пита̀|и̑сА 35, оу̑стро̑|и̑мА 320 об., распны̀|и̑сА 167 об. (строго говоря, здесь *и* — не в конце слова, если понимать под последним фонетический комплекс звуков, объединенных одним ударением; но мы для удобства упомянем о них здесь) обязаны значком над *и* переносу слова с одной строки на другую.

Над конечным *и* не стоит никакого значка в том случае, когда можно предположить, что оно не составляло слога. Перечислим все встречающиеся категории этого употребления, приведя по нескольку примеров на каждую из них.

1) Им.-вин. пад. ед. ч. им. сущ. м. рода: ра́и 6, вра́и в. п. 206 об., гнои́ 291 об., поко̑и 257, ѡ̑бы́чаи 138, ле́нтїи 170 об., ѡ̑та́иже 158; васи́леи 129 об., а̑ндрѣ̑и 234 об., досифѣ̑и 320.

2) В род. пад. мн. ч.: писа́нїй 5, ѿномышле́нїи 22 об., ѿи̑зобилїи 37; люде́и 70 об., са|не́и 212-2, ѿзаповѣдéи 19, мы̑слеи 282, свирѣ̑леи 119, в̑бр̑бнеи мѣ̑стѡ 111 об.

3) В им.-вин. пад. м. р. им. прилаг., причастий и местоимений: ветхи́и 116, жестоки́и 48 об., поко̑и плѡ̑ски́и 104, травны̑и 285 об., страшны̑и 113 об., тѣ̑сны̑и 126 об., верхо̑вныи 125 об.; ѡ̑смо̑и вѣкъ 256, сѫхо̑и им. п. 221 об., третéи̑ 193; ѿреки́иса 30 об., и̑ски́и 22 об., живы̑и прич. 146 об., сы̑и 36, о̑же|ни̑выиса 18; кїижде 31 об., кото̑рыи 112, сицевы̑и 153 об., кото̑рои 70 об. bis, то̑и 105, 112, мо̑и 4 об., тво̑и 322.

4) В дат. и местн. пад. ед. ч. ж. рода имен прилаг. и причастий: дх҃о́внѣи 316 об., вост҃ѣи 236, на землѣ до́брѣи 174 об., о҆гордéи то҃и и҆страшнéи годинѣ 123, о҆со|бо́рнѡи 131 об., вовса́кои вещи҆ 42, ѡ҆ѣди́ною 130, ѡ҆нéи 232 об., о҆нéиже 16, внéп 272 об.

5) В 2 л. повел. накл.: пéи 164 об., разбéи 191 об., пролéи ib., и҆мѣи 35 об., прѡда́и 9, повѣда́и 246 об., ѡ҆жида́и 268 об., бо҃иса 197 об. (здесь же приведем примеры на множ. число, хотя их и следовало бы поместить среди случаев средины слова: пс҃ите 68 об., подвиза́ит҃е 12, непричта́ите 183 об., бѣ҃гаите 8, ра́до҃итеса 100.

6) В частице *деи*: и҆ст҃ïи деи ѿцы солга́ли 254.

Наоборот, в том случае, где следует предположить слоговой характер буквы *и*, над нею обычно стоит значок ̀. Перечислим все категории, где встречается такая буква *и*:

1) В им. пад. ед. ч. слова *молнiи*: мо́лънïѝ 112 об., 114, 115, мо́лнïѝ 307.

2) В род., дат. и местн. пад. ед. ч. имен сущ. ж. р.: бли́зъ кѣ́лïѝ 18 об., ѿбра́тïѝ 149; кбра́тïѝ 17 об. (183 об.); вкиновúѝ 172, вкѣ́лïѝ 18, вбра́тïѝ 42.

3) В местн. пад. ед. ч. имен сущ. м. и ср. родов (срвн. пп. 1 и 2 предыдущих категорий): пѡкбѝ 130; раѝ 6; прино́ѝ 253, 278; а҆нтбнïѝ 218 об., се́ргïѝ 219 об., а҆рсе́нïѝ 166 об.; покр҃ще́нïѝ 6 об., о҆плѣ|не́нïѝ 313, въо҆у҆строе́нïѝ 28, бдѣ́нïѝ 39, позва́нïѝ 14 об., вве́ли́чïѝ 7, о҆страннолю́бïѝ 12 об., нараспоу́тïѝ 138 об.

4) В твор. пад. мн. ч. имен сущ. м. и ср. родов и нечленных имен прилагат. тех же родов (сделайте то же сравнение): ѡ҆бы|чаѝ 237, разбо́ѝ 252, пѣ́нïѝ 25, о҆|бѣща́нïѝ 27; соа̀|нг҃лы бж҃ïѝ 75 об.

5) В им. пад. мн. ч. имен сущ. муж. р.: і҆ю҆дѣ́ѝ 43.

6) В им. пад. дв. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. имен прилагат., причастий и местоимений муж. рода: оу҆мнúѝ о҃чи 75 об.; благо҃дúѝ 199, страстúѝ 130, дúвúѝ 178 об., блази́ѝ 26, древни́ѝ 72, вѣчнúѝ 23-2 об., ни́щïѝ 6 об., цр҃ко́внïѝ 6, бг҃а́тïѝ 24 об., оу҆бо́зïѝ 118, пра҃вчïѝ 109 об., до҃брïѝ 117, мно҃зïѝ 208, о҃бщïѝ тро҃дúѝ 248 (срвн. на той же странице: о҃бщïи | бг҃ъ), оу҆кроу́|хи хлѣ́бный 191; носа́щеѝ 71, пребыва́ю|щеѝ 9 об., толъкоу́|щïѝ 127, неоскверньшïѝ 120, насо|мïѝ 243, о҆бременéнïѝ 17 об., возлю́|бленïѝ 197, прѡкла҃тïѝ 123; сúѝ 104 об., сïѝ 248 об., нѣцый 104 об., ѡ҃|вïѝ 146. Если к этим формам присоединяется частица

же, а к причастиям *ся,* то обозначение слогового характера буквы *и* через значок ` сохраняется: и҃нѝже 24, трꙋжа́ющейсѧ 17 об., оу҃кла|нающейсѧ 19, совле́кшейсѧ 31; редко в этих случаях эта особенность передается через значок ', как внутри слов: непока́вшийсѧ 117 об.[1]

Характерным противоречием нашему положению являются членные формы причастия наст. вр. действ. залога муж. рода, произносимые ныне при чтении церковных книг на славянском языке с неслоговым і̯ (j): прѡса́и҃ 12, приход́а́и҃ 255 об., и҃ща́и҃ 12, ропща́и҃ 20; наста́и҃ 247; и҃ста́за́ли҃ 142 об., прѡстира́ли҃ 291, слоу҃шали҃ 19, рабо҃тали҃ 42 об., и҃ме́ли҃ 13, ми́лꙋ́ю ib., вѣ́рꙋ́ю 37 об.

Само собою разумеется, возможен пропуск ` над слоговым *и,* напр.: ѿкѣ́лїи 189 об., ккѣ́лїи 157, вкѣ́лїи 157 об., вкинови҃ 169 об.; о҃причаще́нїи 24 об., о҃смире́нїи 72, вра|схище́нїи 137, въ҃блг҃отворе́нїи 75, о҃ра҃ли́чїи 327 об.; лꙋка́выми начина́нїи 76; си́лнїи 118, бе҃стоу҃дни҃и 154 об., безоу҃мнїи 208, с҃тїи 134, пе́кшеисѧ 124, во|злюбле́ннїи 279, таковы́и 130, и҃ны́и 44 об. (срвн. и҃ны́и ib.); хота́и 262 об., да́и 13, потраса́ли 287; но этот пропуск отнюдь не доказывает, что здесь буква *и* равна неслоговому гласному точно так же, как случай мир҃стїи 228 об. не говорит о наконечном ударении, а лишь о пропуске знака ударения над слогом стї.

Употребление значка ˘. Кроме значка ', встречается похожий на него значок ˘; отличается он от первого тем, что представляет дугу в лежачем положении и тщательнее написанную, с нажимом пера в концах ее, и пишется не над одною гласною, а в промежутке между двух; кроме того, должно отметить, что

---

[1] Подобная орфография наблюдается в Евангелии 1616 г. (в Евю), но с тою разницею, что *и,* равное неслоговому звуку, обозначается через *й.* Напр.: в҃прощѐнїй 30, ви҃сѧчїй 59, своѐи҃ р. п. 26, дла надѣ́и҃ 38, но: скорѣ́й и҃ бы҃стрѣ́й 75 об., по́кой 109, попра́вой рѣцѣ́ моей 81, нано́вый 72, го́стей 27 об. Форм в роде проса́и҃ в этом памятнике нет. В малорусских рукописях Толст. I, № 145 и № 157, писанных одною рукою *и* слоговое отмечается через е҃ в отличие от *и* неслогового *(й),* напр.: про́чиѣ 11 об., часты́ѣ II 351-2, о҃погꙋбле́нїѣ 147, насви́нїѣ м. п. 128, ѡпи́тїѣ 54, рꙋчно́ѣ р. п. 228, царе́ѣ 46, воробе́ѣ II 232, вѣ́ды́ѣ 91 об., в' Де́най 99; бра́тъ ро́дный II 333, ѿзвѣ́рїѣ 41, на Лы́сой горѣ́ II 144 об., глзбей 396 об. Что касается Псалтыри F. I, № 7, то в ней употребление значка подобно употреблению этого значка в Сборнике; однако детального рассмотрения употребления этого значка нами, к сожалению, не сделано.

в большинстве случаев он встречается в конце слов и тогда, когда слово оканчивается на *три* гласные буквы. Отметим категории, в которых он встречается:

1) В род., дат., твор. и местн. пад. ед. ч. и род.-местн. пад. дв. ч. женского рода местоимений: моѣѧ сѝлы 128, твѡѣѧ 4 об., ѿрꙋкѝ тво|ѣѧ 245 об., твоѣа 101, ѝскѣ̀лїа свѡѣѧ 18, свѡѣѧ 20, 115 об., 138 об., ѿкѣ̀лїи своѣѧ 189 об., ѣѧ 45, 106;[1] ѿмоеи хоꙋ́дости 320 об.; дш̄и моеи д. п. 4 об., ктвѡеи кѣ̀лїи 20, помолбѣ̀ твѡеи 32 об., еи 27 об., нѣкоеи 143 об.; твѡѣю 34 об., свѡѣю вѡлею 192 об., свѡѣю бл̄года́тїю 19 об., свѡѣю злѡ́бою 282, винѡю нѣкоѣю 50; натрапе́зѣ моеи 9 об., влюбѝ моеи 13 об.; но́гꙋ | моѣю 295, надѣле роꙋ́кꙋ свѡѣю 47, свѡѣю роꙋ́кꙋ 75 об., и в других местах.[2]

2) В твор. пад. им. сущ. и прилагат. женск. рода, если они оканчиваются на *-ьею* или *-іею:* збра́тїѣю 34 об., збра́|тьѣю 20, рꙋкѡ́ю бж̄їѣю 102, бж̄їѣю 317 об. и др.

3) В им. пад. ед. ч. м. р. членных причастий наст. врем.: ѝспыта́ѧи 142 об., ѿвѣща́ѧи 262 об., дѣла́ѧи 185 об., слоꙋ́|шаѧи 243 об., смꙋща́|ѧи 246 об., а̀противлаѧйсѧ 19, оꙋ̀пива́ѧйсѧ 207 об., ѿметалйсѧ 243 об., ѝмѣ́ѧи 108 об. (107 об.) и др.; в этой форме, как мы видели выше, обычен над *и* и значок ̀; никогда не бывает значка ̑, когда форма оканчивается только на две гласные, т. е. в роде хотѧи.

4) В собственном имени ѝса́йѧ 260, ѝса́йю в. п. 280 об.

5) В суффиксе сравн. степени *-ѣи-:* ста́рѣ̀йшимъ 132 об., ста́|рѣ̀йшимъ ib., радостнѣ̀йши 248, ѡ̀каа́ннѣ̀йши 129. Часто без значка: ѕѣ̀лнѣи|ши 273 об., ноꙋ́жнѣйши 320 об., бога́тѣйшѝ 35 об., покорѝвѣйшꙋ 47 об., лѣнѝвеющѝ 216 об. Один раз ᾽: ста́рейшиѝ 223 (само собою разумеется, нельзя принимать в рассчет: о̀стрѣ́|йше 305 об., ѿхꙋдѣ́|йшѝ 286 и грѣ́шне|иши 206. В суффиксе *-ан-* значки ̑ и ᾽ не встречаются: мнѡжа́ишаѧ 22 об., мно|жа́ишею 8 об., далеча́йши 293 об., высоча́йши 134, крѣпча́йши 14 об. (не в счет: глꙋбоча́|йшѝ 251).

6) И, наконец, однажды в слове: ходата́йственно 213, причем значок ̑ стоит как будто между *и* и *с*.

---

[1] Другие написания встречаются редко: свѡе́ѧже 227.

[2] В случае болѝ̀ сеѧ любве 108 об. имеется правка значка ударения ᾽ на ̀, или наоборот, а не ̑.

Приложение № 5.

О ВОЗМОЖНОМ ЗАНОСЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ КАМОРЫ НАД НАПРЯЖЕННЫМ о̂ С ЮГА СЛАВЯНСТВА.

Почерк Сборника, обнимающий листы с 50 по 69 и с 77 по 99 об., отличается от почерка, данные которого введены в исследование: 1) большою непоследовательностью в отношении к русскому языку в расстановке знаков ударения (нередко, напр., значок стоит на предыдущем слоге: невло́жить 50, присѣ́дать 50 об., ѿтебе́ 50-2, нали́це ib., ѿнего́ 51, ви́на р. п. 51, зази́раи 57, ре́щи 62, цѣ́луи 65 об. и т. п.; обратно: наземлю́ 50-2, ѡбла́сть 80 об.); 2) употребление значка ´ на последней гласной после гласной также очень непоследовательно: воспрещаи́ 56 об., послѣ́днюю 56 об., мыслеи́ 66 об., помыслъ твои́ 84 об., мно|жае́ 93 об.; 3) из южнославянских особенностей очень часто *-рꙋ-, -лꙋ-*, при чем обычно на них стоит знак ´: потрꙋ́гнеть 50, неоꙋ́тлъстѣ̋ 51, содрꙋ́жати 58 об., оꙋ́мрꙋщвае̋ 63, трꙋ́паща 96 об. и мн. др.; срвн. еще ъ на конце слова: ме́леть 50, ѣ вм. ꙗ: себо вѡлѣ̂ е̂ есть 86б об.; идавшомоу 85; оухыщраа́ше 98 об.; 4) ѣ и *е* очень часто употребляются один вместо другого: кнекоеи́моу 55 об., ѡслабеи́ 84 об., сѣденїе 57, неленим̑ся 52-2, сѡвести 79 об. и др.; вѣщи 62 (часто в этом слове), и̇скрѣ|нніи 83, вноутрѣнеѣ 80, полѣ̋но 81 об., забвѣнїю 98, рѣкѡ̋ 94 об.[1] В связи с общей неискусностью письма находится и употребление каморы ̂, в котором несмотря на небольшой объем материала замечено 12 исключений: вꙋ́пблзѡ 50, вѡлю 90, бесѡвъ 95 об., ликѡ́ве 66 об. bis, рекѡша 51, оꙋ́готѡ́вилъ 52 об., смиренослѡ́вити 89, обратно: твѡра 50 об., ѡчи твои 52, тѡнн̑ 51, прїатнѡ 78 об.

Приведем все случаи правильного употребления каморы: вѡла 52 об. (см. еще 78 об., 86 б об., 89 об., 90 bis, 98), покои 57 bis, 90, покрѡвъ 78, бесѡве 96, винѡю 50, зженѡю 51, состаришинѡю 51 (где сохранилась память о древнем ударении *ста́-*), мнѡги 78 об. (см. еще 50, 50-2 об., 51 об., 88, 93, 95, 96), мнѡжае̋ 81, дѡброе 50-2 (см. еще 88 об., 91), готѡвъ 87 об., оꙋ́бѡгъ 88, ѡсѡбь 96 об., винѡвни 80, не[до]стои́нъ 98, бесѡ|вскаа 64 об., бѡлѣ 50-2, впервѡе 50, злѡе 50-2, вторѡе 59, добрѡ

[1] Следующие описки отражают диалектические особенности писца: свѣтлѣи́шїи 55 (92), ста́ришинѡю 51, пе́рвїе 78 об.; крычанїа 83 об.

или злѳ 50 об., добрѳ 90 об., 91, зѣлѳ 64, 67, 86 б об., 89 об., 90 об., ѿлѹкавáгѳ 52 об., ѿнегѳ 90, стоббю 50 об., 51 об., мнѳю 83, грѡ́ᵇ твѳи 50 об., ничтѳже 50 об. (но: чтó 95, 98, а также: почтѳ 90, 93); мѳжеши 50-2 об. (96), восхѳщеши 54, прѳсѝ|ши 51 об., нѳсить 62 (50 об., 51), помѳлитсѧ 50 об., ѿхѳдить 50-2, вхѳдать 50-2 об., оумнѳжатсѧ 57, неоуготѳви 94 об., оуготѳва 93; кроме того: любѳвїю 66; срвн. отсутствие каморы в случаях: нóзѣ 55, мóрю 78 об., кооустóмъ 68, скóро 51 об., въскóрѣ 95, пóмощь 96, впóмыслѣ 79, пóбзѣ 91 об.

Кроме вышеприведенных случаев, камора употреблена над односложными словами: и҃мнѣ 89 об., сѣ 87 об., мнѣ 95 об., срвн. еще злы҃ѧ 50-2 об.

Нам известен еще памятник половины XVI в. (F. I 147 а), в котором при сильном влиянии южнославянской графики (часто *рꙋ*, на конце *ъ* вм. *ꙋ*) замечается рядом с непоследовательностью в обозначении ударения (прóси п. н. 25, поклѡнюсѧ 25 об., вѡлы 26, твоѝмъ 26, дръжавнó е҆сть 27) замечается непоследовательность в употреблении каморы, хотя трудно отрицать, что каморою обозначалось также и напряженное *о* (см., напр., на листе 25: вѳ҃дъ, е҆гѳже, мѳѝ, но: нóщь, гóроу). Мы прочли из него три листа (25—27) и заметили порядочно уклонений: вóлѧ им. п. ед. ч., помѳ|щь, пѳ҃нѡ҃sѣ, слѳвеса, мѳѝма, приклѳни п. н., врáꙁи мѳѝ. Кроме односложных слов и над *о*, камора встречается и в других случаях: ѱа҃лóмъ, стлѣ҃потвбренїє, покры҃єши, кнѧ҃sи, глáвоу҃, роукѧ҃, словесѧ҃.

В виду того, что можно проследить обозначение каморой напряженного *о* в памятниках, графика коих находится под сильным южнославянским влиянием, мы склонны думать, что этот прием письма занесен к нам с юга славянства; но, как нашедший почву в русском произношении, он стал применяться и в памятниках, письмо коих освободилось от многих южнославянских, излишних для русского языка, приемов (напр. хотя бы от ростановки после плавных глухих на месте русских гласный + плавный, и этот прием нашел применение для чисто русских слов (стѡ́рожꙋ и ворѳ҃тцѣ Сборн.).

Очень жалеем, что нам не удалось, за недостатком времени, поискать постановки каморы над *о* среди южнославянских памятников, в которых по нашим догадкам (мы видели печатную серб-

скую книгу, в которой камора стояла над *о*) такая постановка должна встретиться.

Приложение № 6.

ОБРАЗЕЦ ГОВОРА СЕЛА НОВОСЁЛКИ РЯЗАНСКОГО УЕЗДА И ГУБЕРНИИ.

(Запись сделана Ф. М. Тоньшиным; особенности женского говора приведены в выносках.)

Мужык вздумал ехать рыбу ловить и стал сыбирать сани: привязал г грядтки ужышьшю, пылажыл тапор, а жана вынисла из ызбы ватулу и воспишьшю, пылажыла ф сани и апеть ушла в ызбу, пытаму што[1] истапель была ф полнам разгари. Мужык шумнул, што[1] бы баба зытварила выратá, а сам хлыснул лошать и паехал. Кады[2] приехал он к озиру, была ишта[3] ранния утра; мужык снял куртачкю и стал прырубать канурку. Он работал так усердна, што[1] фся рубашка явo[4] была ат пота мокрай. Нылавил мужык рыбы многа, пылажил гиё[5] ф сани на восьпишьшю, накрыл ватулай, увязал и тронулси дамой: сам идить[6] напирёт[7] и тянить[8] за повать лошать, а ана ташшитца ззади явo.[4] Лисица учюила в вазу дабычю и падумыла: «дай, я ляжу ны дарёги и притварюсь мёртвай,[9] а кады[2] мине мужык паложыть на вас, я паем рыбу и убягу». Мужык увидял лисицу ны дарóги и сказал: «вот дабро-та, какой харошай выратник маей баби к шуби пристрою». Поднял он лисицу, страхнул снех ш шерсти, пылажыл гиё[5] в гылавяшки, а сам апеть пашол напирёт;[7] он дабре радалси сваей нахотки и харошаму лову, што[1] зыграл песни. Так он даехал до даму. Баба явo[4] вышла встренуть мужа и атварила выратá. — «Ну, баба, угашьшяй мине чайкём и водачкей: я табе многа дабра вязу; пысматри-ка, какой выратник, вон ны вазу», сказал мужык сваей жане. Баба пысматрела и зыварчяла: «ах ты, насмешник, што[1] ты лапочиш, никакова[10] тут выратника нет, ды ты и рыбы-та ни нылавил, а ишта[11] чайкю просиш, табе и гисть давать не за шта».[12] —

---

1 шьше. 2 кали. 3 ишьтя. 4 ягo. 5 ие. 6 йдя. 7 напирёт. 8 тяня. 9 мертвай. 10 никакога. 11 ишьтя. 12 но за шьшя.

«Што[1] ты, дурычкя, вытрискала глаза-та, сматрй пыд ватулай в гылавяшках». Так ани гутарили, и мужык атпрягал лошать, а кады[2] он стал разбирать сани, то и сам удивился, што[1] ф санях не была ни лисицы, ни рыбы.

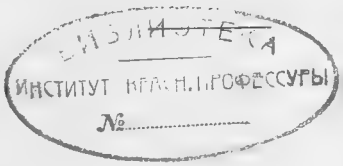
воспище — полотно, заменяющее брезент.

ватула — одеяло ручной работы, изготовляемое из остатков льна и тряпок.

истопель — время утренней стряпни.

канурка — маленькая прорубь.

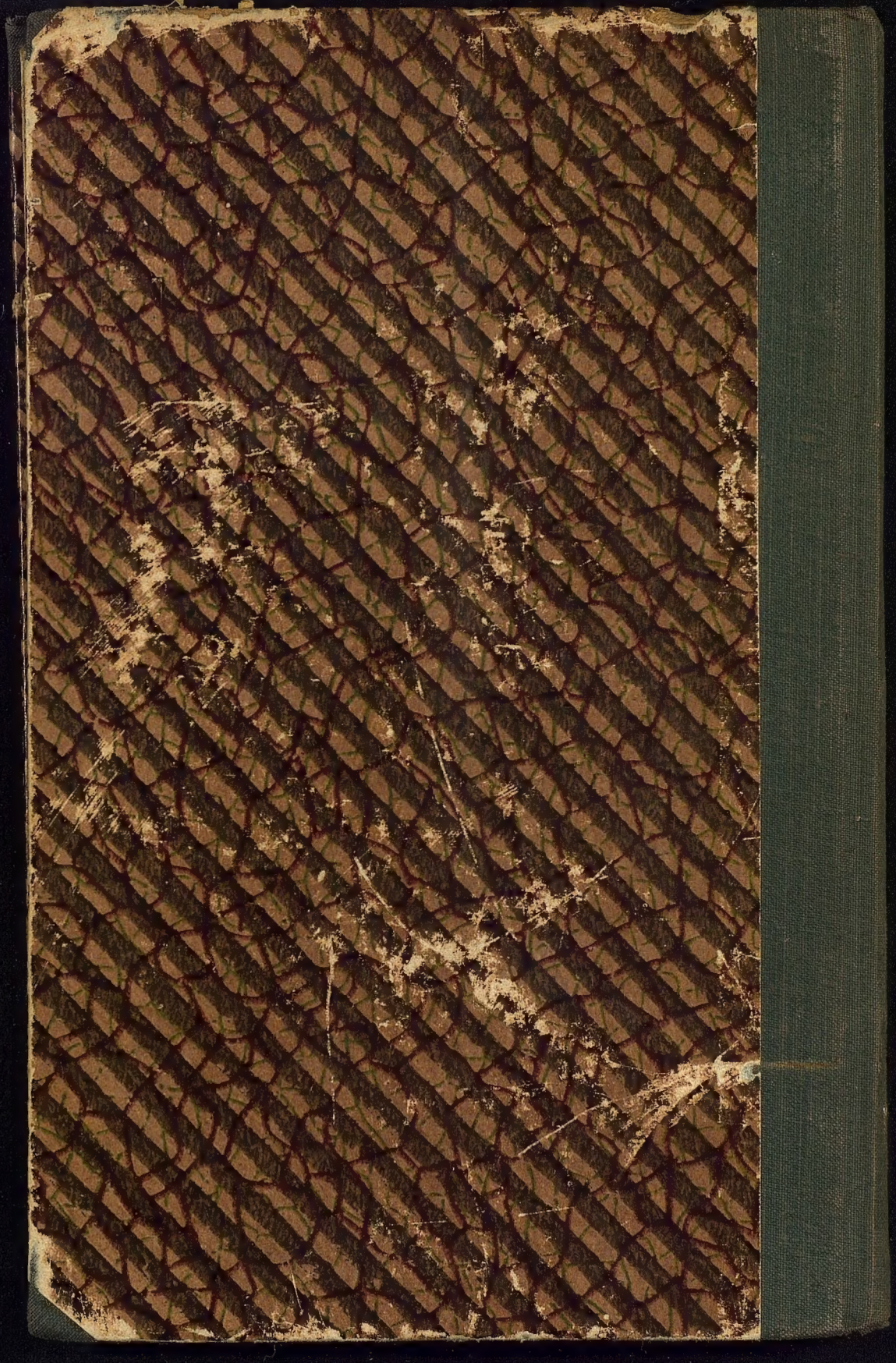
головяшки — передняя часть саней.



1 шьшё. 2 кали.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
От редактора		I
Отзыв А. А. Шахматова о труде Л. Л. Васильева		III
Предисловие		1
Объяснение сокращений. Рукописи. Старопечатные московские книги		3
Введение		5
Глава	I. Употребление каморы	17
»	II. Напряженное *ô* на месте древнего *ъ*	19
»	III. Звук *о* в абсолютном начале слов	21
»	IV. Напряженное *ô* на месте древних *е*, *ъ*	23
»	V. Открытое *о*	24
»	VI. Напряженное *ô* в серединном открытом слоге	58
»	VII. Напряженное *ô* в закрытом срединном слоге	88
»	VIII. Напряженное *ô* в закрытом конечном слоге	109
»	IX. Напряженное *ô* в конечном открытом слоге	125
»	X. Напряженное *ô* в окончании членных имен прилагательных, а также местоимений и в твор. падеже ед. ч. имен существительных женского рода и местоимений	133
»	XI. Звук *о* в глаголах на *-ovatь*	139
»	XII. Звук *о* в именах собственных и книжных заимствованиях	141
»	XIII. (дополнительная). Некоторые общие выводы из наблюдений над русским ударением	143
Приложения (№№ 1—6)		146

Цена 3 руб.

5924